

Юрий Симоненко

СТРОЙОТРЯД

18+

Юрий Симоненко

Стройотряд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257901

SelfPub; 2024

Аннотация

Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке точно известно. Наука давно уже в курсе дела. Марс – это мёртвая пустыня, в которой выжить гарантированно нельзя. Если вы, конечно, заблаговременно не умрёте... А вот если вы уже мёртвые, и вам не надо есть-пить-спать и так далее, тогда добро пожаловать на Марс! Для вас там найдётся много работы.

Содержание

Пролог. Кое-что о красной планете	4
Часть первая. Русские мертвецы	7
Часть вторая. Неуловимый засланец	63
Часть третья. Дети железных дев	114
Часть четвёртая. За други своя	154
Эпилог. Третья жизнь после второй смерти	209

Юрий Симоненко

Стройотряд

Пролог. Кое-что о красной планете

Марс. Холодная пустыня, в которой нет ни травинки, ни кустика; не видно в россыпях камней ни змей, ни ящериц; в чёрном, усыпанном всегда яркими звёздами небе¹ не кру-

---

¹ Всем недоумевающим читателям Википедии, зрителям телеканала «Дискавери» и ютубовских блогеров-научпоперов, слушателям лекций модных научпоперов лекторов, что озабочены индексами цитирования в иностранных журналах и колеблются в согласии с тамошней генеральной линией; наконец просто зрителям художественных фильмов и сериалов, имею сообщить следующее. Да, небо Марса действительно всегда чёрное и звёздное. И днём, и ночью. Причина этого в разреженности марсианской атмосферы, плотность которой у поверхности соответствует плотности атмосферы Земли на высоте тридцати с лишним километров – у нас это верхний слой стратосферы. Это когда вниз посмотрел – там голубой воздушный океан; вверх посмотрел – там чёрный космос и звёзды. Никакая пыль, якобы окрашивающая небо Марса в знакомые телезрителям и интернет-пользователям багряные цвета, в атмосфере такой плотности долго удержаться не сможет, – частица пыли и увесистый булыжник упадут вниз с практически одинаковым ускорением, потому, что вокруг почти вакуум. Наверняка найдутся воинственные адепты всего научного, пересмотревшие всех блогеров и перечитавшие всю Википедию, кто захотят доказать мне, что я неправ и вообще без малого «плоскоземельщик». Этим могу сразу предложить повесть не читать, ибо неприятная для них картина реального мира – не просто декорация назло жертвам ЕГЭ и почитателям разных гуру научпопа, что годами осваивают иностранные гранты. Мир этот – реальный мир планеты Марс, а не картинки из состряпанных для «Дискавери» за деньги НАСА «документалок», которые тира-

жат птицы. Песок и камни, камни и песок, и редкий лёд – вот и всё разнообразие пейзажа. Иногда дует слабый медленный ветерок, но благодаря почти втрое меньшей, чем на Земле силе тяжести, ему удаётся взметать вверх лежащую повсюду пыль и песок, а когда поднимается буря, и небо из чёрного ненадолго становится красно-коричневым, летают даже камни. Здесь невозможно дышать. Вдохнув разреженный местный воздух, на девяносто пять процентов состоящий из углекислого газа, вы тотчас лишитесь сознания, а низкое давление заставит жидкости в вашем теле кипеть, несмотря на сильный мороз. Вы умрёте очень быстро. Но зато хорошо сохранитесь! Низкие температуры, нулевая влажность и отсутствие бактерий быстро превратят ваше тело в мумию, качество которой высоко оценили бы древние египтяне и сектанты-трансгуманисты². Марс – мёртвая планета – идеаль-

---

жируют «наши» светлоликие «просветители» – напрямую влияет на сюжет повести. На Земле, или на какой-нибудь иной планете, история, описанная в этой повести попросту не могла бы в точности повториться, как не могла бы она произойти и на том «Марсе», который рисуют нам пишущие Википедию анонимы и читающие популярные лекции профессора и кандидаты физико-математических наук (между прочим, в свете, так сказать, последних событий, показавшие свою истинную сущность – что являются они у нас в стране пятой колонной). *Здесь и далее – примечания автора.*

² Наверняка многие слышали о заморозке трупов. Кто-то, возможно, слышал слова «крионика» и «криопациент». Так вот, люди, которые этим занимаются – то есть, практикуют замораживание мертвецов за деньги, чтобы воображаемые всемогущие учёные будущего этих мертвецов потом оживили – это, по сути, адепты новой квазирелигии – так называемого «трансгуманизма». Вот, к примеру, что об этих персонажах говорит заведующая кафедрой биоэтики РНИМУ

ный склеп. А ещё Марс – это настоящий Клондайк. Здесь есть литий, рений, кобальт, цинк, уран, осмий, иридий, ниобий, палладий, родий, вольфрам, платина и, конечно же, золото. Много золота. И чтобы всё это добыть, на Марсе нужно жить. Не сидеть в скафандрах по футуристическим станциям с обилием неоновых подсветок, а ходить по улицам, гулять в парке, посещать библиотеку, может быть церковь, создавать семьи, рожать детей, и работать, конечно – добывать всё перечисленное и многое другое. Жить. А живут люди в городах.

им. Н.И. Пирогова доктор философских наук, профессор И.В. Силуянова. Цитата: «Мировой наукой признано, что замороженные человеческие организмы не могут ожить. Поэтому крионисты воспринимаются российскими медиками так же, как колдуны или знахари, – как популяризаторы лженауки». (Источник: РБК daily)

Часть первая. Русские мертвецы

Когда маленький белый диск – здесь он в полтора раза меньше, чем в земном небе – весь появился меж холмами вдаль, перекрасив тонкую видимую полосу атмосферы на близком горизонте из тёмно-синего, каковой та была ещё минуту назад, в светло-светло-голубой цвет, сидевший бездвижно на плоском багряном камне Сергей лишь прищурился, продолжая смотреть сквозь защитные стёкла очков на слепящий восход. Только когда светило стало подниматься над вершинами холмов, он принялся разминать шею, поворачивая голову влево и вправо. Холодный солнечный свет стремительно заливал лежавшую между ним и холмами вдаль каменистую долину, на глазах укорачивая длинные тени от встопорщенных тут и там камней. На пятом повороте головы влево он заметил выглянувшего из-за полога близстоящей палатки Тахира.

– Сидишь... – сказал ему Тахир бесцветным голосом.

– Ага, – ответил Сергей, – сижусь...

Он давно взял за обыкновение вставать затемно и встречать рассвет, сидя на этом плосковерхом валуне, неизвестно как здесь оказавшемся, – камень этот резко выделялся среди своих собратьев, – глядя на восток, где километрах в трёх от палаточного лагеря начиналась россыпь железистых холмов, высотой от полусотни до пяти-семи сотен метров, которые

все называли «Ржавыми». Передние два холма в этой россыпи как бы срослись основаниями, и в сочетании с несколькими холмиками поменьше образовывали некоторое сходство с лежащим посреди пустыни двугорбым верблюдом. Последние несколько дней светило поднималось точно из низинки между холмами-горбами, в какой, порой без всякого седла, с комфортом размещаются земные бедуины.

Повертев головой, и после, покатав её с плеча на плечо, Сергей встал с камня, размял плечи, потянулся, громко хрустнув позвонками.

– Ну что, Тахирыч! Солнце светит выше ели... Давай, выводи ребят на построение!

Тахир молча кивнул и скрылся за пологом. Из палатки слышался его приглушённый голос и недолгая возня, после чего наружу, пригибаясь в проходе, выбрались сам Тахир и с ним Андрей Ильич – бывший полицейский опер, мужик в летах, но крепкий, коренастый, широкоплечий, как и все рабочие.

– Что, Серёга, пасёшь верблюда... – весело заметил мёртвый опер, проходя мимо. Он так каждое утро говорил. Андрей Ильич полжизни прослужил в МУРе, в шестьдесят вышел на пенсию, а через год – инфаркт...

– Ага, Ильич, пасу... – На освещённом холодным белым светом и без того бледном лице Сергея мелькнула почти живая улыбка.

Тахир с Андреем Ильичом пошагали к соседним палат-

кам: один – к ближней, другой – к дальней. Вскоре из палаток стали появляться их обитатели: Вован, Лёха и отец Никифор – из одной, и Майор, Палыч и Кац – из другой. Все были одеты в одинаковые синие комбинезоны с откинутыми на спину капюшонами, у всех на глазах очки-маски с жёлтыми стёклами и защитой от пыли.

Негромко переговариваясь, рабочие потянулись к стоявшему у камня Сергею, продолжавшему смотреть в сторону «верблюжьих горбов». Солнечные лучи, казалось, проникали вглубь пропитанной консервантами кожи, нагревали холодную плоть на сотую или даже десятую долю градуса (вряд ли, конечно, но Сергею нравилось так думать).

Высокий и оттого казавшийся худощавым, хотя он и весил под сотню кило (на Земле, разумеется), с закрытым в верхней части герметичными очками по-мужски красивым волевым лицом, одетый в точно такой же, как у остальных, плотный арамидный³ комбез синего цвета, в армированных

---

³ Арамид – ароматический полиамид – высокопрочное и легкое синтетическое волокно, полимер, широко применяемый в оборонке (от бронежилетов и шлемов, до корпусов кораблей, самолётов и ракет) и гражданских отраслях (изготовление тросов, автомобильных шин, тормозных колодок, спортивного инвентаря, бытовой техники, спецодежды; армирование волоконно-оптических кабелей и т.д., и т.д.). Существует несколько подвидов арамидов: параарамиды, метараамиды, сополимеры полиамида (последние применяются в машино- и приборостроении, электротехнической промышленности и других отраслях народного хозяйства)... Возможно, есть ещё какие-то иные подвиды арамидов, о которых я попросту не знаю. Первые арамидные материалы были разработаны американской фирмой DuPont в 60-х годах прошлого века. В 70-х американцы начали промышленное производство широкой номенклатуры параарамидных волокон

сталью ботинках из плотной резины и того же арамида, только чёрного, Сергей смотрелся эффектно на фоне утреннего марсианского пейзажа. Для большего форсу ему не хватало, разве что, какого-нибудь высокотехнологичного оружия в мосластых руках или меча при поясе... Этаким покоритель красной планеты, – в особенности женской половины её населения, если бы здесь таковое имелось. Инженер Лось⁴, ни дать ни взять, только очень бледный, потому что мёртвый.

Сергей был здесь главным. Начальник стройотряда; главный инженер отделения Проекта освоения Марса на планете Марс; командир спецгруппы, о делах которой на Земле знали немногие, – только те, кому знать положено... – всё это он, Сергей Петрович Никитин, в прошлом – при жизни – подполковник Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, для товарищей – просто «Сергей», или «Серёга», или «Серый»... Он не гоночился, воспринимал это спокойно, как должное. А чего ему, мёртвому?..

под торговыми марками Kevlar и Arenka (последнюю в 80-х переименовали в небезызвестный Twaron). В СССР в начале 1970-х разработали свои арамиды – аналог Кевлара Терлон, и оказавшийся по ряду показателей лучше американских параарамидов – СВМ (Синтетический высокопрочный материал). Второе поколение СВМ – это Русар и Амос, – броня из этих материалов на сегодняшний день считается лучшей в мире. В повести я не уточняю названий и марок, ограничившись общим названием – «арамид». Сделано это во избежание неловких ситуаций, в какие порой попадают некоторые нерадивые авторы, когда пишут в своих книгах о том, в чём ни черта не понимают. Да и действие повести происходит в будущем. А что там в будущем напридумывают наши светлые умы – о том сами знаете, кто ведаёт...

⁴ Инженер Лось – персонаж романа Алексея Николаевича Толстого «Аэлита».

Когда восемь рабочих, включая бригадира Тахира, – тоже совершенно мёртвых, – выстроились полукругом позади, Сергей обернулся, окинул собравшихся быстрым ровным взглядом, после чего посмотрел в направлении дальней палатки, из которой появилась ещё одна фигура в таком же, как и остальные, комбинезоне. Фигура эта отличалась от остальных тем, что была отчётливо женской.

Невысокая, чуть выше ста шестидесяти сантиметров, плотно сбитая, с не по-модельному широкими бёдрами и мягкими покатыми плечами, фигура эта не была грузной или рыхлой. Наоборот, была скорее спортивной. Лишнего веса у идущей к собравшимся вместе мертвецам женщины не было ни единого килограмма.

– Доброе утро, Надежда! – громко поприветствовал женщину Сергей, когда той оставалось пройти несколько метров до неровной шеренги.

– Доброе! – сказала Надежда, обойдя строй и встав немного в стороне.

Надежда была единственной женщиной на этой планете, и такой же мёртвой, как и присутствовавшие здесь представители сильного пола. Хотя... какая разница, мужчина ты, или женщина, если ты – труп, и никакие плотские страсти не тревожат тебя, как прежде, при жизни... Из всего немногочисленного населения Марса – из десяти живых мертвецов – Надежда единственная была полностью освобождена от физических работ, потому как отвечала за работоспособность

остальных девяти и себя самой. Кроме того, были у Надежды и другие обязанности.

– У кого-нибудь есть жалобы на здоровье? – обратилась она к рабочим, и уголки её бледных губ тронула едва заметная, как у Моны Лизы, ироничная улыбка.

Надежда была красива, несмотря на мертвенную бледность – красива той простой женской красотой, которая не бросается в глаза сразу, которую легко вообще не заметить, но стоит заметить её однажды, и взгляд ваш снова и снова возвращается к этой красоте, потому, что созерцать красоту приятно. Консерванты сохранили красоту этой женщины, и теперь, спустя годы, которые часто бывают особенно немилосердны к женской красоте, она оставалась такой же, какой её запомнили живые – расцветшей, но не начавшей увядать.

– Не стесняйтесь, ребята! – объявила она деловито. – Если у кого-то есть какие-то проблемы, лучше сразу их устранить.

– Вчера под вечер колено стало как-то подозрительно поскрипывать... – сказал немного стеснительно Палыч – медведеподобного телосложения слегка даже косолапый рязанский мужик, умерший в пятьдесят два года от остановки сердца. Сила в Палыче была невероятная, потому видать и попал он в марсианский стройотряд. Вот только из-за силы этой приходилось Надежде время от времени чинить его суставы, а один раз даже кость армировать. – Я подумал, это... может само пройдёт...

– Па-алыч... – мёртвая женщина на секунду устало при-

крыла веки. Её красивые глаза за тёплыми жёлтыми стёклами казались почти живыми. – Ну сколько можно тебе объяснять! Ну не пройдёт само! Не пройдёт! Ты лучевую уже одну сломал, теперь хочешь, чтобы у тебя хрящ в колене треснул?.. Начальник! – обратилась она к Сергею почти официально. – Прошу тебя, повлияй на этого медведя! У меня на такого членовредителя никакого эн-зэ⁵ не хватит!

– Тахир! – спокойно сказал Сергей бригадиру и своему первому помощнику по строительной части. – Проследи, чтобы Палыч не перенапрягался. А то сдуру можно и... сам знаешь чего...

– Прослежу, – коротко ответил тот.

– А пока – шагом марш ко мне в палатку! – блеснула сквозь жёлтые стёкла очков чуть тронутыми мертвецкой мутью серыми глазами Надежда, и Палыч, как пристыженный медведь пошагал в указанном направлении. – Ещё есть стахановцы?

Мертвецы закачали не в такт головами. Один Лёха, самый молодой среди мертвецов, бывший бизнесмен из Тамбова и по совместительству уголовник – первый на Марсе юморист и балагур, а ещё иногда бард и менестрель – неуклюже пошутил про отсутствие эрекции, но шутка не удалась:

---

⁵ Выражение, употребляемое в разных профессиональных жаргонах, от военного, до медицинского. НЗ (эн-зэ) – неприкосновенный запас чего-либо. Например, продовольствия, или боеприпасов, или медикаментов. В данном случае, жаргон именно медицинский, так как, речь о, пусть и специфических, но медицинских средствах.

Надежда только устало взглянула на Лёху с укором учительницы младших классов, в присутствии которой ученик громко пукнул, и ничего ему не сказала.

Мёртвая женщина уже развернулась, чтобы уйти, но отец Никифор – непокойный иеромонах⁶ Киево-Печёрской лавры её остановил:

– Наденька, – сказал он, – вы уж простите, не сердитесь... но у меня, кажется, в спине что-то щёлкает, когда я наклоняюсь... Несильно так, но всё же...

Отец Никифор был мертвец тихий и кроткий. В стройотряде его уважали.

Внешне среди других мертвецов он выделялся окладистой русой наполовину седой бородой и всегда накинутым на голову капюшоном, который во время работы заменял каской; его редко видели с непокрытой головой. Был он невысок ростом, плотен, кряжист, широк в плечах и в кости, но не толст, хотя и весил на Земле при жизни за сотню кило. Отец Никифор не имел ничего общего с тем карикатурным типажом толстого мордатого попа, какой часто встречается в богатых городских приходах. Настоящий русский монах.

С благословения церковного начальства этот крепкий телом и духом батюшка прошёл прижизненную подготовку на полигоне Роскосмоса и завещал после смерти передать

---

⁶ Иеромонах или иначе священномонах – монах в Православной церкви, имеющий сан священника. Соответствует иерею – священнику-мирянину, который, в отличие от иеромонаха, обычно бывает женат (овдовев же, и приняв монашеский постриг, иерей становится иеромонахом).

своё тело Российской Академии Наук для участия в Проекте освоения Марса, чтобы тем послужить Родине и Церкви. В планах Проекта было строительство в марсианском городе храма и учреждения епархии, а потом и митрополии, вот в РПЦ и решили послать на Марс подходящего работника. Сам Патриарх лично прибыл на космодром «Восточный», чтобы благословить первого марсианского храмостроителя Никифора и с ним весь мёртвый экипаж в долгий путь к новой российской земле.

С первого дня на Марсе отец Никифор (так его стали звать почти все, несмотря на уговор обращаться друг к другу просто, без чинов и званий, коих при жизни у большинства собравшихся здесь мертвецов имелось в достатке) являл собой образцовый пример труженика, исполнительного, внимательного и знающего толк в работе, поскольку до ухода в монастырь был он метростроевцем. Очень скоро Сергей назначил отца Никифора помощником бригадира.

– Обязательно нужно посмотреть, – сказала Надежда мёртвому монаху без тех ворчливых ноток в голосе, какими только что отчитывала Палыча. – Сейчас идите работать, а когда придёт Палыч, тогда – сразу ко мне. И без фанатизма, отец Никифор! Чинить позвоночник – это не к прямой кости железку прикрутить...

– Хорошо, Наденька, – покивал отец Никифор. – Не беспокойтесь. Я поберегусь... – Мертвец улыбнулся в бороду. Он единственный называл её так, «Наденькой», хотя На-

дежда и умерла совсем не юной девицей, не студенткой-лаборанткой. Надежде Михайловне Скворцовой на момент смерти было тридцать восемь, и была она кандидатом наук. При жизни она имела самое непосредственное отношение к Проекту освоения Марса, – к той её части, без которой никакое освоение красной планеты было бы в принципе невозможно – к разработке технологии оживления. Поэтому и звали её все, кроме отца Никифора, не «Надей», и даже не «Надюшей», а непременно «Надеждой», хоть и на «ты». Иногда ещё Лёха добавлял к имени эпитет «дорогая», но то под настроение и со всем уважением. Просто Лёха – это Лёха.

– Ну что, отцы-мертвецы, – снова взял слово начальник стройотряда, – с больными-косыми-хромыми мы, надеюсь, разобрались – обеспечили Надежду нашу работой, чтобы не скучала. Теперь, когда ряды наши исключительно работоспособны, предлагаю приступить к трудам праведным.

Тахир Наильевич! – Сергей перевёл взгляд мутных болотного цвета глаз на бригадира. – У тебя есть, что сказать трудовому народу?

– Нет, – коротко ответил мёртвый татарин.

Тахир при жизни был прорабом, что называется, от Бога. Четверть века провёл он на стройках всего, чего только можно. Разве что, метро, как отец Никифор, не строил. Низкорослый, почти квадратный, на кривых как у прирождённого кавалериста жилистых ногах, с перебитым ещё в молодости (подрался с дембелями, когда служил в стройбате) покрив-

лѐнным носом на выбритом до синевы ещё при жизни плоском лице, Тахир был всегда серьёзен и скуп на слова.

– В таком случае, за работу, товарищи марсиане! – объявил Сергей бодрым командирским голосом. – Первый русский город на этом ржавом колодке без нас непокойных сам собой не построится!

Девять лет – местных, марсианских лет⁷ – провели мертвецы на красной планете. И все эти годы они строили город. Пусть небольшой, по земным меркам – посёлок, максимум ПГТ, но по местным, марсианским – город. Настоящий. На Земле первые города тоже были маленькие... А этот на Марсе – самый первый!

Раз в год с Земли прилетал грузовик с контейнерами, которые с орбиты доставлялись одноразовыми посадочными модулями.

Модулей возвращаемых – «челноков» – на грузовике имелось всего два – основной рабочий и запасной; на них мертвецы отправляли на Землю образцы местных жидкостей, газов, минералов и результаты научных экспериментов, которыми занималась Надежда. Грузоподъёмность этих модулей была невелика – максимум 20 местных килограммов, поэтому все отправляемые с Марса грузы тщательно подготавливались, взвешивались, подгонялись под габариты грузовой камеры «челнока».

---

⁷ Марсианский год длится 687 дней. При этом сутки на красной планете длиннее земных без малого на сорок минут.

В местах посадки модули легко переоборудывались в прицепы, – отправляемым за ними вездеходам нужно было только привезти с собой колёса. Садилась модули эти обычно в сотне-полтора километрах от строящегося города. Но иногда бывало и дальше, – в двух- или трёхстах. А один раз так и вовсе сел в полтора тысячах...

Все работы во время доставок временно приостанавливались, и большая часть мертвецов отправлялась в поисковые экспедиции на имевшихся у отряда двух вездеходах-тягачах. Экспедиции эти занимали обычно десять-пятнадцать суток, но бывало и больше. Самая продолжительная экспедиция состоялась на второй год пребывания мертвецов на Марсе. Тогда один из модулей по ошибке сел в 1582-х километрах от лагеря, и на поездку туда и обратно ушло сто тринадцать дней.

А что вы хотели? Дорог на Марсе нет, и вездеход, вопреки своему названию, проехать способен далеко не везде. Тем более, таща за собой поезд из четырёх прицепов. Да и скорости здесь далеко не земные, потому как сцепление колёс с поверхностью ненадёжное.

Бывали и другие экспедиции, для которых не требовалось останавливать строительство и отвлекать от работ весь состав стройотряда. В такие экспедиции отправлялась спецгруппа из двоих мертвецов: Сергей и Майор, и вместо вездехода они использовали лёгкий и быстрый багги. В таких случаях временно исполняющим обязанности начальника отря-

да назначался Тахир, который с обязанностями этими вполне справлялся, а отец Никифор на время становился бригадиром. А начальник стройотряда превращался в командира спецгруппы, и вместе со своим помощником по специальным операциям, бывшим майором ВДВ Сергеем Юрьевичем Коваленко, которого в отряде все звали просто «Майором», устраивали «несчастные случаи» с аппаратами НАСА...

... Не задавались в последние семнадцать лет у американцев исследования красной планеты... Не задавались... То один марсоход в яму свалится вверх тормашками, то у другого колесо заклинит да проводка заискрит, то на третьего во время пылевой бури наметёт тонну песка... Беда с этой техникой... Послать на Марс живых астронавтов американцы не могли, – помрут по дороге от радиации, а если кто и долетит, превратится в немощного инвалида, и век его здесь будет недолгим. А своих мертвецов у американцев не было. То есть живых мертвецов. Не тупых кровожадных зомби из голливудских фильмов и сериалов от стриминговых интернет-сервисов, а умных, сильных, ловких, выносливых, не нуждающихся в сне и пище, в привычном земном воздухе, готовых выполнять тяжёлую сложную творческую работу во благо Родины.

Таких мертвецов не было ни у кого в мире, кроме России. Да и у России их было не много. Потому, что не всякого покойника можно оживить, да и не всякий оживлённый захочет жить, будучи мёртвым, тем более на другой планете; не

всякий имеет необходимые физические данные и потенциал; не всякий имеет нужные навыки и умения, которыми требуется предварительно овладеть, ещё будучи живым. Кроме того, сама технология оживления безумно дорогá: высокочастотные многоядерные процессоры, элементы питания, оптоволоконная нервная система, заменяющий кровь термогель, широкая номенклатура консервантов и множество других дорогостоящих компонентов... – один оживлённый мертвец стоил как памятник из чистого золота в полный рост самому себе. Добавьте сюда риск захвата «золотого» мертвеца спецслужбами тех же американцев, англичан, или другого государства... Например, китайских товарищей. В общем, пока технология оживления была гостайной, применять труд мертвецов (тем более, физический) на Земле не имело никакого смысла. Луна, Марс, другие планеты – вот где такие, как Сергей и его стройотряд могли послужить стране и её народу. Они – гордость русской науки и преимущество русской космонавтики. Здесь они были на своём месте. Незаменимые.

***

Палаточный лагерь стройотряда расположился к востоку от строящегося города. Всего восемь палаток армейского образца: пять «жилых» офицерских, в которых обитали мертвецы и три большие, на взвод солдат, в которых были склады

инструментов, мастерские и гараж для багги и мотоциклов.

В палатках «жили» по двое и по трое. Только у Сергея и Надежды были отдельные палатки. Сергею, как начальнику отряда, главному инженеру и градостроителю, полагался рабочий кабинет с кучей оборудования и узлом связи, а также архивом бумажной документации, прилично выросшим за девять долгих марсианских лет; а в палатке Надежды размещались лаборатория и операционная, в которой она при случае пользовалась иногда получавших, несмотря на все меры предосторожности, лёгкие производственные травмы товарищей.

В стороне от лагеря был смонтирован мини-завод по производству стекла и полимеров из местных материалов – песка и пыли. Ещё дальше – склад контейнеров, коих за восемь доставок с Земли набралось более полусотни. Большая часть контейнеров была сейчас заполнена продукцией мини-завода, потому как их первоначальное содержимое давно превратилось в вездеходы, багги, мотоциклы, в строительную технику и рабочий инструмент, предметы нехитрого мертвецкого быта, в, собственно, мини-завод, перекечовало в палаточные склады и взлетело на воздух вместе с тоннами марсианской скальной породы, поскольку то была взрывчатка. Однако треть контейнеров были всё ещё полны необходимыми для будущих работ материалами, произвести которые здесь, на Марсе, пока не представлялось возможным.

И сам лагерь, и весь сосредоточенный в лагере и вокруг

него транспорт, и строительную технику – бульдозер, грейдер, экскаватор и мини-завод – всё это обеспечивал энергией доставленный с Земли отдельными блоками ядерный энергокомплекс. С учётом своевременных регулярных поставок радиоизотопных элементов, комплекс этот был способен проработать до сотни земных или чуть более полусотни марсианских лет.

Когда мертвецы отправились к месту работы, Сергей пошёл к себе в палатку, где сделал запись в толстом бумажном журнале о начале рабочего дня, после чего проверил электронную почту и отправил на Землю стандартный доклад. Постояв минуту возле стола, занимавшего четвертую часть пространства помещения, на котором лежала склейка из двух больших листов плотной бумаги – генеральный план будущего города с множеством сделанных простым карандашом пометок, Сергей улыбнулся какой-то своей мысли и вышел из палатки.

Город, который строили мертвецы, представлял собой систему из глубоких и широких траншей, по которым легко мог проехать вездеход с прицепом, и траншей поменьше, в которых помещался багги. Часть траншей планировалось в дальнейшем накрыть плитами перекрытия и засыпать грунтом, превратив в подобие метротоннелей мелкого залегания, часть – накрыть листами прозрачного полимера, превратив в светлые проспекты (траншеи пошире) и улицы (траншеи поуже), защищённые от губительной для человека атмосферы.

ры планеты. На каждой траншее-проспекте и траншее-улице имелось множество ответвлений по типу блиндажей, располагавшихся на равном расстоянии один от другого – это будущие дома, которые будут расти не вверх, а вниз, вглубь относительно ровной цельной каменной плиты, идеально подходящей для задуманного российскими учёными и архитекторами. Планировкой будущий город походил на Москву, только сильно уменьшенную в размерах: три широких кольца, самое большое из которых имело протяжённость в три с половиной километра, а самое малое – всего девятьсот пятьдесят метров, и семь радиальных проспектов, таких же широких, расходящихся от центра, где была площадь в виде правильного семиугольника; среднее кольцо, протяжённостью в два с четвертью километра, было шире остальных проспектов в два раза (по нему свободно разъезжались оба имевшихся у стройотряда вездехода), – в будущем это будет сплошной парк – «Садовое кольцо», как его сразу назвали мертвецы; между проспектами тянулись более узкие улицы и будущие тоннели, соединяющие объекты городской инфраструктуры и необходимых для жизни людей производств, котлованы под которые большей частью были уже отрыты и готовы для строительства помещений и монтажа оборудования. Радиально-кольцевая планировка строящегося города и наличие в нём Садового кольца не оставляли ни у кого в отряде сомнений насчёт его будущего названия, которое будет официально объявлено, когда нога первого живого человека

ступит на марсианскую землю.

(К слову, на Земле название города тоже давно не было интригой.

В социальных сетях писали и говорили по-разному, в зависимости от того, чья – в смысле: какой страны – была соцсеть, и каковы были политические взгляды пишущих.

В российских соцсетях строящийся на красной планете город давно называли кто «марсианской Москвой», кто «Москвой-на-Марсе». Однако в СМИ из года в год продолжало звучать сдержанное: «первый российский город на планете Марс», или просто: «марсианский город». А вот в соцсетях иностранных встречались самые разные определения: и нейтральное «русское поселение», и милое «городок», и дурачко-зловещее «город мёртвых», и либерально-антироссийское «марсианский зомби-ГУЛАГ»... Но все в мире понимали, что этот город – будущая столица планеты, а сама планета – будущий регион Российской Федерации.

Что же до названия, то здесь сомнений ни у кого не было: это будет ещё одна Москва.

Ну и что, что одна Москва в России уже есть? Есть же Ростов Великий и Ростов-на-Дону. А Новгородов так вообще целых три: Великий, Нижний и Северский, что в Черниговской области. И Москвы будет две: одна на Земле, другая – на Марсе.)

Снаружи подул слабый ветерок, тотчас поднявший тут и там облачка пыли.

Поочерёдно плотно задраив оба полога в тамбуре, Сергей пошагал через лагерь к дальней палатке.

Местность здесь была большей частью каменистая. Лишь в трещинах меж плоских камней и в скоплениях валунов собирался крупный песок, приносимый нечастыми бурями со стороны пустыни, обступившей долину с юга и юго-запада, а более мелкая пыль в безветрие оседала повсюду ровным тонким слоем. Стоило подуть слабенькому местному ветерку, как пыль эта поднималась вверх сантиметров на тридцать или чуть выше и мелась позёмкой вдоль каменных плит. Едва же ветерок стихал, стремительно – раз примерно в тридцать быстрее, чем бывает на Земле – оседала.

Войдя в палатку Надежды, Сергей застал мёртвую женщину за работой.

Палыч с виноватым и оттого немного комичным выражением лица (виноватость делала его сходство с медведем ещё сильнее) смиренно лежал на операционном столе в одних трусах и без очков, а Надежда водила ультразвуковым датчиком по его правому колену и сосредоточенно рассматривала изображение на экране УЗИ-аппарата.

– Ну, что там у него? – спросил Сергей.

– Как я и говорила – трещина... Маленькая. Но, что живому человеку – мелочь, потому, что ткани восстанавливаются, то мертвецу – кирдык. – Надежда посмотрела в виноватые глаза пациента. – Ты это понимаешь, Палыч?

– Угу.

– Это ему очень повезло, что трещина небольшая, – продолжила мёртвая женщина, повернувшись к Сергею. – Не успел мениск раздавить... Сейчас загоню в неё хрящевой клей, два часа спокойно полежит под нагревателем, потом будет разрабатывать сустав без нагрузки... Как на велосипеде, – объяснила она Палычу, открывшему было рот, чтобы что-то спросить, – только лёжа. До вечера. На сегодня выписываю тебе, Палыч, – она снова посмотрела на больного мертвеца, – больничный!

– Совестно, – сказал на это Палыч. – Все работают, а я тут...

– Ничего, потерпишь...

– А отец Никифор? – спросил Сергей.

– А отца Никифора присылай ко мне часика через три. Я как раз этого совестливого чинить закончу.

***

В этот день работы велись на северной окраине города, за третьим кольцом, где был отрыт глубокий котлован – будущее городское водохранилище, вода в которое будет подаваться из заполненного льдом ударного кратера, – его пологий вал возвышался в двух с половиной километрах к северу. По сути то было замёрзшее кратерное озеро диаметром в шестнадцать километров. Толщина льда в этом ледяном озере достигала местами сотни метров. В будущем мертвецам

предстояло пробурить тоннель в кольцевом вале кратера и проложить от него закрытый канал к водохранилищу, чтобы обеспечить город водой. А пока, вот уже пятьдесят восьмой по счёту день, они готовили резервуар.

Вначале, как и при строительстве траншей-улиц, мертвецы взрывали породу, потом вынимали её экскаватором и вывозили к возводимому в двух километрах юго-западнее города рукотворному валу. Для перевозки использовали вездеход и сделанный из грузовых контейнеров десятитонный прицеп (по марсианским, разумеется, меркам десятитонный; на Земле грузоподъёмность такого прицепа – чуть более трёх с половиной тонн). Потом выравнивали стенки котлована и снова вывозили лишнее.

Работали, разумеется, не кирками и кувалдами, а пневматическими и электроинструментами – отбойными молотками, камнерезками. Когда нельзя было использовать экскаватор, применяли конвейерный перегружатель. Тогда, конечно, махали лопатами.

На сороковой день котлован был полностью отрыт, и теперь мертвецы укрепляли его стены и дно стеклополимером, произведённым здесь же, на упомянутом выше мини-заводе.

Для нанесения полимера использовались разработанные и изготовленные российскими учёными специально для применения в условиях разреженной марсианской атмосферы инструменты – теплушки (у инструментов этих имелось и другое, правильное и весьма заковыристое название, но

мертвецы – народ простой – прозвали инструменты эти просто и незатейливо: «тепловыми пушками», или коротко: «теплушками»). Теплушка нагревала обрабатываемую поверхность и набрасывала на неё расплавленный полимер, который застывая, превращался в подобие керамики. Получалось сплошное керамическое покрытие без стыков и щелей.

Учитывая, что и без нанесения полимера каменная плита, в которую мертвецы вгрызались вот уже десятый год, была прочна как гранит, можно уверенно полагать, что город, который они обязательно построят, будет настоящей крепостью и простоит тысячи лет.

Андрей Ильич, Лёха, Вован и Майор методично наносили слои полимера на грубо выровненную каменную стену, двигаясь слева направо по смонтированным вдоль стены алюминиевым лесам, каждый по своему уровню, а Кац с отцом Никифором обеспечивали бесперебойное питание их теплушек, поднося в больших как бочки металлических вёдрах похожее на комочки сильно пористого керамзита вещество из стоявшего наверху возле котлована прицепа. Они без суеты и спешки, но довольно резво спускались по примыкавшей с одного края лесов лестничной клетке сначала на один уровень, потом на другой, где опорожняли вёдра в объёмные пластиковые ранцы за спинами товарищей – по ведру в ранец, после чего столь же резво взбирались наверх за новыми порциями полимера.

Двигались мертвецы бодро и деловито, движения их были

чётки, выверены, – не как у киношных роботов, а как у живых людей, которые только что приступили к работе, перед тем хорошенько отдохнув.

Вот только мертвецы не отдыхали. Никогда. Мёртвые не устают; им не требуется сон, пища, воздух... (они вдыхают его только для того, чтобы говорить). Они могли бы работать без перерыва, круглые сутки, если бы видели в темноте, как какие-нибудь вурдалаки. Но глаза их были те же, что и при жизни – никаких сверхъестественных свойств они после смерти не приобрели. У некоторых зрение даже немного ухудшилось. И это несмотря на консерванты! (По мнению Надежды, у живого человека без защиты для глаз, которую ещё предстояло разработать, от яркого как электросварка марсианского солнца уже через месяц гарантированно разовьётся катаракта.) Бывало, они работали ночью, когда можно было работать с искусственным освещением без увеличения риска получить травму, но в последнее время необходимости в такой работе не было, поэтому работали днём, а на ночь отправлялись в палатки, где предавались разговорам, игре в карты или шахматы, или лёжа без сна на обычных солдатских раскладушках молча дожидались нового дня.

Тахир контролировал весь процесс: постоянно перемещаясь с яруса на ярус, проверял качество работы (иногда, чтобы не возвращать далеко ушедшего товарища, сам устранял мелкие недостатки, для чего имел при себе малую теплушку), следил за безопасностью. Время от времени он прочи-

щал засоры в гофрированных шлангах, через которые полимер подавался из ранца за спиной в приёмник теплушки, что самим работавшим с этим инструментом мертвецам делать было неудобно (нужно снимать ранец и скидывать ременно-плечевую разгрузку, на которой подвешивались тяжёлый даже по марсианским меркам аккумулятор и сама теплушка – штука довольно громоздкая).

Поскольку слышимость на Марсе – так себе, все разговоры во время работ велись исключительно по радио с использованием гарнитуры. Так все друг друга слышали, и это существенно повышало слаженность действий и, следовательно, эффективность трудового коллектива. Главное – не уходить слишком далеко из зоны прямой видимости.

Пустая болтовня в эфире, понятное дело, не приветствовалась, но и прямо не запрещалась. Мертвецы – народ не особо разговорчивый. Но если кто-то из мертвецов делился с товарищами интересной мыслью или просто шутил без вреда для общего дела, Тахир таких не одёргивал. Мог и сам поддержать разговор.

– А хотите анекдот? – как обычно, ни с того ни с сего спросил Лёха.

Некоторое время в эфире было тихо, потом прозвучало басовитое:

– Н-ну?.. – это Вован – бывший боксёр-тяжеловес не утерпел. Он любил анекдоты.

– Хоронят, значит, старого еврея... – начал рассказывать

Лёха, продолжая сосредоточенно поливать скалу из теплушки. – А перед смертью он наказал родственникам положить на похоронах ему в гроб по шекелю...

– Лёша! – перебил его Кац, заправлявший в это время ранец Майора двумя уровнями ниже. – Этот анекдот отрастил бороду, пейсы и шляпу задолго до знакомства обеих твоих бабушек с инициативными молодыми людьми, что стали впоследствии твоими дедушками... Там ведь дальше раввин говорит, что можно чек в гроб положить?..

– Не-е, то другой анекдот... – объявил Лёха.

– А я слышал вариант, где один из родственников забрал из гроба шекели, оставив расписку на взятую сумму плюс один шекель сверху... – подал сверху голос Андрей Ильич.

– И тот – другой! – отмёл бывший бизнесмен и уголовник Лёха разоблачения бывшего мента-оперативника. – Андрей Ильич, ну не перебивай, а!

– Ладно, пусть расскажет! – в наушниках у мертвецов снова раздался бас Вована.

– Во! Слушайте! Прощаются, значит, евреи с покойным, кладут в гроб каждый по шекелю... А потом в конце к гробу выходит адвокат Либерман...

– И говорит, что покойник был ему должен?

– Нет, Леонид Натаныч, нет! Зачитывает завещание.

– И чего там, в завещании? – интересуется Вован.

– Все шекели из гроба еврей завещал отнести в сберкассу и положить на депозит на его имя до востребования...

– Но зачем? – Наверху возле прицепа на секунду недоуменно замер Кац с лопатой в руках. Он насыпал композит из прицепа в пустые вёдра. – Зачем мёртвому счёт в сберкассе?

– Так в гробу проценты не капают, – объяснил Лёха. – На случай, если прав окажется поп, а не раввин... «Вдруг воскресну, – говорил еврей адвокату, – а у меня в сберкассе капитал...»

В наушниках слышались глухие хмыканья, но никто не рассмеялся.

– Не тот это капитал... – негромко проговорил отец Никифор, но все мертвецы его услышали, – да и не там...

– Понятное дело, на небесах надо было еврею сокровища собирать, – присоединился к разговору Майор. – Читал я про это в Библии, ещё когда живой был...

Гвардии майор Сергей Коваленко, вопреки расхожим стереотипам о десантниках (как то, склонность к пьяному мордобитию и купанию в городских фонтанах) и часто располагающей лично с ним незнакомых граждан верить этим стереотипам внешности, – был он квадратен, кулакаст и мордаст, имел тяжёлый подбородок, перебитый нос и шрамы на лице, – человек был весьма и весьма образованный. Несмотря на богатый боевой опыт с множеством командировок «за ленточку»⁸, – где он получил множество боевых наград и бо-

---

⁸ Армейский жаргон. Выражение, ставшее популярным в период СВО – Специальной военной операции Вооружённых Сил Российской Федерации на Укра-

евых же ранений, но, тем не менее, вопреки стараниям врагов, умер своей смертью от инфаркта в возрасте тридцати девяти лет, – Сергей Юрьевич всегда находил время и для самообразования и просто для чтения самой разной литературы, от художественной до научной, и от философской до религиозной.

– А вот скажи, отец Никифор, – продолжал Майор, – мне – атеисту, да ещё и мёртвому, хотя и крещённому в детстве, возможно капиталец там, на небесах в смысле, сколотить?

– Отчего же нет? Ты его всю жизнь сколачивал, пусть даже и неосознанно... и теперь продолжаешь... Всем по делам зачтётся.

– Так я же это... мёртвый...

– У Бога все живы, Майор... Ты же здесь дело делаешь. А что атеист и в него не веришь, так то ему без разницы. Он-то в тебя верит.

– Хм... Вроде как прижизненные дела в счёт должны идти... Или я чего не понимаю, батюшка?

Отец Никифор ответил не сразу.

– Понимаешь, Майор, – произнёс он, помолчав. Мертвецы продолжали слажено работать, не замедляя темпа. Мёртвый монах, говоря это, спустился по лестнице на второй сверху уровень лесов и шагал с полными вёдрами к Лёхе, у

ине. Означает: «выполнять боевую задачу на передовой» или бывать «на передке» – ещё одно выражение из профессионального военного жаргона. То же, что и «за речкой» во время Афганской войны.

которого полимер в ранце уже заканчивался. – По учению церковному оно всё так: пока живой, можешь, и нагрешить, и покаяться, и дел правильных сотворить немало, а после смерти – мытарства... ну, то есть следствие, и суд... Суд первый, индивидуальный... А потом, в конце времени – всеобщее воскресение и суд последний, окончательный и потому называемый ещё Страшным... – Отец Никифор снова помолчал. – Вот ты умер, а потом тебя учёные оживили. Отмечу особо, не воскресили, а оживили, потому, что воскресшие перед Страшным судом будут иные, не такие как мы с тобой... Так вот, оживили тебя для дела, потому, что дело это не по силам живым. И ты сознательно действуешь, пусть в тебе и силы физической прибавилось, и обычные страсти человеческие тебя оставили. Пусть другой ты стал, но себя-то ты осознаёшь и отчёт действиям своим отдаёшь... То есть можешь осознанно сотворить доброе или злое деяние... И почему же Господь должен эти твои деяния игнорировать, как бюрократ какой-то, только лишь из-за того, что тело твоё мертво?..

Прозвучавший вопрос был риторическим, и в эфире на минуту повисло молчание, которое прервал Лёха:

– Вот я как помер... – так как уснул, и всё! А потом очухался на операционном столе: трубки всякие в руках и ногах торчат, в заднице шланг... живот зашит-перешит и в груди форточка... Был живой, потом этот козёл с пистолетом... «бабах!», занавес, потом снова как живой, только мёртвый...

Не помню я, чтобы меня по мытарствам этим твоим кто таскал, или на суд вызывал... Ты уж извини, отец...

– А зачем тебя на следствие дёргать, Алексей, зачем на суд призывать, если Господь тебе определил ещё на Марс лететь? – спросил отец Никифор, заглянув с верхнего яруса, куда успел подняться, пока говорил, чтобы там заправить ранец Андрея Ильича. Мёртвый монах оказался как раз над Лёхой.

– То есть как... Ну, это же не по-божески... Когда люди вместо него покойников оживляют... – Лёха на секунду замер, глядя в мертвенно-бледное бородатое лицо в привычных защитных очках.

– А когда люди людей на войне убивают, обрывая внезапно жизни тех, кто мог бы ещё покаяться, или наоборот – нагрешить? Это по-божески? – возразил ему вопросом на вопрос отец Никифор, и не давая ответить, продолжил: – Неисповедимы пути Господни, Алексей... то есть нельзя их человеку просчитать. *Бóльши сея́ любвѣ никто́же имать, да кто душу свою положит за друзи своя...*⁹ – произнёс он, очевидно цитируя священный текст. – То есть отдать жизнь за друзей, за близких, за страну и народ – это не против Господа, не самоуправство. И война, что бы там ни говорили всякие пацифисты, бывает справедливая и богоугодная, хотя на войне и приходится убивать, а убийство – грех... Просто солдат не из гордыни убивает, незаконно присваивая себе божье пра-

---

⁹ Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 13.

во, не из зависти или садистской жестокости... если он на правой стороне, конечно, если не фашист, не изувер... Он – орудие божье. И он не только убивает врага, но и сам иногда гибнет – за други своя.

Отец Никифор закончил с заправкой ранца Андрея Ильича и пошагал обратно к лестнице.

– А касательно твоих слов, Алексей, о том, что не по-божески это, покойников оживлять, я скажу так: если цель благая и богоугодная, то и греха в том нет... Тем более, что, как я уже сказал Майору, учёные – не Господь, они только оживляют на время, но воскресить не могут и никогда не смогут... Мы все здесь во благо страны – нашей России, мы здесь, чтобы подготовить место живым, чтобы эта планета с её богатствами стала русской. Страна на нас надеется. В эту самую минуту в разных её городах – в Москве, в Питере, во Владивостоке, Новосибирске, Краснодаре, в Одессе и Киеве – наши братья и сёстры трудятся, чтобы очередной корабль с грузом отправился сюда вовремя, чтобы не сорвался план... А мы здесь – мы как те солдаты, делаем то, что в обычное мирное время человеку делать не подобает – будучи мёртвыми, делаем дело ради живых. У нас отсрочка.

Дошагав до конца яруса, мёртвый монах быстро поднялся по алюминиевым ступеням на пролёт выше и по перекинутому с лесов широкому трапу с перилами выбрался из котлована. Стоявший наверху у трапа с раскрытым планшетом и карандашом в руке Тахир заметил:

– Это ты хорошо сказал, Никифор, правильно.

Монах в ответ только коротко кивнул и пошёл к прицепу.

В его походке, осанке, в широких покатых плечах было что-то едва уловимое, что выдавало в нём священнослужителя. Умерев, он никогда более не надевал мантии и клобука, не облачался в священнические ризы, но синий рабочий комбез, точно такой же, как и у других мертвецов, странным образом смотрелся на нём монашеским облачением.

Споро накидав совковой лопатой оба ведра, отец Никифор подхватил их и пошёл обратно к трапу, но его остановил прозвучавший в наушнике голос начальника отряда:

– Отче, ставь вёдра! Покури пока!

Мёртвый монах послушно выполнил приказание и обернулся. Метрах в пятидесяти по укатанной вездеходами и багги окружной грунтовке со стороны лагеря пылил мотоцикл.

– Курить – здоровью вредить! – добродушно заметил Отец Никифор, когда мотоциклист выехал на пяточок перед прицепом и остановился, расставив ноги в стороны.

Тахир, стоявший на прежнем месте, закончил писать, убрал карандаш в нагрудный карман и закрыл планшет. Обернулся.

– А где Палыч? – спросил он, видя, что начальник приехал один.

– Сегодня у него выходной. Надежда ему колено заклеила. Лежит теперь, совестью мучимый.

– Пускай лежит, – Тахир подошёл к мотоциклу. – Мы пока

без него справляемся. Ты за Никифором?

– Да. Отец Никифор, – Сергей перевёл взгляд на монаха, – давай, садись на коня, – он слез с мотоцикла и, легко приподняв его, развернул на месте, – и поезжай к Надежде! Она тебя ждёт.

– А сам? – спросил его Тахир.

– А я с вами, поработаю. Отче, седлай коня!.. Только сильно не гоняй! Если светило наше научное тебя отпустит, на нём обратно и приезжай.

– Как скажешь, Сергей, – ответил отец Никифор, принимая мотоцикл и перекидывая ногу через седло. – Ну, поеду я...

– Давай, отче, давай. Только по МКАДу езжай! По бездорожью не гоняй!

Мёртвый монах крутанул гашетку, электродвигатели глухо загудели и обутые в литую резину с крупным протектором колёса, синхронно провернувшись и, выбросив назад облачка пыли с мелкими камешками, бросили «железного коня» вперёд. Отец Никифор уверенно выровнял мотоцикл, направив его к дороге и, выехав на неё, прибавил газу. Поднимая позади себя быстро оседающий шлейф рыжевато-серой пыли, мотоцикл на миг скрылся из виду за невысоким холмиком, вскоре появившись с другой его стороны, и умчался по дороге в направлении лагеря.

Дорога эта, называемая мертвецами в шутку «МКАДом», появилась сама собой в ходе строительства города, и с го-

дами превратилась в чётко выделявшийся среди хаотичного марсианского пейзажа просёлок. Дорога местами петляла среди холмиков и крупных камней, то опускаясь в низинки, то взбираясь на пологие подъёмы, местами тянулась почти прямо; со временем, кое-где в стороны от неё потянулись разной степени укатанности ответвления, ведущие к оврагам, холмам и барханам, куда мертвецы ездили за нужными в строительстве материалами или, наоборот, вывозили породу, насыпая валы и терриконы.

– Отче! – сказал с улыбкой Сергей, глядя вслед удаляющемуся мотоциклисту. – Не гони!

– Спаси Господь, Серёжа, я самую малость газку прикрутил, только чтобы набок не свалиться... – послышалось у мертвецов в наушниках.

Любил отец Никифор прокатиться с ветерком, была у него при жизни такая слабость.

– Ты – летящий вда-аль, вда-а-аль анге-ел...¹⁰ – безбожно фальшивя и пустив в конце петуха, пропел вдруг Лёха – помимо анекдотов и баек, большой любитель и знаток великого множества песен. Лёха не видел, как уехал мёртвый монах, а только слышал разговоры.

Сразу после этого эфир глухо захрюкал сухими смешками. Лёхе наконец удалось рассмешить мертвецов.

---

¹⁰ Группа Ария, «Беспечный ангел», слова Маргариты Пушкиной.

***

Работа продолжалась. Теперь место отца Никифора занял Сергей, решивший подменить мёртвого монаха. Тем более что дел у главного инженера и начальника стройотряда до вечера всё равно не было.

Сергей часто так присоединялся к рабочим, махал лопатой, таскал вёдра и носилки, садился за руль вездехода и вывозил породу. Мертвецы воспринимали это спокойно и бесстрастно: он – начальник, ему виднее. В отряде вообще все всё спокойно воспринимали.

Мёртвые ведь только с виду такие же, как и живые: ходят, работают, управляют транспортом и применяют сложные приборы и инструменты, при том ведут размеренные беседы, иногда шутят, иногда даже смеются, после работы играют в карты. На самом же деле они принципиально другие. Мертвецы стабильны, неизменны.

Каким был на момент своей смерти тридцатисемилетний подполковник Сергей Никитин, имевший два высших образования, первое из которых – горно-инженерное, имевший семью: жену и двух дочек, таким и остался. Ничего в нём не изменилось за семнадцать земных лет, что минули со дня, когда сердце его перестало биться.

Мертвецы не просто законсервированы, – их тела не испаряются, не сохнут, но и не регенерируют, раны не зажива-

ют и кости не срастаются; и их мозги такие же, какими были в последний момент жизни, им не грозит старческая деменция, но и умнее они уже не станут, – они как бы застыли во времени. Нет, они, конечно, различают ход времени вне себя, но их внутреннее время остановилось в момент их смерти. Поэтому мертвецы не страдают от разлуки с близкими, хотя и понимают их боль утраты; поэтому не надоедают друг другу; поэтому не страдают от скуки; поэтому не амбициозны; поэтому не тщеславны; поэтому обращаются друг к другу просто: Лёха, Вован, Палыч, Серёга... Они всего достигли, что им отмерила жизнь, или Бог; они всё доказали, что могли. Поэтому мёртвые равнодушны к чинам и званиям, к политесу и церемониалам. Мертвецы просты, но не тупы и не глупы. Они делают здесь, на Марсе, своё дело и тем довольны. Они продолжают по-своему любить живых, помнят мёртвых, которых уже никто не оживит, по крайней мере, до Страшного суда, но они не страдают, не срываются, они всегда спокойны.

Вооружившись бочкоподобными вёдрами, Сергей на пару с Кацем опустошал прицеп с композитом, заправляя ранцы товарищей. Время от времени кто-то из мертвецов сообщал: «Я пустой», или: «Я забился», и тогда Тахир коротко командовал: «Кац – на второй ярус!», «Сергей – на четвёртый!», или говорил: «Иду» и шёл чистить забившийся гофр.

Полностью обработав закрываемый лесами участок стены, мертвецы сноровисто разобрали их и снова собрали на

новом месте. Начали обрабатывать новый участок. Ничего не обсуждали, Лёха больше не рассказывал анекдотов. Не то чтобы рабочие как-то стеснялись своего начальника, просто такие они, мертвецы, малоразговорчивые. Но и не настолько молчуны, чтобы молчать весь день.

– Я вчера письмо от жены получил, – сказал вдруг Вован, занявший на новом участке третий ярус лесов. – Пишет, дочь внука родила. Владимиром назвали... в честь меня. А ведь когда я помер ей и пяти не было... Надьке-то, жене моей, самой уже пятьдесят три... а мне, выходит, шестьдесят один...

Вован при жизни был профессиональным спортсменом – нокаутировал немало народу на ринге, за что имел медали и кубки, и некоторое количество вне оно, в частном, так сказать, порядке, за что имел условный срок. Силой живой Вован обладал невероятной, а померев на сорок втором году от сердечной недостаточности и будучи оживлён, стал силён поистине чудовищно. Не окажись Владимир Безбородько в числе участников Проекта освоения Марса, покоился бы в сырой земле без малого восемнадцать лет; поставили бы ему гранитный памятник в Подмосковье, а рядом посадили берёзу или липу – уже бы большая выросла, но так сложилось, что по всем параметрам – физическим и, что ещё важнее, психическим – сгодился покойный спортсмен для дела государственной важности. Как и у других мертвецов, за исключением, разве что, отца Никифора и Лёхи, осталась у Вована на Земле семья.

После слов Вована все некоторое время молчали, потом Лёха, теперь поливавший стену из теплушки на самом верхнем четвёртом ярусе, посмотрел вниз вправо, где трудился Вован, и весело заметил:

– А ты хорошо сохранился, дедуль! Мужчина-то хоть куда... мёртвый только.

И, напустив в голос дворово-босяцких приклатнённых интонаций, как в старом кино, залихватски пропел, на этот раз вполне неплохо:

– А он мужчина хоть куда, он служил в ПЭВЭО...

– Ого! – тотчас заметил Кац. – Вы таки помните Гарика, молодой человек! Уважаю!

– А чего мне его не помнить? Я же с детства люблю всякое такое... Высоцкий, Цой, Кипелов, Сукачёв... Это же классика! Отец любил послушать... Он у Гарика даже на концерте был, и Кипелова и Арию тоже вживую видел...

– А давай «За окошком месяц май» споём! – предложил тогда Кац.

– А давай!

И мертвецы в два голоса запели:

– А за окошком месяц май,

Месяц май, месяц май.

А в белой кружке чёрный чай,

Чёрный чай, чёрный чай.

А в доминошне мужички,

Мужички, мужички.

Да по асфальту каблучки,
Каблучки, каблучки...¹¹

Лёха умер молодым парнем, в двадцать восемь. Потому и выглядел он моложе других мертвецов, хотя и было ему от рождения уже сорок пять. Широкий, высокий, с симпатичным простоватым лицом с крупными чертами; голубоглазый и с большими как у телёнка ресницами, белобрысый, – таких любят женщины. С таких, как Лёха, в Советском Союзе рисовали плакаты хлеборобов и ваяли памятники матросам.

Жизнь у Лёхи сложилась, мягко сказать, трагически. В раннем детстве всё у него было хорошо – оба родителя, достаток в семье, в школе учился на твёрдые четвёрки... А потом авария на трассе Тамбов – Сталинград сделала Лёху круглым сиротой. И оказался Лёха в детдоме, в десять лет. В шестнадцать, прямо из детдома, переселился Лёха на «малолетку», а в восемнадцать, выйдя на волю, оказался он натуральным бомжом, потому как в квартире, оставшейся от покойных родителей, проживали теперь чужие люди, законно владевшие этой самой квартирой. Быстро выяснилось, что двоюродный брат матери – его, стало быть, Лёхи, двоюродный дядька, вскоре после смерти сестры подделал документы и продал квартиру. В последующие затем восемь лет квартира продавалась ещё трижды, и не пустивший Лёху на порог угрюмый мужик оказался самым что ни на есть законопослушным гражданином, ни к каким мошенничествам

---

¹¹ Гарик Сукачёв, «За окошком месяц май».

с недвижимостью непричастным. Недолгое правдоискательство вчерашнего зэка положительных результатов не принесло: чиновники, полиция, адвокаты – все только разводили руками. Тогда Лёха сделал единственное, на что был способен в той ситуации: отыскал родственника и нанёс ему тяжкие телесные, за что снова сел, на три года. Пока отбывал срок, сошёлся с авторитетными уголовниками, и когда снова вышел, перед ним открылись определённые перспективы, которыми Лёха не преминул воспользоваться.

После второго срока в тюрьму Лёха больше не садился. Стал Лёха средней руки бизнесменом, через бизнес которого отмывались деньги тех самых авторитетных друзей, что оставались пока сидеть, а также их деловых партнёров на воле. За семь последующих и последних лет жизни Лёха умеренно разбогател: купил квартиру в центре Тамбова, сменил пять машин, каждое лето отдыхал в Крыму и в Сочи. Имел он и успех у женщин, однако семьёй так и не обзавёлся. Участие в Проекте принял за два месяца до смерти, совершенно спонтанно: просто ткнул в появившуюся на Госуслугах в разделе «Медицина» иконку (а иконка эта, стоит заметить, появлялась далеко не у всех), прочитал предложение в открывшемся окне и... согласился сходить на собеседование. Лёха с детства любил почитать научную фантастику и перспектива ожить после смерти и полететь на Луну (про Марс, понятное дело, на Госуслугах не писали) ему понравилась. А чего терять? Собеседований было три: с первого его напра-

вили в горбольницу на медобследование; на втором был долгий разговор то ли с психологом, то ли с психиатром, который Лёху незаметно загипнотизировал и в течение пяти часов беседовал с ним неизвестно о чём; на третьем собеседовании Лёхе предложили пройти подготовку на полигоне Роскосмоса, и Лёха согласился. За это своё решение он и заплатился в итоге жизнью...

...Вернувшегося с полигона Лёху застрелили у входа в подъезд. Коллеги по мутному бизнесу решили, что Лёха продался ментам, и устранили «предателя». Пуля попала точно в сердце, не повредив «жизненно важных» для будущего живого мертвеца органов; головной мозг и позвоночник при падении не пострадали, кости рук и ног остались целы. После полагающихся следственных мероприятий тело Лёхи оказалось сначала в морге, а потом за ним приехал особый реанимобиль.

– Орут под окнами коты

День и ночь, день и ночь...

Строку про орущих котов Лёха с Кацем не сговариваясь выделили особо, добавив в голоса зычной хрипотцы. В этот момент их стало отчётливо слышно не только в эфире. Голоса этого мёртвого дуэта на миг пробились сквозь глухую вату разреженного марсианского воздуха, отразившись от монотонно обрабатываемой Лёхой каменной стены и наполовину опустевшего прицепа, у откинутого борта которого работал лопатой Кац.

Вышедший на трап с пустыми вёдрами Сергей уловил свободным от радиогарнитуры ухом обе запоздавшие на доли секунды звуковые волны, наложившиеся поверх услышанного в наушнике. Получился интересный звуковой эффект.

Сойдя с трапа, он поставил оба ведра на присыпанную мелким гравием скалу и, подмигнув наблюдавшему за солистом с лопатой бригадиру, показал «класс» двумя руками. Тахир коротко ухмыльнулся и кивнул ему, соглашаясь с оценкой.

Мертвецы редко видели Каца поющим. Но тут Кац удивил всех.

Насыпав вёдра с горкой и воткнув лопату в композит, Кац развернулся и, разведя массивные руки, продолжил петь, прищурился за жёлтым стеклом очков большие, как у быка, на выкате пепельно-чёрные глаза, давно помутневшие от смерти, но ставшие в этот момент противоестественно живыми.

В прошлом проворовавшийся чиновник, подавшийся в Проект, чтобы доказать высокому начальству, что твёрдо встал на путь исправления, Леонид Натанович Кац, которого в стройотряде прозвали просто по фамилии, высокий толстый, – про таких говорят: поперёк себя шире, – с крупными чертами лица и мясистыми мочками ушей, к пятидесяти семи годам сохранивший густую чёрную шевелюру, он был хронически солиден. Не зазнавался, нет. Кац был прост, как и все мертвецы. Несмотря на возраст и неспортивную комплекцию, его взяли в стройотряд потому, что был Кац очень

уравновешен психически – как танк, или слон. А ещё он был опытный строитель; в молодые годы прошёл путь от монтажника до начальника участка. Умел Леонид Натанович находить общий язык с людьми самыми разными – от работяги до олигарха. Но годы начальствования неизбежно наложили на него печать солидности. Мёртвый Кац – был тот же Кац, что и семнадцать лет назад скоропостижно скончавшийся от инфаркта миокарда Кац, с теми же повадками и манерой держаться, но иногда, как и у живого, проскакивало у теперешнего мёртвого Каца что-нибудь этакое «несолидное», как пошлая шутка, или даже целый анекдот, или вот как сейчас – начинал он внезапно петь песни.

Но одно дело – просто петь, а совсем другое – давать настоящий концерт.

Сергей не заметил, как позади на верхней площадке лестничной клетки собрались остальные мертвецы: с нижних ярусов посмотреть на распевшегося Каца прибежали Андрей Ильич с Майором, выбрался с третьего уровня Вован. Но вперёд этой троицы проскочил наверх второй солист Лёха. Он пробежал по верхнему уровню лесов на лестницу, поднялся на два марша вверх и по трапу перескочил на твёрдую землю, внезапно оказавшись между застывшими в изумлении Сергеем с Тахиром и бодро пританцовывавшим и делавшим энергичные жесты согнутыми в локтях руками солидным человеком-горой.

Последний куплет Лёха проорал во всё горло, двигаясь на

манер оригинального исполнителя песни, когда тот входил в раж на сцене под конец концерта:

– Здесь по асфальту каблучки,

И здесь орё-о-от месяц май.

Я подарю тебе Москву,

Поскорей приезжа-ай!

Я подарю тебе Москву,

Поскоре-ей приезжа-ай!!!

– Bravo, мужики! – Сергей порывисто хлопнул три раза в ладоши и к нему присоединились остальные зрители. – Bravo, марсиане! – Он приязненно посмотрел сначала на Лёху, потом на Каца: – Кац, ты – прямо Мойша Шофутинский! Не ожидал от тебя...

– Я и сам не ожидал, – ответил Кац и с деланной важностью поклонился зрителям как заправский мэтр. – Нашло вот что-то...

– Это Лёха нашёл... – сказал Андрей Ильич. – Нашёл способ запустить в твоей законсервированной голове цепочку эмоционально яркоокрашенных воспоминаний, на время тебя ожививших... Ну, в смысле: вернувших тебя прежнего, живого...

– Успех возвращается к нашему гусару после фиаско с шутками про вялую крайнюю плоть и несмешных анекдотов про евреев, – заметил Майор. – Лёха, ты на верном пути!

– Не скажу, что я почувствовал себя живее, чем есть, – вернувшийся к прицепу, возле которого оставались стоять

наполненные композитом ведра, Кац сдержано усмехнулся, – но хорошая песня определённо строить и жить помогает. Надо почаще вспоминать хорошие песни... – с этими словами он подхватил ведра и пошёл к трапу.

– Ну, что, пошли дальше работать... – пробасил Вован, наблюдавший короткий концерт с лестничного марша, потому что всё пространство верхней площадки занимали Андрей Ильич с Майором, подоспевшие с нижних ярусов раньше него.

С теплушками и прилагающимся к ним обвесом – ранцами и аккумуляторами – и без того нещуплые мертвецы занимали много места; по лестнице они ходили один за другим, а когда надо было разойтись, делали это на уровнях, или на площадках между.

Развернувшись, Вован быстро спустился на свой ярус и пошагал к оставленному месту, где каменная стена котлована успела остыть.

– Кац! – гулко сказал он, щёлкнув тумблер на теплушке. – Как соберёшься снова петь и танцевать, зови!

– Обязательно! – отозвался уже снизу Кац.

Андрей Ильич, Майор и Лёха спустились каждый на свой уровень и готовились продолжить работу. Кац с одним ведром спустился в самый низ к Андрею Ильичу, где принялся заправлять его ранец; другое ведро он оставил на втором уровне, чтобы на обратном пути заправить Майора. Сергей в это время насыпал уже второе ведро, интенсивно ору-

дуя лопатой. Тахир проверял готовность малой теплушки, с которой собирался пройти по ярусам – проверить готовые участки стены. Спонтанный перерыв на концерт закончился; мертвецы продолжали заниматься делом.

***

Ближе к вечеру, когда бело-голубой солнечный диск на чёрном звёздном небе стал стремительно клониться к ставшей светло-голубой атмосферной полоске на горизонте, а всегда контрастные чёрные тени заметно вытянулись, Сергей связался по рации с Надеждой, спросил про отца Никифора. Надежда ответила неуверенно, что с монахом надо ещё поработать – только тогда она сможет дать точный ответ. Сергей отметил тревожные нотки в голосе мёртвой женщины, но не стал допытываться. Будет конкретика – сама всё расскажет.

– Похоже, что-то серьёзное у Никифора... – сказал Тахир, оказавшись рядом с Сергеем. Как бригадир, он, кроме планшета с необходимой для текущих работ документацией, имел при себе рацию дальней связи и слышал, что говорила Надежда. Остальные мертвецы слышали только Сергея, так как он не отключал во время разговора «ближнюю» гарнитуру.

– Вряд ли, – ответил ему Сергей. – Надежда бы уже забила тревогу, найди она что-то действительно серьёзное... Может, заклеила трещину, как Палычу, и теперь оба лежат

под присмотром...

– Ну, дай Бог, дай Бог...

Некоторое время мертвецы работали молча, потом заговорил Андрей Ильич:

– Слушай, Серёга! Я вот давно хочу у тебя спросить кое о чём...

– Спрашивай.

– Вот мы закончим с этим водохранилищем, накроем его, потом отроем канал до кратера и его накроем... По плану бурить тоннель в кратерном вале должна вторая бригада... А мы тем временем начнём стеклить город, монтировать воздуховоды...

– Ну? В чём вопрос-то, Ильич? – Сергей в этот самый момент стоял за спиной у Андрея Ильича и засыпал композит тому в ранец. – План мы тут все знаем...

– Где вторая бригада? – наконец задал мертвец свой вопрос.

Сергей промолчал.

– Мы здесь уже восемнадцатый год по-земному, – продолжил тогда мёртвый опер, повернувшись к Сергею лицом. – В Проекте участвовало куча народу... Понятное дело, убивать живых, чтобы послать сюда, никто не станет – убиенные таких фокусов не оценят... Самоубийцы – сразу выбраковываются... Но уж за семнадцать-то лет дюжина подходящих кадров могла помереть своей смертью... Грузовики раз в два года к нам отправляют. И объёмы грузов с каждой до-

ставкой увеличивают... Что мешает посадить в контейнер десять-двенадцать крепких мёртвых ребят?..

Андрей Ильич замолчал, продолжая глядеть Сергею в глаза.

– Да, Серёжа, – слышался в эфире голос Каца, – мне тоже это давно интересно...

– И мне, – присоединился Вован.

– В самом деле, интересный вопрос! – поддержал товарищей Лёха.

Тахир с Майором промолчали, однако это вовсе не означало безразличия. Просто большинство присутствовавших уже высказались и были единогласны. Бригадир и бывший десантник молчали заинтересованно.

– Ну что ж, отцы-мертвецы... – сказал тогда Сергей. – Вечереет. Давайте, дорабатывайте материал и поднимайтесь вверх. Там я вам всё и расскажу...

***

– Видите ли, дорогие товарищи марсиане, – начал Сергей, когда все семеро, включая его самого, собрались на пяточке перед опустевшим прицепом. – Второй бригады не будет.

Он помолчал, внимательно обводя обступивших его мертвецов болотно-зелёными глазами из-под бликующих на закатном солнце очков. Солнце – такое же яркое, как и в любой дневной час – светило теперь ему прямо в лицо, просвечивая

жёлтое защитное стекло и мутную белёсую плёнку, из-под которой глаза проступили неожиданно ярко; иссиня-бледная кожа вокруг глаз за стёклами очков казалась в этот момент сделанной из тёплого воска.

– Я не должен вам об этом рассказывать. Есть приказ... На Земле беспокоятся о вашем психическом здоровье... – Сергей живо усмехнулся. – Поэтому вся поступающая сюда информация, личные письма – всё тщательно проверяется. С отправителями давно побеседовали на тему: о чём можно писать, а о чём лучше не надо... В общем, сообщать вам эту новость мне строго запретили. И я бы не стал, если бы считал, что знание это действительно может вам навредить... Напротив, я полагаю, что наш маленький дружный коллектив станет от знания правды только крепче... – Он помолчал. – Я давно решил, что всё вам расскажу, как только вы поставите вопрос о второй бригаде, вот так, как сегодня, все вместе... Однако же, долго вы собирались, братцы! Десять лет!

Сергей выдержал паузу, продолжая рассматривать мёртвые лица. Мертвецы в молчании стояли полукругом перед ним, внимая. Никаких эмоций, реплик – мертвецкая выдержка. Мертвецы всегда спокойны.

А на Земле о марсианских мертвецах действительно беспокоились. На Земле на них надеялись; на них работали институты, производившие необходимые расчёты, составлявшие новые планы; на них работали заводы, изготавливавшие

потребные для работы инструменты и научные приборы, дорогостоящие высокотехнологичные стройматериалы; на них работали лаборатории Проекта, производившие всё то, без чего мёртвая плоть не могла оставаться «живой» – специальные препараты для сохранения костей, мышц, хрящей, нервов, кожи, головного мозга и всего того, из чего состоит человеческое тело, и главное – элементы питания, без которых мертвецы превращаются в нетленные куклы, мало отличающиеся от экспонатов питерской Кунсткамеры, или от обретавшегося на Красной площади приснопамятного Вождя мирового пролетариата; на Земле марсианских мертвецов помнили, им писали письма, про них даже писали песни и снимали кино; и они не могли подвести живых соотечественников – потерять ещё кого-то из отряда, как в первые дни... или сорвать план работ, или допустить на Марс конкурентов.

– Если бы не научная деятельность нашей Надежды, – продолжал Сергей, – думаю, они бы и мне ничего не стали сообщать. А так, были вынуждены... Кстати, Надежда это моё решение поддержала...

В общем, вот что произошло... Как вы знаете, наши заклятые друзья из США как только прознали о появлении у России технологии оживления, очень захотели эту технологию получить... Но ни купить светлую голову из соответствующего НИИ, ни украсть с полигона мёртвого Ваньку, чтобы разобрать на запчасти и выяснить – отчего он такой живой, у них не вышло. А иметь морскую пехоту из бра-

вых мёртвых ребят, сами понимаете, очень хочется... Ну, и мёртвых морячков, и мёртвых лётчиков, и мёртвых танкистов... возможно даже, мёртвых проституток... «Гендер» новый под это дело придумали бы. С них, с дегенератов, станется... – Сергей посмотрел на Лёху, ожидая острый комментарий или пошлую шутку, но Лёха оставался серьёзен, как и остальные мертвецы. – Так вот, – продолжил он тогда, – начали пиндосы свои собственные исследования в этом направлении... Ну и доисследовались... – Он невесело усмехнулся. – Устроили планетарный зомбиапокалипсис! Только не как в их тупых фильмах и сериалах, и даже не как в редких хороших книжках, а через жопу... Заразили весь мир вирусом, от которого покойники после смерти оживают, но не идут пить кровь и жрать плоть живых...

– Чего же они тогда делают, зомби эти? – спросил неожиданно Вован.

– В большинстве случаев, лежат и тупо смотрят перед собой. Редкие экземпляры кое-как передвигаются на четвереньках. Жрать никого, как я уже сказал, не пытаются, знакомых не узнают, ничего не понимают и членораздельно не говорят... Тупее самых тупых дебилов и даунов. Почти растения, в некотором смысле... Лежат на месте или ползают, испражняются поначалу, ну и постепенно разлагаются, как положено покойникам... Когда некроз полностью разрушает мозг и нервную систему, перестают отличаться от нормальных мёртвых.

Психологически, эта картина, как вы понимаете, травмирует близких. Но никаких ужасных ужасов и постапокалипсисов. Десять лет как это началось и не прекращается... Усопших теперь готовят к погребению особым способом: сверлят дырки в голове, рассекают позвоночник в нескольких местах, перерезают мышцы в конечностях, чтобы в гробу не шевелились. Если только головной мозг повредить, как в кино, труп перестаёт глазами шевелить и рот открывать-закрывать, а тело продолжает дёргаться. Если расчленить его, будут руки-ноги сами по себе шевелиться... А когда патологоанатом в морге правильные мышцы порежет, тогда покойник в гробу смирно лежит.

– Хм, одна-ако... – протянул Кац.

– Интере-есно девки пляшут... – тихо сказал Майор.

Андрей Ильич только открыл и закрыл рот, ничего не сказав.

– Так что, дорогие марсиане, – подытожил Сергей, – считайте, нет больше у Проекта освоения Марса технологии оживления. Некого оживлять. Пробовали консервировать этих олигофренов, как нас, и приводить в чувства – делать из них хотя бы обычных деревенских дурачков, чтобы «могу копать, могу не копать» – бесполезно... Да и не нужны нам такие. У нас экскаватор вон есть...

Весь мир ищет лекарство от американского «зомби-вируса», но пока безрезультатно.

– Значит, никто, кроме нас... – мрачно произнёс Майор.

– Именно, товарищ гвардии майор, – ответил Сергей. – Именно.

***

В лагерь мертвецы вернулись посветлу. Идти-то всего ничего – чуть больше километра. Однако до «своего» камня, на котором он имел обыкновение встречать не только восходы, но и закаты, усевшись на багряный валун с другой стороны, Сергей тем вечером так и не дошёл.

Разойдясь с рабочими, которые сходу отправились по своим палаткам, он свернул к палатке Надежды. Там он пробыл некоторое время. Сначала выслушал короткое и неутешительное заключение о состоянии здоровья отца Никифора, лежавшего при этом на операционном столе на животе. На пояснице у мёртвого монаха, полностью голого, был сделан разрез в форме перевёрнутой буквы «П», получившийся лоскут кожи откинут вверх и прикреплён к спине возле правой лопатки, воткнутой прямо в тело медицинской иглой; на открывшуюся часть позвоночника падал пучок яркого света от операционного светильника. Сергей заметил множество металлических деталей, часть из которых, очевидно, служила временным каркасом – чем-то вроде аппарата Илизарова, часть была прикреплена к позвоночнику болтами, похоже, насовсем; рядом, прямо на спине, лежала дрель и ещё какие-то инструменты. Второй пациент – Палыч – в это

время бесстрастно «крутил педали невидимого велосипеда», лёжа на кушетке. Когда Надежда закончила доклад, Сергей сказал ей о недавнем разговоре с рабочими, после чего повторил для отца Никифора и Палыча всё то же, что перед тем рассказывал остальным мертвецам. Отвечать на вопросы он поручил мёртвой женщине, а сам поспешил выйти из палатки. Его как будто что-то влекло наружу.

Солнце уже скрылось где-то за барханами на западе и едва подсвечивало бледно-бледно-синим край чёрного марсианского неба, на котором звёзды всегда – и днём и ночью – светят гораздо ярче, чем на Земле. Сергей достал из кармана фонарик, хотел включить и...

...в этот момент слева в небе сверкнуло. Мертвец повернулся в направлении вспышки и увидел падающую «звезду». Что-то – камень? спаянная льдом грудка камней? металлический сплав? – стремительно падало вниз, то и дело вспыхивая в уплотняющейся ближе к поверхности атмосфере.

Метеор? Сергей много раз видел метеоры, когда выходил среди ночи из палатки, чтобы размяться, пройтись с фонариком по лагерю, дойти до мини-завода или до энергостанции и обратно. Так ему лучше думалось, под открытым небом. Очень похоже на мете... Но что это?! У метеора появился яркий, направленный точно вниз хвост и его падение резко замедлилось! А потом стали появляться и исчезать хвостики поменьше – они вспыхивали то справа, то слева и смотрели уже не вниз, а в стороны!

Сергей снял с пояса рацию, поднёс к сухим губам и уже нажал тангенту, но ничего не сказал. Не стоит устраивать переполох в лагере, – решил он. Обернувшись назад, он откинул полог палатки и, наклонившись, заглянул в тамбур, громко позвал:

– Надежда! Выйди сюда, быстро!

Мёртвая женщина появилась в тамбуре тут же, как будто специально стояла за вторым пологом и ждала.

– Что?

– Поторопись! – он отступил в сторону, придерживая наружный полог левой рукой.

Надежда юрко проскользнула мимо него.

– Видишь? – он указал рукой на странный «метеор».

– Это аппарат, – тотчас сказала Надежда, едва взглянув туда, где в небе отчётливо виднелся светящийся столп, похожий на пламя газового резака, который невидимый в ночи некто, отойдя от наблюдателей на два десятка шагов и взобравшись на стремянку, держал на вытянутой руке горелкой вниз, медленно опуская. – Садится...

– Он вначале ещё маневровыми движками корректировался.

– И теперь продолжает. Смотри! Справа вспыхнуло...

– Увидел.

– И вон опять...

Аппарат садился на юге, километрах в двухстах. Они наблюдали его ещё примерно минуту, после чего аппарат

скрылся за подступившими к лагерю с той стороны барханами.

– Это точно не наш, – сказал Сергей, посмотрев в хорошо различимое в свете звёзд бледное лицо мёртвой женщины. – Доставка – через четыре месяца...

– Американцы ещё ни разу так близко к нам не сажали свои тележки с металлоломом.

– Да, – он согласно качнул головой. – Понимают, что такую тележку мы имеем полное моральное право раздолбать кувалдами, уже даже не таясь... Это – прямая угроза интересам государства.

– С утра поедете с Майором искать?

– Да. Но сначала хотелось бы выяснить – *что*... – Сергей снова взялся за рацию и на этот раз произнёс в микрофон: – Тахир, на связь!

– На связи, – глухо прошипел динамик голосом бригадира.

– С Ильичом готовьте на утро одну машину, и Майора ко мне пришли.

– Сделаю. Ещё что?

– Пока всё.

Сергей вернул рацию на пояс.

– У тебя там много ещё работы? – он кивнул на палатку, где на операционном столе оставался лежать отец Никифор со вскрытым позвоночником.

– К утру закончу... Развалившийся диск я склеила, оста-

лось собрать вокруг повреждённого места укрепляющую подвижную конструкцию... Утром сможет идти на все четыре стороны. Но ты понял, да, насчёт нагрузок?

– Понял. Будет работать с техникой. Никаких отбойных молотков, теплушек и лопат...

– И-мен-но! – по слогам произнесла мёртвая женщина. – А ты чего про работу спросил?

– Хотел, чтобы ты на сеансе с Землёй поприсутствовала.

– Это можно. Я нашего батюшку всё равно часа через два, не раньше, собирать начну.

Часть вторая.

Неуловимый засланец

Связь стройотряда с оперативным центром Проекта на Земле осуществлялась преимущественно в текстовом формате. При необходимости в обмен включались и аудио- и видеосообщения, но передача и приём таких пакетов данных требовали больше времени, и при этом увеличивался риск сбоя, при котором процесс радиообмена затягивался – неизбежные и оправданные затруднения, если говорить о делах научных, коими занималась Надежда, и совершенно ненужные в повседневной рутинной работе начальника отряда; а уж когда дело касалось чрезвычайной ситуации, как теперь, тогда – и подавно.

На написание срочного доклада Сергею потребовалось пять минут. Сухим фактологическим канцеляритом он пересказал увиденное, добавив, что свидетелем происшествия была также Надежда Скворцова, дал прочитать Надежде и, не встретив возражений, архивировал текст и отправил.

Сигналы от Марса до Земли и, соответственно, наоборот, в разные времена года (причём, года не только марсианского, но и года земного) проходят за разное время. Всё дело в том, что планеты обращаются вокруг Солнца по смещённым эллиптическим орбитам, диаметры которых отличаются (от-

сюда и разница в продолжительности года на Земле и Марсе почти вдвое). Планеты то сближаются, то отдаляются друг от друга, и сигнал между ними, идущий с всегда одинаковой скоростью – скоростью света – преодолевает разные расстояния. При минимальном расстоянии между Землёй и Марсом сигнал проходит всего за три минуты. При максимальном – за двадцать четыре. Раз в год (марсианский) связь на пару недель пропадает вовсе, – это происходит из-за того, что планеты находятся по разные стороны светила, которое блокирует передачу.

К счастью, происшествие, о котором Сергей экстренно сообщил на Землю, произошло не во время такого двухнедельного перебоя. Да и вряд ли оно могло бы тогда произойти, ведь для этого отправителям пришлось бы посылать свой аппарат при увеличенном расстоянии между планетами и по неблагоприятной траектории, – так на Марс никто не летает. В это время планеты максимально сближались, и с Земли уже отправили грузовик с очередной доставкой. До прилёта его оставалось меньше четырёх месяцев.

Отправленный сигнал достиг Земли всего за семь минут, и ещё через семь пришло стандартное подтверждение о получении. Такие подтверждения отправлялись не автоматически, а одним из дежурных по оперативному центру, передававшим сообщение ответственным должностным лицам. Теперь мертвецам оставалось только ждать. Ответ в таких случаях (не когда прилетал неизвестный аппарат, о котором

не было никаких предупреждений, – такие аппараты прежде не прилетали, а когда на Землю отправлялись экстренные сообщения) приходил всегда быстро, все вопросы решались в течение часа. Но час прошёл, а ответа не было.

В палатке у Сергея, собрались четверо: он сам, Надежда, пришедший одновременно с ними Майор и появившийся позже Тахир.

– Как думаешь, Серый, что там может быть? – спросил Майор, сидевший на раскладном стуле из алюминиевых трубок и толстого брезента слева от входа в палатку. – Странно это, сажать корабль, или что там оно такое, так близко... Есть в этом какой-то подвох...

– Не знаю, тёзка. Первый раз же такое... Меня беспокоит даже не факт прилёта, а то, что не было предупреждения от наших. Обо всех пиндосских машинках с Земли сообщали заблаговременно, давали технические характеристики, координаты, рекомендации – как вырубать. А тут...

Сергей, сидел на таком же, как и у Майора, раскладном стуле за рабочим столом. На столе перед ним стоял «неубиваемый», похожий на открытый чемодан, ноутбук – штучное изделие ручной сборки, сделанное специально для Марса: прорезиненный корпус из толстых пластин свинца и высокопрочного пластика, мощные аккумуляторы, – на Земле такой не каждый поднимет. Ноут был подключен к радиостанции, блок которой – размером с холодильник – стоял рядом, в углу палатки.

– Проспали? – мрачно предположил мёртвый десантник.

– А как ещё? Конечно, проспали.

– И не отвечают... – тихо сказал Тахир. – Что там, ночь у них?

– День. – Сергей кивнул на стоявшие на углу стола, рядом с лотком для бумаг и канцелярскими принадлежностями, часы, показывавшие московское время, – расположившемуся на алюминиевом сундуке у противоположной стены палатки бригадиру их не было видно. – Половина третьего.

– Мне пора, – сказала Надежда, вставая из-за стола с генеральным планом, у торца которого стоял ещё один алюминиевый сундук, удобный для сидения, если кинуть на него кусок брезента. – Отец Никифор там залежался. Хим-анкеры под кронштейны должны уже хорошо схватиться... Как ответ придёт, дайте знать!

Она поправила на поясе рацию, с которой никогда не расставалась, и прошла к выходу, доставая на ходу фонарик. Включив его, скользнула за полог.

– Раз долго не отвечают, значит, твоё сообщение стало для них новостью, – сказал Тахир, проводив глазами мёртвую женщину.

– Чего гадать, Тахирыч? Ответят – узнаем.

***

«Чемодан-ноутбук» пиликнул через час, оповестив мерт-

вещей о принятом сообщении.

– Наконец! – угрюмо произнёс Майор.

– Читай, Сергей, не томи! – сказал Тахир.

Сергей взял лежавшую рядом на столе рацию и произнёс:

– Надежда.

– На связи, – после недолгой паузы ответила рация голо-
сом мёртвой женщины.

– Пришло сообщение. Приём.

– Сейчас занята. Если не затруднит, прочти в эфир. На
приёме...

Щёлкнув клавишу постоянной передачи, Сергей поставил
рацию на стол, затем открыл на экране ноутбука текст из по-
лученного документа и стал читать...

***

– Да-а, интересно девоньки танцуют... – прокомментиро-
вал Майор услышанное, когда Сергей закончил читать до-
вольно длинное сообщение.

Сообщение состояло из нескольких справок с грифом
«Секретно!» от Службы внешней разведки Российской Фе-
дерации, Федеральной службы безопасности и Службы без-
опасности Роскосмоса, аналитической записки за автор-
ством неизвестного обладателя ясного ума на основании
вышеупомянутых справок, и личного распоряжения Главы
Проекта освоения Марса.

Суть сообщения, если коротко, состояла в следующем.

На Земле возникли серьёзные подозрения, что аппарат, свидетелями посадки которого стали мертвецы – это американский корабль, отправленный в космос светочами демократии восемь месяцев назад. Относительно целей полёта этого самого корабля в Роскосмосе до последнего были сомнения. Никто попросту не знал – куда корабль полетел.

Корабль тот был какого-то нового типа. Вряд ли пилотируемый. Иначе экипаж его должен был состоять из камикадзе, ведь на Землю он так и не вернулся. Но, в том, что то был именно корабль, а не очередной спутник-шпион или дальний зонд, сомнений не было ни у кого. Судя по разведанным (в справке СВР фотографий не было, только внешнее описание объекта), штука была немаленькая.

Для запуска корабля американцы использовали тяжёлую ракету «Сатурн-25». Поначалу наши решили, что цель миссии – Луна, но, корабль отсоединился от ракеты-носителя раньше и... просто исчез с радаров, как будто разрушился. Причём, перед расстыковкой, ракета совершила несколько подозрительно странных корректировок курса, выглядевших как неисправность, но потом траектория её выровнялась и ракета доставила на лунную орбиту какой-то мелкий спутник и спускаемый аппарат. Аппарат, кстати, благополучно разбился при посадке, но было непохоже, что НАСА это сильно расстроило.

Подозрения на то, что «корабль-невидимка» полетел

именно к Марсу, конечно же, были, но планет в Солнечной системе много, а более мелких, но не менее интересных объектов – ещё больше. Корабль же тот в последующие месяцы никак не выдавал своего местоположения.

И вот теперь, когда на планете Марс приземлился некий неизвестный и неожиданный там аппарат, в Роскосмосе сильно заинтересовались – каким это образом – *благодаря какой технологии* – аппарат этот долетел до Марса незамеченным и благополучно сел. Выяснить это и поручалось личным распоряжением Главы Проекта освоения Марса начальнику строительного отряда и главному инженеру отделения Проекта на этой самой осваиваемой планете – Сергею Петровичу Никитину, бывшему (ну, потому, что формально мёртвому) подполковнику ФСБ. На самом же деле, никакое это, конечно, было не распоряжение, а самый настоящий приказ. Потому что чекистов бывших не бывает. Пока живой – чекист он и есть чекист. А Серёга Никитин – живой... хоть и мёртвый немного.

– Похоже, это что-то новое... – произнёс Сергей, задумчиво глядя на товарища, с которым на пару угробили не один американский марсоход.

– Может, какой-нибудь боевой робот? – предположил мёртвый десантник. – Колёсный, или летающий? Прилетит к нам и скинет сверху чего-нибудь нехорошее...

– Управлять такой леталкой в режиме реального времени не получится в принципе. Задержка сигнала... Только рыв-

ками, после обмена данными. Но тогда наши сразу перехватят сигнал и включат РЭБ¹². Не думаю, что пиндосов устроит такое развитие событий... Искусственный интеллект – это то же самое, что и искусственный дебил. Собака умнее. Нет, здесь что-то другое...

Сидевший на сундуке Тахир не лез с советами к подполковнику с майором. Куда ему, сержанту-стройбатовцу... Он только переводил взгляд при жизни чёрных, а теперь тёмно-серых, как асфальт, замутнённых мертвецких глаз с одного товарища на другого, готовый сделать то, что скажет первый, потому, что он – начальник. Вот прораб он, Тахир, здесь точно самый лучший, и нет на Марсе его компетентнее.

– А если это вообще не тот корабль?

– А чей тогда, Майор? Инопланетян, что ли?

– Ну, я его не видел...

– Надежда, – сказал Сергей, глядя перед собой, – ты что скажешь? Похоже было на пришельцев из космических глубин? Переключаю на приём... – Он протянул руку к радиации и перещёлкнул клавишу.

– Сергей, – ответила Надежда после короткого молчания, – я не верю в сказки про сверхсветовое движение. И даже околосветовое...

В ближайших к нам планетных системах наблюдаемых признаков жизни нет... То есть никто нам оттуда фонариками не светит, в известных радиодиапазонах не шумит, с пла-

---

¹² Здесь Сергей говорит о применении средств радиоэлектронной борьбы.

неты на планету не летает. Никакой заметной активности! А лететь к нам из дальних, на скоростях, при которых экипаж не размажет по стенкам корабля тонким слоем органики – так долго, что даже самый отчаянный инопланетный романтик не захочет. Ерунда это всё, ребята. Наше Солнышко – наш единственный дом, и летать в гости к соседям мы никогда не сможем. В лучшем случае, сможем писать письма. Только получать их будут прапраправнуки адресатов. Так что, занятие это на любителя.

Я думаю, это американский аппарат. Приём.

– Что посоветуешь, Надежда?

– Поезжайте бóльшим числом, на двух или на трёх машинах, и будьте осторожны! Других таких, как мы, у страны больше нет и, скорее всего, не будет. Не рискуйте напрасно! Если что не так, разносите там всё в пыль. А Земле потом так и скажем: был риск невозполнимых потерь. А технологии эти наши сами придумают, или украдут.

– Принято. Спасибо!

– Она дело говорит, – сказал Майор. – Пинкертон и Лёха пусть с нами на втором багги завтра едут.

– Согласен, – Сергей коротко качнул головой. – Тахир! – Он посмотрел на бригадира. – Поднимай ребят, и готовьте вторую машину! Комплект вооружения – как для нас с Майором, взрывчатки – всем вдвое больше обычного... и ещё добавь по паре гранат на брата... Дополнительные аккумуляторы, связь – ты всё знаешь...

– Сделаю, – Тахир кивнул, вставая.

– А мы с тобой, Майор, давай посмотрим пока карту и прикинем места – где удобно посадить этот корабль-призрак, и как нам по всем этим местам проехать...

***

Выехали на рассвете.

Два багги – чрезмерно тяжёлых по земным меркам, но для Марса в самый раз – уверенно гребли всеми четырьмя колёсами вперёд по песку и мелким камням, объезжая то и дело вырастающие на пути препятствия – редкие скалы и невысокие песчаные холмики.

Мертвецы в машинах сидели, можно сказать, с комфортом, хотя им до комфорта не было дела, – они ведь мёртвые, они не устают, у них не болит спина и не отекают ноги. Другое дело – техника безопасности...

Поверх привычных арамидных комбинезонов на мертвецах были надеты разгрузочные жилеты, каковые обычно надевали только Сергей с Майором, когда отправлялись на свои спецоперации, защитные наколенники, налокотники и перчатки из материалов, какие на Земле не всякому по карману, шлемы... В машинах всё было устроено так, чтобы не допустить травмирования пассажиров: надёжные кресла с ремнями безопасности; прочные негнущиеся и неломающиеся при опрокидывании рамы, на которые во время пыльных

бурь надевались герметичные тенты, превращавшие автомобили в надёжные укрытия; каждый нужный инструмент, или иной предмет, какой полагалось иметь в машине, закреплялся на строго предназначенном для него месте – ничего нигде не болталось и не терялось, а для грузов имелся закрытый багажник с множеством универсальных ремней внутри... Скорость эти машины могли развивать довольно приличную – до тридцати километров в час...

А что вы смеётесь? Это Марс, здесь вы весите почти в три раза меньше земного. Здесь даже специально утяжелённые машины (вес каждого такого багги на Земле – полторы тонны) легко переворачиваются, теряя сцепление – не с дорогой, нет! – с тотальным бездорожьем. Поэтому, максимальную скорость из таких машин можно выжимать только в редких случаях, когда надо выскочить из ямы, например. Десять-пятнадцать километров в час – вот хорошая скорость для этой планеты. Если, конечно, внимательно смотреть, куда едешь.

Так что, ехали бодро. За два часа пути удалились от лагеря на восемнадцать километров. Это довольно много, если сравнивать с вездеходами, которые за световой день делают в среднем около двадцати восьми.

Вот уже час как они ехали по некоему подобию извилистого «коридора», образованного тянувшимися слева и справа барханами¹³. Ширина его, «коридора», варьировалась

---

¹³ Работая над этой повестью, я всерьёз задался вопросом: а нужно ли писать

от нескольких десятков до сотни метров, высота барханов в среднем была метров пятнадцать-семнадцать, а крутизна склонов около тридцати градусов.

Если впереди окажется какой-нибудь затык, придётся возвращаться назад и искать удобное место для объезда... Пытаться забраться на бархан – бесполезно. Внизу гравий с песком, сверху – песок и лёд, и всё рыхлое, неплотное... Была бы наверху точка опоры, куда можно было зацепить трос лебёдки... Но такое возможно только в горах и оврагах. Очень удобно: зацепился «кошкой» или анкером, включил лебёдку и выбрался... Но здесь так не выйдет. Одна надежда – что после лютовавшей весной в течение двух недель пыльной бури рельеф местности не изменился слишком сильно. Год на-

---

про «марсианские дюны», упоминаниями о которых пестрит интернет? Признаюсь, тема дюн и барханов увлекла меня. Я потратил полдня, разбираясь в этом, простом, на первый взгляд, вопросе... Итак, дело обстоит следующим образом. Сначала про «дюны» на Марсе пишут насовские учоные (именно так, через «о», это не опечатка) в своих хитроумных и потому очень авторитетных статьях. Потом это подхватывают всякие популярные лекторы, блогеры и просто любители научпопа. А потом мы, простые смертные граждане, читаем в интернете про эти самые «дюны»... И сразу вспоминаем знаменитый роман Фрэнка Херберта, конечно же! И представляем себе могучие кучи песка-а... Но нет, дорогие товарищи, никакие это не дюны. «Дюны на Марсе» – это свидетельство банальной безграмотности насовских брехунов и «наших» местных прозападных «хомячков». Дюн на Марсе быть не может в принципе, просто потому, что дюна, если попростому – это гора песка, которая обросла кустами и травой, и корни тормозят движение этой горы. Гора же песка влекомая ветром, на которой ничего не растёт – это, дорогие товарищи, бархан. То есть, Марсианские кучи песка, которые потихоньку движут тамошние слабые ветры – это барханы, а не дюны. Поэтому, никаких дюн в этой повести вы не встретите. Только барханы.

зад они уже бывали в этом «коридоре», тогда автопоезд из вездехода с четырьмя прицепами прошёл здесь без проблем.

Багги пёрли резво, то и дело плавно подпрыгивая и как бы взлетая на мелкой песчаной волне, или куске породы, верхушка которой, подобно айсбергу, едва выглядывала из песка.

Первой шла выдавшая марсианские виды машина Сергея и Майора, на которой эти двое объездили всю планету, побывав и на экваторе, и в обоих заполярьях, и на другой её стороне, нанося многомиллиардный ущерб известному Дяде, про которого давно поговаривают, что никакой он не дядя, а совсем даже наоборот, и что зовут его теперь Самантой. Слева, за рулём, сидел Майор, а Сергей расположился справа, на месте штурмана. Вторая машина держала дистанцию в сотню метров. Ею управлял Лёха; штурманом был Андрей Ильич.

Для связи между машинами использовали рации, хотя расстояние и позволяло перейти на гарнитуры, но тогда редкие команды и советы штурманов слышали бы оба водителя, что полностью перечеркнуло бы пользу штурманской работы, превратив её в дополнительный фактор риска. Вместо этого, Сергей с Майором переключили свои гарнитуры на канал выше, и обе пары могли теперь свободно переговариваться, не мешая соседям.

– Справа оползень, возьми левее, – предупреждал Сергей Майора.

– Через полсотни метров – спуск. Сбавь скорость...

– Ильич, – говорил он в рацию, когда их багги на малых оборотах перебирался через россыпь каких-то чёрных не то камней, не то кусков льда в низине, – у нас тут каменоломня целая. Примите метров двадцать вправо, там тоже камни, но место ровнее...

– Принято, – отвечала рация голосом Андрея Ильича.

И снова похожий на змеящееся русло реки «коридор» между валов барханов становился ровнее, и тогда Майор без указаний штурмана и командира (а Сергей сейчас был уже не начальником стройотряда и не главным инженером, а именно командиром – командиром разведывательной группы, готовой в любой момент стать диверсионной) разгонял машину до пятнадцати, а на отдельных участках и до двадцати километров в час.

– Серёга, придержи Майора! Куда летите? Поубиваетесь же! – зывал по рации Андрей Ильич. И Майор отпускал педаль, электродвигатели в колёсах начинали гудеть на тон ниже.

Колёса у машин были большие, широкие, с литой твёрдой резиной, и бескамерные; протекторы смотрелись как игрушечные, такие они были крупные. Резина была прочна настолько, что порезать её о камень или даже об острый кусок железа было нереально; она выдерживала экстремально низкие и высокие температуры и была весьма тяжёлой по земным нормам.

Так носиться по земному бездорожью на этих машинах они бы, конечно, вряд ли смогли. А здесь, подпрыгнув на очередном бугорке, багги легко пролетали по нескольку метров. Живых такая езда непременно бы укачала уже через полчаса, мертвецов же подобные мелочи вообще не беспокоили. Главное – ничего не вывихнуть и не сломать, не порвать мышцу, не потерять глаз. Ну, и технику не испортить, конечно же.

***

Через час правый бархан резко свернул в сторону, снижаясь на нет; впереди и справа перед мертвецами открылось относительно ровное пространство, по которому тут и там раскинулись невысокие песчаные горки, а вдали на юге виднелись уже горы настоящие. Эта горная гряда – мертвецы её называли просто «Южным хребтом» – тянулась наискось с востока на юг, серпом огибая пустыню; слева вид на неё сейчас полностью закрывал никак не желавший заканчиваться многокилометровый бархан, за которым где-то уже неподалёку был засыпанный песком большой ударный кратер, а вокруг него – ровное место, вполне удобное для посадки. Но место это было не так далеко от лагеря. Корабль сел намного дальше. Однако, всё равно, нужно было осмотреться, чтобы выбрать оптимальный путь.

– Останавливаемся! – приказал в рацию Сергей. – Подни-

мом «птичку».

– Принято, – ответил Андрей Ильич. Идущий позади второй багги чуть увеличил ход, догоняя сбросившего скорость первого и принимая правее, и когда первый остановился, второй был уже рядом. Дав резко по тормозам, Лёха пустил машину юзом, вмиг собрав перед колёсами горки песка и мелких камешков. Второй багги замер в десяти метрах от первого.

Пять минут потребовалось для того, чтобы достать шестивинтовой дрон из футляра за сиденьями и подготовить его к полёту¹⁴. Управлялся гексакоптер посредством увесистого пульта с большим экраном и множеством кнопок, тумблеров и аналоговых стиков – «младшего брата» оставшегося в лагере «чемодана-ноутбука».

Держа этот пульт в руках, Сергей некоторое время внимательно осматривал окрестности с максимальной для дро-

---

¹⁴ Есть мнение, что летать в разреженной марсианской атмосфере вполне себе можно. Самым малозатратным и эффективным видом авиации были бы дирижабли. Летают же на Земле аэростаты в стратосфере. Но и аппараты с вертикальным винтом летать тоже смогут. Придётся, конечно, увеличить диаметр винта и скорость его вращения. Я думаю, пассажирский вертолёт для Марса выглядел бы презабавно, и летать на таком я бы точно не стал, – уж лучше дирижабль. Самолёт же марсианский должен иметь ну о-очень большие крылья и развивать убийственно высокую скорость, чтобы крылья эти работали. То есть, в теории вроде бы и возможно, но гарантированно вредно для здоровья. А вот беспилотные аппараты вроде квадрокоптеров, или описанных в настоящей повести гексакоптеров, летать смогут без особых проблем. И, замечу, на приличной высоте, в отличие от имеющихся у наших мертвецов аппаратов. Но о том будет объяснено несколько позже.

на стометровой высоте (подниматься выше не позволял настроенный на эту высоту контроллер беспилотника, анализирующий показатели атмосферных датчиков и лазерных дальномеров), не уводя «птичку» далеко в сторону, а используя возможности весьма мощной оптики, – не сто́ит лишний раз испытывать надёжность техники без крайней необходимости, а то мало ли что... сядет дрон аварийно где-нибудь за барханами, и поднимай потом второго, ищи его, через барханы эти лазай, как рептилоид какой-нибудь... Обступившие его слева и справа мертвецы молча наблюдали картинку на экране. Только когда Сергей повёл дрон обратно, Андрей Ильич попросил задержаться в одном месте и приблизить изображение.

– Если нам строго на юг, – сказал он, – то короче будет проехать между этими холмами... – Он кивнул на экран. – Так скорее выйдем на во-он те отроги, – рука его протянулась, указывая на горную гряду. – Там высоты небольшие, сотен шесть всего. Склоны пологие. Мы с Лёхой там на вездеходе проезжали дважды... Пустые, правда... Назад с прицепами в объезд лишние три сотни километров накручивали... Но мы-то сейчас считай налегке. День точно сэкономим.

Сергей с Майором переглянулись.

– А что, так можно, оказывается? – риторически спросил Майор.

Сергей только хмыкнул. В своих диверсионных вояжах

они с Майором дважды объезжали Южный хребет, сильно забирая к западу, сочтя места те опасными, а этот старый мёртвый мент, оказывается, гонял туда бесценный вездеход!

Лёха, всегда ездивший на поиски грузовых модулей вместе с Андреем Ильичом и Вованом, понял ход мыслей Сергея и его бледное, отдающее синевой лицо расплылось в короткой насмешливой улыбке.

– Не, ну если вы как нормальные герои хотите – в объезд... – начал было Андрей Ильич, но Сергей его прервал:

– Не хотим. Езжайте тогда вперёд. А мы за вами.

В следующие несколько минут, пока Сергей возвращал дрон, разбирал его и укладывал по частям обратно в футляр, усевшийся за руль своего багги Лёха тихо напевал себе под нос припев старой песни, повторяя его снова и снова:

– Смелó мы в бой пойдём

За вла-асьть Сове-ето-ов,

И как один умрём

В борьбе-е за это...¹⁵

---

¹⁵ Песня РККА времён Гражданской войны 1918-1920 гг. Лёха вспомнил её после слов Сергея: «А мы за вами». Дело в том, что у песни этой, помимо нескольких широко известных её вариантов, популярных как у красных, так и у белых, были и варианты менее известные, сатирические. Один из таких:– Мы смело в бой пойдём...– ...И мы за вами...– И как один умрём...– Абрам, мы не туда попали!Его-то меломан Лёха, по-видимому, и вспомнил первым. Ну, а за ним и оригинал.

К отрогам, о которых говорил Андрей Ильич, добрались за пять часов. Всё это время машины петляли между барханов и крепких покатых холмов, осторожно спускались в низинки и неглубокие овраги и, проехав по ним до удобного подъёма, выбирались на другую сторону, снова двигались на юг, к горам. Скорость в среднем держали не больше десяти километров в час – медленно, да, но всё ж быстрее, чем пешком. Гнать получалось лишь в начале пути, между барханов, – там песок заметно выравнивал дорогу. Теперь же, когда песка стало меньше, и последний бархан остался далеко позади, багги козлами скакали по камням, норовя выкинуть мертвецов из кресел. Но выручали пятиточечные ремни безопасности, надёжно удерживавшие водителей и пассажиров на местах. Останавливались дважды, чтобы поднять дрон и осмотреться, и снова скакали с ухаба на ухаб, то на юго-восток, то на юго-запад, объезжая совсем уж непроходимые места.

Первым, как и определили в начале, шёл багги Лёхи и Андрея Ильича. Лёха был непривычно молчалив и сосредоточен. Радиообмен между машинами был скуп и максимально информативен. Только когда начался пологий непрерывный подъём, Андрей Ильич взялся за рацию и принялся объяснять проделываемые Лёхой манёвры.

Самому Лёхе указывать – куда ехать, не требовалось. Места эти были ему знакомы.

– Здесь сбавьте скорость, – предупреждал в рацию Андрей Ильич, – чтобы без пробуксовки.

– А здесь давайте притопим слегка...

– Осторожно! Слева оползень...

Идущий следом багги точно повторял все манёвры первого. Сидевший за рулём второй машины мёртвый десантник был при жизни хорошим водителем. Водил всё – от велосипеда до танка и БТРа. Чего уж там говорить о багги... Мёртвого полицейского (тоже, кстати, майора) он понимал с полуслова и реагировал до того, как тот заканчивал фразу. Сергею оставалось только наблюдать за дорогой и лишь изредка подсказывать водителю – где лучше принять правее или левее, и где, по его мнению, может быть опасно.

Километр за километром, багги взбирались на склон похожей на гигантскую черепаху горы. На вершине сделали остановку и снова подняли в небо дрон. Далее был небольшой спуск в седловину между этой и следующей за ней горой повыше и покруче. Там свернули вправо, и после короткого спуска оказались в вытянутой на юго-запад узкой долине, скоро превратившейся в ущелье, резко заворачивавшее к югу...

...Ночь застала мертвецов в округлом цирке¹⁶, куда они

---

¹⁶ Цирком в горах называется тупик, которым оканчивается долина или распадок.

заехали уже впотымах.

– Приехали! – объявил в рацию Сергей. – Здесь заночуем.

Будь ситуация критической, мертвецы, конечно же, могли бы продолжить путь, включив фары, которые на багги имелись, и весьма мощные, но таковой она, ситуация, не была. Зато риск встрять в совершенно ненужную сейчас аварию имелся. Как говорится, тише едешь – и машина целее, и мертвецы живее...

Развернули багги в направлении ущелья, по которому и выехали сюда, промахнувшись где-то на повороте, и остались сидеть, как сидели. Только сняли шлемы и перчатки (во время длительных стоянок это не запрещалось), да переключили радиогарнитуры на один общий канал. Мёртвые не спят, им ничего нигде не давит, не тянет посидеть в камнях в позе орла. Кресло в машине – отличное место, чтобы переждать ночь, а с гарнитурой в ухе и поговорить можно. Ночь-то длинная...

– Может, анекдот? – как всегда внезапно предложил Лёха, когда перевалило за полночь.

– Без бороды? – поинтересовался сидевший рядом с закрытыми глазами Андрей Ильич.

– Ну-у, – Лёха зачем-то поскрёб короткостриженный затылок, – этого я знать никак не могу...

– Давай уже, трави! – сказал из соседней машины Майор. И Лёха пошёл травить...

Про ментов, про военных, про врачей и пожарных; про

сантехников, студентов, школьников, политиков; про неверных жён и мужей, про тещ, про лесных зверей; про чукчей, грузинов, негров, хохлов; про гопников, зэков, Сбербанк и всякие пошлости; про Василия Ивановича и Анку с Петькой; про Армянское радио, про Вовочку, про Иван-царевича и про Штирлица.

Травил долго. А когда закончил, между мертвецами завязался неспешный разговор о времени, когда все они были живы: про детство и юность, про семьи – про жён и детей, про друзей, работу и службу. Так они проговорили до самого рассвета.

***

– А ну-ка, Лёха, притормози! – сказал Андрей Ильич, когда понял, *что* перед ними. – Давай туда потихоньку... – Он показал – куда, и поднёс к губам рацию: – Серёга! Посмотри направо! Видишь?

– Вижу, – отозвался Сергей через секунду.

Оба багги свернули с оставленных вечером собственных следов и подкатили к входу в пещеру.

Проход в скале, развёрнутый в направлении цирка, – поэтому мертвецы его в сумерках не заметили, попросту проехав мимо, – имел форму почти правильного округлого тре-

угольника¹⁷. Внизу широкий, метров восемь, кверху проход сужался двумя дугами, сходящимися на высоте примерно пяти с половиной метров почти точно по центру; получалась как бы верхушка врытой в землю готической стрельчатой арки.

– У нас мало времени, – выйдя из машины, сказал Сергей, – но стоит осмотреть...

– Ха! Ещё бы! – Лёха достал из кармана фонарик.

– Нет. Так сразу мы туда не пойдём! Запустим дрона...

– Разумно, – заметил Андрей Ильич. – А то мало ли чего там... Окажется ещё, что вход – рубль, выход – два...

– Или сто два, – добавил Майор.

Мертвецы быстро собрали дрон и запустили его в пещеру.

Гексакоптер влетел в тёмную каменную нору, автоматически держась на равном удалении от окружавших его поверхностей (для этого дрон использовал имевшиеся у него лазерные дальномеры). Сергей щёлкнул клавишу на пульте управления и пространство вокруг гексакоптера залил яркий белый свет, – это включились расположенные между пропеллерами фонари.

Подобно сказочному светлячку, дрон плавно поплыл по нерукотворному тоннелю, спускавшемуся вглубь горы под уклоном примерно в пятнадцать градусов, а за ним, с пультом в руках медленно пошёл Сергей. Поскольку радиосвязь

---

¹⁷ «Округлый треугольник» – это так называемый треугольник Рёло (фигура названа в честь немецкого учёного Франца Рёло).

на Марсе работает только в пределах прямой видимости, нельзя было допускать прерывания сигнала. Дрон бы, конечно, не потерялся, а попросту вернулся ранее пройденным маршрутом назад – туда, где был устойчивый сигнал управления. Но запускали-то его в пещеру не за этим. Мертвецы хотели знать – что там, внутри, в этой марсианской горе.

Тоннель вскоре выпрямился, потянулся прямо и горизонтально, постепенно расширяясь. Сергей и мертвецы, шагавшие за ним следом, остановились на ровном месте, а дрон стал медленно удаляться.

Уже через минуту дрон оказался в огромном зале размерами со средний стадион. В зале том был идеально гладкий пол, покрытый муаром кристалликов инея, из которого вдоль стен росли невиданных форм сталактиты. Это было замёрзшее озеро, когда-то очень давно заполнившее пещеру. В нескольких местах изо льда островами выступали каменные глыбы, обросшие как диковинными растениями странными минеральными образованиями. Мертвецам прежде не доводилось видеть на Марсе ничего подобного.

Камера дрона едва просматривала дальнюю часть зала. Сергей щёлкнул на пульте ещё одну клавишу, и из расположенного в подбрюшье дрона фонаря-искателя вырвался мощный луч...

– Твою же ж ма-ать!.. – протянул Лёха, увидев, *что* высветил луч прожектора.

– А Надежда говорит, что лететь далеко... – заметил Май-

ор, вспоминая недавний разговор в палатке у Сергея.

– Надо сходить, посмотреть... – сказал Сергей.

– Может, ну его?.. Вдруг зараза какая?.. – неуверенно предложил Андрей Ильич.

– Что, помереть боишься, Пинкертон? – усмехнулся на это предложение Майор. Он один звал бывшего МУРовского опера не по имени-отчеству, как того звали почти все, и даже не просто «Ильичом», как звали некоторые, а «Пинкертонном», на что Андрей Ильич, конечно же, не обижался. Ведь мертвецы – народ необидчивый.

– Да нет... – Андрей Ильич пожал плечами. – С чего ты взял, десантура? Двум смертям, как говорится... а мы свой раз уже... Просто мало ли... Научное же дело, а мы – так... «Мэд Максы» местные, по пустыне гоняем на своих тарантасах... Надежде бы показать...

– Не ссы, Андрей Ильич! – Лёха хлопнул старшего товарища по плечу. – А то на таком морозе у тебя сразу «шпага» вырастет. Будешь как мушкетёр с нею ходить... А Надежде потом покажем. Не «шпагу», разумеется, а это... Но можно и «шпагу».

– Да ну тебя, шутник, мля... – отмахнулся Андрей Ильич беззлобно.

– Ну, что стоим, кого ждём? Может, уже сходим да глянем? – предложил Майор.

– Пойдёмте, марсиане! – сказал Сергей. – Посмотрим!.. – Он щёлкнул тумблером, приказывая тем дрону вернуться к

оператору...

...Лёд был крепкий как камень. Мертвецы шли через пещерный зал по замёрзшему озеру, оставляя на бархате инея одинаковые отпечатки ботинок. Сергей нёс пульт управления дроном в левой руке, держа его на манер дипломата, а сам дрон, жужжа пропеллерами, послушно летел точно над ним, освещая фонарями всё вокруг как летающая люстра. Впереди, в дальнем конце зала, прямо на льду лежало то, что никак не должно было там лежать. Неоткуда ему было взяться в этой пещере и на этой планете.

– Хм, здоровый какой... – проговорил Майор, окидывая взглядом облачённое в белого цвета скафандр тело.

– Да уж, немаленький, – Сергей согласно покивал головой, доставая свободной рукой портативную камеру из закреплённого на пояском ремне жёсткого футляра.

Инопланетянин был человекоподобный. Ну, как... почти... Голова, туловище, две ноги... А вот рук аж четыре... Понятное дело, всякий скафандр, даже самый инопланетный, внешне увеличивает габариты своего носителя, но ведь не в разы. Да и росту скафандр вряд ли сильно прибавляет. А роста этот «красавчик» был, плюс-минус вершок, метра три, и весил – если взвешивать его на Земле – должно быть с полтонны; крупный был инопланетянин, как бык здоровый. Почему «красавчик»? Да потому, что лик его, хорошо видимый в свете дроновых фонарей за прозрачным забралом шлема, был далёк от человеческих эталонов красоты.

– Ну и рожа у тебя, Шарاپов... – прокомментировал физиономию покойного пришельца Лёха крылатым выражением.

– Рожа – да-а... рожа знатная!.. – согласился и с ним Сергей. Навёл камеру, выбрав удобный ракурс, и сделал снимок максимально высокого разрешения. Видео в это время снимал повисший над головами мертвецов дрон.

Мертвецы с минуту рассматривали четырёхглазого крюконосого с полным ртом лошадиных зубов инопланетного гостя. Кожа его была белая как мел, с чуть синеватым оттенком; на голове грива толстых как у коня или льва огненно-рыжих волос. Две пары глаз, расположенные одна над другой, широко распахнуты; глаза голубые – почти человеческие. Губы были тонкие, посиневшие, рот раскрыт как бы в предсмертной муке.

– Кто знает, может у себя на родине он – Аполлон... – неуверенно предположил Андрей Ильич.

– А может это вообще не он? Может это баба?

– Нет, Лёха, уж больно некрасив для бабы... – Мёртвый опер с сомнением покачал головой.

– Ну не скажи! Ты что, феминисток не видел, старый?

Лежал инопланетянин на спине, раскинув нижнюю пару рук в стороны, а верхние прижав к груди, пальцы – их на каждой кисти было по четыре – сплетены; ноги – одна вытянута, вторая согнута в колене. Кстати, коленей и локтей лишних не было, – тут всё как у людей.

Рядом на льду стояла открытая сумка-баул из того же, что и скафандр материала и нетипичной, но вполне понятной конструкции, в которую легко можно упрятать пару человек, вокруг разбросаны какие-то предметы.

Инопланетянин был вооружён: слева и справа в районе пояса на скафандре имелись явно пистолетные кобуры, – застёгнутые, видны толстые рукояти.

– Прямо ковбой! – заметил Майор по этому поводу.

– Хм, да, опасный парень, – задумчиво произнёс Сергей, – был.

В стороне, на расстоянии десяти метров от тела у самой стены пещеры возвышалась конструкция из круглых прямых прутьев серебристого металла в виде каркаса куба со сторонами метра в четыре.

Подойдя к конструкции, мертвецы осмотрели и её, не прикасаясь и не заходя внутрь. Серебристые прутья – толщина их была сантиметров пять – оказались сплошь покрыты какими-то символами наподобие арабской вязи. Что такое был этот странный куб, и каково было его назначение – никто не понял. Рядом не было никаких проводов, приборов – ничего вообще. Просто фигура, как в школьном кабинете геометрии, только большая.

А ещё вокруг не было следов от ног покойного собрата по разуму. А ведь он должен был их оставить. Следы. Почти такие же (разумеется, вдвое большего размера), какие сейчас повсюду обильно оставляли наши мертвецы. Попираемому

ими бархату была явно не одна сотня тысяч, или даже ни один миллион лет. Сергей первым это сообразил:

– Хм, а ведь нет следов... Ни единого! Мы-то вон как на-топтали... – он повёл лицом вокруг и мертвецы заозирались.

– Да, действительно...

– Нету следов Шарапова...

– Кого?! – спросили хором Сергей с Андреем Ильичом.

– Ну, этого... – Лёха кивнул на инопланетянина. – Надо же его как-то обозвать.

– Ладно, пусть будет Шарапов, – Сергей усмехнулся.

– Сколько же он тут пролежал? – посмотрев на четырёх-глазого «Шарапова», тихо спросил Майор.

Ему никто не ответил.

– Ладно. Пойдёмте! – помолчав, сказал Сергей мертвецам. – Разберёмся с пиндосским агрегатом, потом сюда Надежду привезём. Пускай выясняет, что с этим Шараповым произошло, и когда...

***

К середине дня, мертвецы наконец преодолели Южный хребет. Солнце ещё стояло в зените, когда багги прошли последний перевал и бодро один за другим покатали вниз по длинному пологому отрогу...

Через горы перебрались удачно и без серьёзных происшествий. Всего пару раз сворачивали не туда, но прежде уже

бывавшие в тех местах Андрей Ильич и Лёха быстро это понимали и возвращались обратно на знакомую дорогу.

Один только раз ведущий первый багги Лёха опрометчиво приблизился к крутому гравийному склону и чуть за это не поплатился, пусть не жизнью, но имуществом отряда – уж это наверняка, а возможно и «здоровьем» – своим и Андрея Ильича. Сломанная нога – уже беда, а не дай Бог, позвоночник... Мертвецов-инвалидов в стройотряде только не хватало!

За всё время на Марсе они потеряли только двоих: Ивана и Алима. Иван погиб на третий день после посадки жилого модуля. Один из грузовых модулей с необходимым для работы инструментарием и материалами сел аварийно, сильно при этом пострадал. Его стали разгружать в первую очередь, и во время разгрузки Ивана раздавило сорвавшимся с платформы контейнером. Иван умер мгновенно... во второй раз. Алим попал под обвал породы, в самом начале работ, – ему камнем повредило мозг, после чего он перестал узнавать товарищей и утратил способность к сколь бы то ни было осмысленным действиям; Надежде пришлось извлечь его элементы питания и таким образом окончательно упокоить мертвеца.

После понесённых потерь, соблюдение мер безопасности, которыми мертвецы и до того отнюдь не пренебрегали, стало для всех задачей первоочередной важности. В короткое время лишиться двоих рабочих, каждый из которых, если выра-

жаться циничным языком экономистов, для страны пославшей их сюда – бесценен, это было недопустимо.

Поэтому впредь мертвецы всё стали делать без спешки. Иногда кто-нибудь, не рассчитав силы, поднимал слишком тяжёлый предмет (в условиях марсианской гравитации, лишённому свойственной живым чувствительности мертвецу, который и на Земле вдвое превосходил себя прежнего в физической силе, было действительно непросто рассчитывать прилагаемые усилия), иногда ломался инструмент, или случалась какая-нибудь другая мелкая авария; но чтобы кто-то ещё угодил под обвал, или под контейнер, или словил незащищённой каской головой молоток, или упал с лестницы и сломал ногу – такого в стройотряде более не случалось.

Но теперь, на выезде, риски возросли на порядок. И с этим приходилось мириться.

Когда земля под колёсами внезапно поплыла, и горный пейзаж вокруг вдруг двинулся вбок, сидевший на месте штурмана Андрей Ильич успел только рот открыть. Но смекнувший что к чему Лёха втопил до упора педаль газа, и машина рванула вперёд так, что передние колёса оторвались от земли, загребая ущербный пыльный воздух. В последний момент багги выскочил на твёрдую землю с устремившегося вниз оползня.

– Ильич! – позвал в рацию Сергей, видевший произошедшее как на ладони. С безопасного расстояния зрелище было впечатляющим.

– На связи, – после короткой заминки ответил штурман первого багги.

– У вас всё в норме?

– Абсолютно, – заверила рация голосом Андрея Ильича, а через секунду, уже тише, голосом Лёхи добавила: – Только я чуть личинку не отложил – первую за семнадцать лет. А так, да, в норме!

– Всё в порядке, – усмехнулся крутивший баранку Майор.

Действительно, всё было в порядке. Лёха был самим собой – всё тем же мёртвым Лёхой. Ведь мертвецы неизменны. Каким умер Лёха, таким и оставался, уже восемнадцатый (если по-земному) год – молодым весёлым парнем с непростой судьбой. При жизни имел Лёха проблемы с законом, но – вот же какая ирония! – после смерти – причём, смерти насильственной, от руки, быть может, бывшего друга-подельника – оказался он наиболее подходящим среди тысяч других кандидатов для дела особой государственной важности. Как и другие мертвецы отряда, Лёха был стабилен и неизменен. И все его остроты, шутки, анекдоты и дурачества были ежедневным подтверждением этой стабильности. Если бы он вдруг стал другим – перестал петь песни, пошло шутить и поддевать товарищей, это стало бы отклонением и, следовательно, поводом для беспокойств, и тогда Надежда первым делом взялась бы просвечивать его мозг ультразвуковым аппаратом.

...Спустя час, багги с мертвецами снова ехали по равнине,

объезжая редкие холмы и овраги. Снова первой шла машина командира группы – мёртвого подполковника Никитина.

Сергей взглянул на счётчик в приборной панели. Счётчик показывал: «103 км» – столько они проехали со вчерашнего утра. Прилично выходит. Вот только, не поедь они перевалами, при той же сотне, были бы они сейчас ещё на северной стороне Хребта... А они уже вон где!

Сергей потянулся к рации.

– Ильич!

– На связи.

– Как у вас настроение?

– Как у нормальных непокойников – бодрое.

– Хорошо едем, – сказал Сергей. – Вторую сотню только разменяли, а уже за Хребтом.

– Я же говорил... Удивлён, что ты не знал про этот путь.

Сергей не стал говорить о том, что тоже удивлён этим обстоятельством. Он тут главный начальник на планете, а его подчинённые рискуют стратегически необходимой техникой – гоняют её по горам...

Садись грузовые модули с контейнерами чаще всего на западе от строящегося города. Отправлялись за ними вездеходы обычно порознь, – троих мертвецов на вездеход было достаточно, чтобы они за день неспешной работы перемонтировали найденный посадочный модуль в автоприцеп на четырёх больших колёсах и присоединили его к автопоезду. Маршруты рассчитывались так, чтобы один вездеход со-

бирал поезд из севших наиболее близко друг к другу четырёх контейнеров и двигался обратно уже знакомой дорогой. Дважды складывалось так, что в результате то ли каких-то просчётов на Земле, то ли сбоя в работе оборудования часть модулей спускалась на эту самую равнину за Южным хребтом. И оба раза Сергей оказывался где-то в ином месте. В первый раз они с Майором хулиганили аж на другой стороне глобуса, и поисковая экспедиция началась и закончилась без их участия и ведома. А во второй, он сам участвовал в экспедиции, но уехал на другом вездеходе в другую сторону, пока Андрей Ильич со товарищи, уже проторенной дорогой, во второй раз совершали свой рискованный «переход через Альпы».

Но нет худа без добра. Вот, пригодился опыт...

– Километров пятьдесят надо до темноты сделать, – нажав тангенту, сказал Сергей в рацию, направляя разговор в рабочее русло. – А завтра с утра начнём искать с «птичками».

– Думаю, сделаем полсотни, – ответил ему Андрей Ильич уверенно. – Может и побольше.

– Это уже как пойдёт... Но полсотни надо обязательно.

Не пошло...

...Через минуту после того, как Сергей вставил рацию в крепление на панели перед собой, неспешно и привычно дёргано плывший навстречу марсианский пейзаж поплыл вдруг вверх с плавным нарастающим ускорением. Багги в окружении серо-бурых камней, бывших перед тем относи-

тельно ровной поверхностью – практически дорóгой, падал куда-то вниз, в пыльную темноту.

– Серый, держись! – крикнул Майор, упираясь руками в руль и вжимаясь в кресло.

Сергей молча вцепился пальцами в подлокотники и тоже вжался.

Полёт был недолгим. Через две или три секунды машина ударилась колёсами о твёрдую землю и, присев на амортизаторах, подпрыгнула, приземлилась снова, прокатилась вперёд пару метров и встала, накренившись. Вокруг было темно, клубилась густая пыль, сверху на шлемы мертвецам упало несколько мелких камней, не причинивших им вреда.

– Ты цел? – спросил Сергей напарника.

Рядом послышалась недолгая возня, после которой Майор ответил:

– Цел. Сам как?

Сергей тоже себя ощупал, убедившись, что руки-ноги у него целы, шея и спина не сломаны.

– Вроде в порядке.

Багги – штука надёжная. Даже если в такой машине кувыркаться много раз подряд, мёртвым пассажирам особого вреда не будет. Если они, конечно, пристёгнуты и руками не размахивают. А мертвецы – народ дисциплинированный.

– Серёга! Майор! Вы целы?! Ответьте! Целы?! Приём! – Это глухо звала рация откуда-то снизу и сбоку. Сергей пошарил руками перед собой. В креплении для рации было пу-

сто. – Серёга! Майор! Ребята!..

– Подожди... – сказал Майор. Сергей едва различал силуэт товарища в еле-еле пробивавшемся откуда-то сверху и сзади слабом свете. Тот шарил рукой по приборной панели. Наконец Майор нашёл, что искал – щёлкнул тумблер и включились четыре мощные жёлтые фары. Яркие лучи пробивали быстро оседавшие пыльные клубы, высветив впереди слоистую каменную стену, тяжёлыми неправильными волнами наплывавшую снизу куда-то вверх и там превращавшуюся в подобие купола. – Вот так уже лучше! – отметил мертвец произведённый эффект и принялся крутить головой по сторонам.

– Серёга! Серёга, ответь! – продолжала бубнить рация.

– Надо ему ответить, – Майор повернулся к Сергею.

– Сейчас... – Сергей снял перчатки и, задрав левый рукав, добрался до управляющего браслета. Переключил радиогарнитуру на канал ниже. – Ильич, Лёха, слышите меня?

– Слышим!!! – в один голос отозвались мертвецы.

– Отлично! Только давайте по очереди. У нас всё в норме.

Все живы-здоровы, – Сергей усмехнулся. – Дыру видите?

– Да мы рядом с ней! – Это голос Лёхи.

– Близко не подходите!

– Подождите немного. Пыль почти села... – сказал Майор.

Он тоже переключил канал гарнитуры.

Сергей посмотрел по сторонам, задрал голову вверх, обвёл глазами купол. Немного позади в каменном своде се-

ро-розовым тусклым пятном зиял пролом. Довольно большой – метров около семи в поперечнике. Высота, с которой они сверзились, была метров пятнадцать-семнадцать. Благодаря силе инерции и слабой марсианской гравитации машину при падении пронесло немного вперёд по ходу движения, потому и приземлились они не под самым проломом, а чуть в стороне от него и от образовавшейся под ним внизу груды камней.

Пыль садилась стремительно быстро¹⁸.

– Нужно осмотреться... – Сергей достал фонарик и принялся светить справа от машины. – Ребята, а ну-ка пошумите в рацию! Она тут где-то рядом валяется...

– Однажды опосля обедни, – тут же послышалось из-за камня, что лежал рядом с правым задним колесом, – обходя окрестные огороды, отец Онуфрий обозрел обнажённую Ольгу...

– Достаточно, Лёха! – сказал Сергей, нажимая на поясе кнопку замка пятиточечного ремня безопасности. – При отце Никифоре только не рассказывай.

Он вылез из багги и, нагнувшись, подобрал рацию; проверил исправность устройства, клипсу крепления, и повесил на поясной ремень.

– Так я от него про этого Онуфрия и узнал, – сообщил в

---

¹⁸ Причиной тому, напомним, сильно разреженная атмосфера. Несмотря на слабую силу тяжести, частицы пыли почти не встречают сопротивления воздуха, который мало отличается от «технического вакуума».

правом ухе Лёхин голос.

Машина оказалась цела. Нигде ничего не погнулось и не отвалилось. Из своего крепления вылетела только рация, остальные же предметы все были на своих местах. Вот если бы багги не ехал, а стоял на месте и провалился, тогда могли быть и поломки и даже травмы. Гора камней под проломом образовалась приличная. А так пролетели вперёд и грохнулись на песчаное дно карстовой пещеры. Отделались лёгким испугом.

Сергей с Майором обошли пещеру с фонариками за четверть часа.

Пещера оказалась примерно в десять раз меньше пещеры Шарапова и, по-видимому, была частью пещерной системы. В двух местах мертвецы обнаружили узкие щели, ведущие куда-то вниз. Лезть в эти щели они, разумеется, не стали, – приключений им и без того хватало, – поэтому никаких выводов относительно этой системы они сделать не смогли.

Нужно было как-то выбираться из этой дыры и поднимать вверх машину.

Первая задача легко решалась с применением лебёдки, а вот вторая... Вторая тоже с той же лебёдкой, но уже не легко, и вариант решения этой второй задачи был один-единственный: багги следовало поднимать по частям...

***

Процесс занял весь остаток дня.

Сначала мертвецы втроем – на помощь товарищам в пещеру спустился Лёха – разгрузили и разобрали багги на узлы и детали, сложив всю мелочь на расстеленном рядом с голой рамой тенте; после разобрали и саму раму. (Благо, вся техника доставлялась на Марс в максимально компактном – то есть разобранном виде, и уже здесь собиралась вручную; рамы, кабины, кузовá – всё было разборным.)

Потом Сергей поднялся наверх к Андрею Ильичу. Стоявший на безопасном удалении от пролома багги был к тому времени основательно обложен спереди крупными камнями, которые Андрей Ильич, пока товарищи работали внизу, натаскал со всей округи. Сделано это было для того, чтобы багги, в передней части которого была лебёдка, из-за слабого сцепления с землёй при подъёме грузов не пошёл юзом и не приблизился к пролому, где мог случиться ещё один обвал. «Это будет настоящий анекдот, если и вторая машина свалится в чёртов грот...» – говорил Андрей Ильич, катя издали последний увесистый валун. С помощью лебёдки и всем известной матери они извлекли из злополучной дыры разобранный автомобиль и Лёху с Майором, и стали вчетвером собирать машину...

...Заканчивали уже в темноте, при свете фар. Само собой,

в ночь никуда не поехали, – остались ждать утра, отъехав в сторону от места происшествия на пару сотен метров. А утром, едва солнце показалось слева над горизонтом, окрасив узкую полосу атмосферы на востоке в светло-голубой, мертвецы двинулись в путь.

***

Была половина десятого. Багги ехали быстро, держа скорость не ниже пятнадцати километров в час. Вокруг простиралась хорошо освещённая солнцем равнина (стоит заметить, что общая освещённость марсианского рельефа примерно вдвое меньше, чем безоблачным днём в земной пустыне). Яркий бело-голубой солнечный диск стоял уже высоко, окружённый россыпью ярких-преярых звёзд.

На юг и на запад от оставшегося позади Южного хребта равнина простёрлась на многие сотни километров. На востоке её наискось разрезал глубокий каньон, тянувшийся от гигантского ударного кратера, что лежал примерно в четырёхстах километрах на юго-востоке, далеко на север. Каньон этот – его мертвецы никак особо не называли, просто: «каньон», и всё – откалывал от Хребта его восточный край, разрезал за ним восточные предгорья, пустыню, которую мертвецы пересекли позавчера, огибал Ржавые холмы с «верблюжьими горбами» и кратер с ледяным озером.

По прикидкам Сергея, американский корабль должен был

сесть западнее каньона и северо-западнее кратера – где-то на этой самой равнине, среди её редких холмов и заметённых песком и пылью низин.

Когда счётчик на панели показал: «150 км», Сергей объявил в рацию:

– Тормозим! Привал!

Багги съехались, встали рядом.

– Доставайте «птичку», товарищи непокойнички! – приказал он Андрею Ильичу с Лёхой, и сам полез за сиденья своего багги, стал там отщёлкивать «лягушки» креплений, что удерживали футляр с гексакоптером.

Мертвецы быстро привели в готовность оба дрона.

– А вы знаете, истинное значение слова «беспилотник»? – вдруг спросил Лёха, убирая пустой футляр на место.

– Ну, и какое же? – улыбнувшись уголком рта, поинтересовался у него Майор.

– Это – живой мужик в состоянии свободного поиска.

– Борода... – Майор махнул рукой, продолжая улыбаться. – Но уточнение, что мужик живой, в кассу. Нам-то с вами уже давно не до пилотов, а!

– Это да, – согласно покивал Андрей Ильич. – Мы считай – готовые монахи. Хоть завтра в Троице-Сергиеву лавру на ПээМЖэ, сразу в схимники...

– Уже и нетленные, – добавил Лёха.

Мертвецы расхохотались. Со стороны это смотрелось несколько зловеще: бледные, с мутнинкой в глазах непокой-

ники исторгают из посиневших ртов приглушённые жидким воздухом кашляющие звуки смеха. Но способных оценить зловещесть этой сцены живых людей рядом не было. Да и быть не могло. А если бы кто вдруг и оказался рядом, то на оценку у него было бы не более двух секунд, после которых он сам бы стал мертвецом, только уже не живым и смеющимся, а самым настоящим, мёртвым-примёртвым.

– Значит так, «святые отцы», – сказал Сергей, отсмеявшись. – Сейчас разъезжаемся. Мы с Майором – на восток, а вы с Лёхой, – он посмотрел на Андрея Ильича, – на запад... Берём по двадцать километров и сворачиваем на юг... Сильно не гоним, – взгляд его упёрся в Лёху. – Скорость: десять, максимум пятнадцать километров. «Птичку» дальше трёх километров от себя не отпускать. Связь – каждые пятнадцать минут, через «птичек».

Лёха, внимательно смотри за дорогой!.. Хоть, от такого афедрона¹⁹, как вчера, и не убережешься... Всё равно, вся-

---

¹⁹ Афедрон – (греч.) задний проход, сиречь жопа. Слово сие довольно редкое. Но встретить его можно порой в самых неожиданных для читателя местах. Так, например, в Священном Писании (в церковно-славянском переводе): «...не у ли разумеаете, яко всяко, еже входит во уста, во чрево вмещается и афедронем исходит?» (Евангелие от Матфея, глава 15, стих 17) Или вот, у Классика: Окружён толпой рабов, С грозным деспотизма взором, Афедрон ты жирный свой Подтираешь коленкором. (А.С. Пушкин, «Ты и я») Кстати, некоторые пушкиноведы полагают, что произведение это адресовано было молодым и дерзким Александром Сергеевичем императору Александру I. Встречается сие презабавное старинное словцо также в «Житии протопопа Аввакума», и у Алексея Толстого в «Хождениях по мукам», и у современных авторов.

кое бывает... Внимательнее будь! – Лёха молча кивнул. – Ильич, – Сергей снова посмотрел на штурмана второй машины, становившегося теперь оператором беспилотника, – береги «птичку»! Она теперь – твои глаза. Что там вокруг – не твоя забота. Лёха – сам себе штурман. Нарезай круги вокруг машины, смотри внимательно. Если понадобится уйти западнее или, наоборот, восточнее – предупреждай!

Все всё поняли? – он серьёзно посмотрел на стоявших возле второго багги мертвецов. Те молча покивали. – Тогда по коням!

Сергей развернулся, обошёл свой багги и уселся в пассажирское кресло. Пристегнулся, взял стоявший между сиденьями чемоданистый пульт управления дроном, положил его себе на колени, щёлкнул тумблер, затем другой. Стоявший на земле в двух шагах от переднего бампера багги гексакоптер зашуршал крупными лопастями, разбросав в стороны облачка быстро оседающей пыли, дёрнулся, выравниваясь, и плавно взлетел. Почти одновременно с этим, взлетел и второй дрон возле второй машины. На водительское место рядом забрался Майор, щёлкнул замком ремней.

– Ну что, Серый, поехали?

– Поехали, тёзка! – ответил Сергей. – На восток...

– Прочь беги, пока хватает сил, беги

На восход, в сад живо-о-о-ой...²⁰ – слышалось в гарнитурах у мертвецов. Это Лёха, уже тронувший с места свою

---

²⁰ Группа Ария, «Мёртвая зона», слова Маргариты Пушкиной.

машину, снова распелся.

***

Солнце в звёздном небе давно перевалило зенит и клонилось к закату, проделав две трети послеполюденного пути. Однако на освещённости однообразного равнинного ландшафта это никак не сказывалось, только у редких невысоких холмов да у раскиданных тут и там крупных камней появились и стали вытягиваться угольно-чёрные резкие тени...

Из-за практического отсутствия на Марсе подобного земному атмосферного слоя с его защитными и рассеивающими свет свойствами, оно, солнце – как, к слову, и звёзды – здесь всегда светит с одинаковой силой (примерно на треть ярче, чем на Земле), – хоть утром, едва выскочив из-за горизонта на востоке, хоть в полдень, хоть вечером, перед тем как юркой белкой заскочить обратно за горизонт, но уже на западе. Да-да, на Марсе не бывает долгих упоительных зорь. Всё происходит очень быстро, как любовь в юности – раз-два и готово! Лишь окрасит на пару минут тонкую кобальтово-синюю полосу атмосферы у самого горизонта лазурью или даже аквамарином, и конец представлению. Ко всему стоит добавить и то, что любоваться закатами на Марсе незащищёнными специальным стёклами глазами, как это тысячами делали на Земле влюблённые, романтики и простые бытовые эстеты, просто больно физически (к слову, как и

восходами). Окажись на Марсе парочка влюблённых (в скафандрах, разумеется), им бы пришлось попросить у наших мертвецов их жёлтые очки, – мертвецы бы дали, ведь мертвецы – народ нежадный.

А вообще, даже если бы живой человек мог существовать здесь вот так, как могут мёртвые, без тёплого скафандра, мог ходить по радиоактивным пескам и вдыхать углекислоту, он бы очень скоро впал в такую депрессию, что стал бы искать осину или, хотя бы, пальму, чтобы на ней повеситься. Не найдя ни единой коряги, он отправился бы к ближайшим горам или каньону, и там, после безуспешных потуг напоследок исторгнуть в неполноценный ублюдочный воздух страшные глухие проклятия этому миру, бросился бы в пропасть. Но мертвецы не таковы. Мертвецов унылость пейзажа нисколько не пронидала. Поэтому они, мертвецы, строили здесь город для живых, в котором будет и чистый земной воздух, и пусть ненастоящее, стеклянное, но голубое небо, будут красивые улицы с витринами, будут сады с фонтанами и цветущими яблонями, будут стрекотать на заросших буйной травой газонах кузнечики и щебетать в кустах и ветвях деревьев птицы. Всё это обязательно будет здесь, на этой унылой пыльной планете, богатой полезными ископаемыми, которые будут добывать довольные жизнью живые люди.

...Итак, близился вечер и солнце клонилось к закату... Багги бодро катил по равнине, объезжая приросшие непроглядными тенями холмы, заполненные пылью низинки, тре-

щины и мелкие кратеры – местные «водоёмы», в которых можно и утонуть, если по неосторожности в них заехать. По небу на высоте восьмидесяти метров выписывал шестиклометровые петли дрон, направляемый мёртвой рукой Сергея. Пейзаж вокруг был однообразен и уныл настолько, насколько он бывает таковым только на этой красно-коричневой планете.

Где-то за горизонтом, в сорока километрах западнее ехали Андрей Ильич с Лёхой. Всё у них было в порядке. Очень может быть, Лёха развлекал напарника анекдотами и баснями, или тихо пел себе под нос старые песни, а быть может и молча крутил баранку, не отвлекая товарища от управления дроном. Каждую четверть часа от Андрея Ильича поступали доклады, содержание которых оставалось неизменным: «У нас ничего». Сергей не сомневался в том, что старый мёртвый опер, изловивший за годы службы великое множество уголовных элементов, был предельно внимателен и не мог упустить треклятый корабль американцев.

Связь была устойчивая. Легко парившие в жидком небе гексакоптеры беспрепятственно обменивались радиосигналами, поскольку всё время находились в зонах прямой видимости друг друга. Несмотря на свои немалые размеры – почти три метра в поперечнике – весили эти громоздкие на вид устройства меньше килограмма, если по-земному, а здесь так и вовсе – совсем ничего, триста двадцать восемь граммов. Собственно, вес беспилотников и стал причиной уста-

новленного конструкторами ограничения полётной высоты в сто метров. Сделано это было из соображений безопасности: несмотря на более-менее одинаковую плотность марсианской атмосферы на высоте до нескольких километров²¹, сверху дрон могло подхватить воздушное течение и либо попросту унести лёгкую машину за горизонт, либо сделать её неуправляемой. В обоих случаях это привело бы к крушению, с той лишь разницей, что в случае первом вероятность отыскать обломки беспилотника оказалась бы сильно меньше, чем во втором. Поэтому на Земле и решили, что сотни метров будет вполне достаточно. Разработанные специально для Марса высокооборотные электродвигатели с более крупными, чем у земных дронов, винтами могли бы поднять эти высокотехнологичные машины хоть на километр, хоть на пять, но лазерные дальномеры и атмосферные дат-

---

²¹ Есть мнение, что плотность нижних десяти километров марсианской атмосферы почти неизменна. На Земле плотность атмосферы с высотой ощутимо уменьшается. Поэтому высоко в горах тяжело дышать; поэтому же земные вертолёты летают ниже самолётов (создаваемая вращением вертолётных винтов «подушка» из воздуха на высоте становится недостаточно плотной, вращающему винты двигателю недостаёт оборотов). На Марсе же, если уж взлетел (понятно, что в сильно разреженном воздухе и вес машины должен быть меньше, и площадь винта больше, и оборотистость движка – выше), то можно подниматься хоть на все десять километров. Интересная цитата: «Из-за меньшей по сравнению с Землей силой тяжести Марс характеризуется меньшими градиентами плотности и давления его атмосферы, а поэтому марсианская атмосфера гораздо протяженнее земной. Высота однородной атмосферы на Марсе больше, чем на Земле, и составляет около 11 км». (Кузьмин Р.О., Галкин И.П., «Как устроен Марс», Москва: Знание, 1989 г.)

чики исправно сообщали управляющим контроллерам соответствующие параметры, и едва расстояние до поверхности превышало установленный конструкторами максимум, или уменьшалась плотность воздуха, подъём прекращался. Оптика установленных на дронах видеокамер была мощна настолько, что в условиях разреженного марсианского воздуха легко позволяла увидеть мышь за десять километров, если бы таковая здесь водилась... Эти «птички», как их обычно называл Сергей, пусть и далеки были от своих земных боевых собратьев, умевших видеть в темноте, со снайперской точностью стрелять пулями, минировать местность, скидывать на головы врагам осколочные гранаты и газовые бомбы и проделывать другие убийственные фокусы, тем не менее, умели многое, и режим ретрансляции был одним из самых простых их умений. Но с учётом отсутствия в марсианской атмосфере ионизированного слоя, способного переотражать радиосигналы, а также беспощадной близости горизонта (всего-то три с половиной километра), умение это, превращавшее каждую «птичку» в мобильную радиовышку, было крайне полезным.

– Скоро стемнеет... – произнёс Майор, не отводя сосредоточенного взгляда от дороги.

Длинные тени от камней и кочек лежали подобием шпал тут и там повсюду поперёк их пути. Тени отбрасываемые холмами и горками Майор объезжал, потому, что чернота этих теней была практически абсолютной, – в них нельзя бы-

ло ничего разглядеть, и окажись там кратер, или дыра, подобная вчерашнему «афедрону», они бы, не разбирая дороги, въехали туда.

– Да, – сказал Сергей, едва качнув головой – скоро...

Майор быстро взглянул на товарища. Лицо того, освещаемое спустившимся к горизонту солнцем, с теневой – то есть его, Майора – стороны было чёрным. Контраст на Марсе мало отличается от лунного, где атмосферы вообще нет. Все предметы здесь видны, только когда на них светит солнце... ну, или искусственный источник света. Ночью, когда глаза привыкают к темноте, контуры предметов можно рассмотреть и в свете звёзд, которые здесь процентов на двадцать пять-тридцать ярче, чем на Земле. Но это только ночью. На контрасте, рядом с освещёнными солнцем частями местности, всё, что в тени, человеческий глаз – пусть даже он и мёртвый, глаз этот – воспринимает как самое тёмное место в организме у всем известного негра.

– Серёга, Андрею, – с глухим хрипом позвала рация.

Сергей быстро глянул на приборную панель, посреди которой были часы: «19:45». Быстро взяв рацию из крепления, и выжав тангенту ответил в микрофон:

– На связи. Слушаю тебя, Ильич.

В ответ прозвучало ставшее, кажется, уже неизменным:

– У нас ничего.

– Принял, – произнёс Сергей, и, помолчав секунду, добавил: – После заката останавливайтесь и сажайте «птичку».

Поднимать в начале каждого часа на пять минут, для контрольного сеанса связи. Как понял? – говоря это, Сергей не отводил взгляда от экрана пульта управления.

– Принял. Связь – раз в час. Первые пять минут – «птичка» наверху...

Сергей не ответил, не дал отбой. Он вдруг стал пристальнее всматриваться в экран, двинул управляющим полётом дрона аналоговым стиком. Картинка на экране пульта чуть сместилась – беспилотник, плавно забиравший перед тем на восток-юго-восток, взял влево и полетел параллельно лежавшим внизу теням строго на восток. Майор заметил и перемену в товарище и то, как он изменил курс беспилотника, быстро глянул на него:

– Что там у тебя, Серый?

Сергей не ответил. Держа рацию в левой руке, словно забыв о ней, правой он сосредоточенно вёл куда-то послушную ему «птичку».

Майор не стал заглядывать в экран лежавшего на коленях у Сергея пульта, не стал более ничего ему говорить. Он стал ещё внимательнее следить за дорогой, и немного сбавил скорость. Теней вокруг с каждой минутой становилось больше.

Наконец Сергей поднял глаза от пульта, быстро повертел головой и сказал:

– Мы нашли его.

– Корабль амеров?

– Его, – мертвец коротко качнул головой. – Это он. Давай,

сворачивай на десять часов! – Потом, будто вспомнив про рацию в руке, поднёс её ближе к лицу, нажал тангенту и произнёс: – Андрей Ильич!

– На связи, – тотчас последовал ответ.

– Сворачивайте на нашу «птичку»! Стоянка отменяется. По́темну ежайте медленнее, но не останавливайтесь, утра не ждите. Как понял?

– Понял тебя, Серёга. Едем к вам...

Часть третья. Дети железных дев

Ко времени, когда Лёха с Андреем Ильичом наконец добрались до американского корабля, Сергей с Майором уже осмотрели и корабль, и его пассажира, и место посадки, что называется, вдоль и поперёк. За семь с половиной часов чего только не успеешь...

Корабль цвета Энолы Гэй²² – то есть натурального металлического, имел форму пистолетной пули, – навреде парабеллумовской девятимиллиметровой. Десять метров в поперечнике в нижней части, и двенадцать в высоту, он стоял неровно, наклонясь в сторону под углом градусов в пять. Земля вокруг была оплавлена, но поверх уже намело песка и пыли. С двух сторон на покатых боках корабля виднелись звёздно-полосатые флаги США – причём, с одной стороны полос на флаге было, как и положено, семь красных и шесть

---

²² Enola Gay – Боинг Б-29 «Суперфоргресс», стратегический тяжёлый бомбардировщик дальнего действия ВВС США, совершивший первую в мире атомную бомбардировку. Имя Энолы Гэй самолёт получил в честь Энолы Гэй Тиббетс, матери пилота и командира экипажа полковника Пола Уорфилда Тиббетса-младшего (впоследствии бригадного генерала ВВС США). 6 августа 1945 года бомбардировщик сбросил атомную бомбу «Мальш» (англ. Little Boy), мощностью 18 килотонн в тротиловом эквиваленте на японский город Хиросима. Первые машины этой серии имели стандартную маскировочную окраску – сверху и с боков оливково-зелёную, снизу – светло-серую, но в декабре 1943 года окраску тяжёлых бомбардировщиков отменили, и самолеты стали выпускать в естественном алюминиевом цвете. Выпущенная в мае 1945-го «Энола» не стала исключением.

белых, а вот с другой всего шесть, и все они были разного цвета – и надписи: «SpaceD» и «Dangerous-8». На высоте метров пяти с трёх сторон в корпусе имелись овальные люки, один из которых был открыт, от него вниз спускалась раздвижная лестница из какого-то лёгкого и прочного металлического сплава. Внутри горел тусклый оранжевый свет.

Сначала в стороне от освещённого фарами корабля опустился дрон, потом вдаль на горизонте появились четыре яркие жёлтые точки – фары машины. Точки эти то гасли, то снова загорались, – это машина время от времени то забиралась на пологие возвышенности, то исчезала в низинках.

Через двадцать минут второй багги остановился рядом с первым, фары его так же остались включёнными. Приехавшие мертвецы тут же вышли из машины и направились к стоявшим на освещённом месте товарищам.

– Хренасе! – сказал Лёха, окидывая деловитым взглядом первого на Марсе автогонщика и без пяти минут пилота звездолёта возвышавшийся посреди ночной пустыни и отражавший во все стороны лучи машинных фар корабль. – Здоровый какой!.. И блестит, собака!

– Благодаря этой блескучести, я его за три десятка километров сверху заметил... – ответил Сергей. – Солнце на закате ему точно в бок светило. Если бы не вечер, мог бы и не заметить... Проехали бы мимо... Я-то думал, он вообще западнее сел. А он здесь... Тут до Каньона пятнадцать километров всего.

– А дверь как открыли? – решил Лёха прояснить, по-видимому, интересовавший его вопрос.

– А мы её не открывали, – сообщил с каким-то странным выражением мёртвого лица Майор.

– То есть, как... не открывали? – Мутно-голубые глаза Лёхи округлились в недоумении, длинные редкие ресницы пару раз хлопнули, будкообразное лицо вытянулось; в этот момент он стал странно похож на героя старого мультфильма «Волк и телёнок». – То есть, он не на автопилоте сюда прилетел? – Мертвец, зачем-то поскрёб крепкой пятернёй в арамидной перчатке место на груди, куда когда-то давно, без малого восемнадцать земных лет тому назад, ударила пуля, ставшая для него билетом на Марс. – А где... – начал он, но его перебил Андрей Ильич:

– И что, есть там кто внутри?.. – Мёртвый опер кивнул на открытый люк. – И если нет, то куда делись?

Сергей с усмешкой глянул на него:

– Помнишь, что я третьего дня вам про зомби-дебилов рассказывал?

– Ну?

Сергей снова усмехнулся:

– Идёмте! Покажу вам такого... – С этими словами он развернулся и пошёл к кораблю. Дойдя до лестницы, обернулся: – А на второй твой вопрос, Ильич, я отвечу позже. До рассвета время ещё есть... – Ничего более не говоря, Сергей бодро взобрался по лестнице и скрылся в люке корабля.

Мертвецы последовали за своим начальником.

Вторым навверх к люку полез Андрей Ильич.

– Чего, правда? – спросил Лёха, взявшись руками за поручни и повернувшись к стоявшему рядом Майору. – Про зомбей?

Тот улыбнулся:

– А ты полезай, сам посмотри...

...Пространство внутри корабля оказалось не то чтобы тесным, – места развернуться немаленьким габаритами мертвецам там хватало, – просто оно совершенно не походило на обиталище экипажа из шести человек. Живым людям надо есть, спать, справлять нужду, иметь какой-никакой досуг, наконец... Даже в жилом модуле у мертвецов (во время полугодового перелёта с Земли, Лёха много шутил по поводу эдакого забавного названия) – действительно, вполне жилом и даже уютном, несмотря на отсутствие за ненадобностью кухни и туалета! – не было столь мертвó и кисло. Им было где посидеть, полежать, поиграть в карты, домино и шахматы, даже нарды у них имелись; были электронные книги, плееры и домашний кинотеатр с подборкой хороших фильмов. Ничего подобного в этом корабле не было. Не было вообще ничего, что предполагало бы активную жизнедеятельность экипажа.

Было только округлое – около четырёх метров в диаметре – помещение, в которое с трёх сторон вели три одинаковых коридора длиной в три и шириной в полтора метра. Вдоль

вогнутых простенков между коридорами, по два на простенок, вертикально располагались шесть металлических саркофагов, от оснований которых к центру помещения тянулись направляющие желоба с роликовыми каретками внутри, по которым саркофаги, очевидно, скользили, чтобы принять близкое к горизонтальному положение во время старта и посадки корабля.

Пять из шести саркофагов были открыты. Внутри эти камеры хранения для людей были обильно вымазаны потёками какой-то прозрачной слизи; вдоль боковых стенок полостей свисали ремни с замками, трубки, пучки катетеров и датчиков. А вот шестой саркофаг был с пассажиром...

Вернее, с пассажиркой. Из-за прозрачного окошка в верхней части крышки саркофага на мертвецов бессмысленным взглядом безнадёжного имбецила смотрела молодая негритянка, – некрасивая, мордастая, лупоглазая, с широким в пол-лица носом и огромными вывернутыми губами. Стриженная налысо крупная голова негритянки крепко сидела на толстой, как у атлетичного мужика, шее, от которой в стороны расходились терявшиеся за границами окошка широкие плечи. Видимые до половины груди женщины были некрупными, даже скорее маленькими, какие обычно бывают у сидящих на гормональных препаратах спортсменов.

Любознательного и начитанного Лёху вид саркофага с зомби-негритянкой внутри навёл сначала на мысли о мифическом орудии казни, применение которого огульно при-

писывалось католическим святым отцам-инквизиторам выдумщиками эпохи Просвещения, а потом напомнил ему одну старую песню, которая тотчас и закрутилась по кругу в мёртвой Лёхиной голове.

– Хм, да-а... – протяжно произнёс Андрей Ильич, поводя ладонью перед окошком, и понаблюдав за мутными, какие бывают только у мёртвых, безумными глазами обитательницы саркофага. – Как говорила когда-то давно моя школьная учительница Ирина Николаевна... Кстати замечу, красивая была женщина!.. Так вот, говорила она так: полное отсутствие всякого присутствия...

– Небось по другому поводу-то говорила? – предположил Майор.

– Разумеется. Но здесь эти слова подходят идеально.

– Может, выпустим негритоску? – предложил Лёха. – Посмотрим, вдруг нас жрать кинется?..

– Не кинется, – сказал Сергей. – Эта Анжела Дэвис тупее баобаба.

– А другие, значит, не такие тупые, раз ушли гулять... – сказал Андрей Ильич, окидывая пустые саркофаги цепким взглядом старой ищейки. – Интересно, они живые, или как мы?

– Живые, – ответил ему Майор. – Мы тут с Серым провели кое-какое расследование, пока вас ждали...

– Вот как... – Андрей Ильич посмотрел на Сергея, тот кивнул:

– Идём, покажу кое-что!

Сергей прошёл в один из коридоров и остановился у сдвинутой вбок панели, за которой была ниша с полками. Только теперь Андрей Ильич и Лёха заметили, что таких подвижных панелей в коридорах было множество.

– Смотрите сюда, – Сергей указал на сложенный на полках за панелью серый с оранжевыми вставками скафандр, полностью оранжевый шлем, объёмный ранец, какие-то подсумки и приборы в чехлах. – Это комплект Анжелки.

Вот дыхательный аппарат... – Он достал ранец и поставил его на пол перед товарищами. – Видите эти крышки? Вот сюда заряжаются такие вот контейнеры... Они с какой-то химической муйнёй, из которой получается дыхательная смесь... Здесь батареи питания... Вот этот и этот шланги подключаются к скафандру. – Сергей вытащил из ниши скафандр и бросил его на пол, развернул, показывая – куда подключаются фланцы шлангов. – А вот... – Он смахнул с полки в проход целую охапку разных подсумков и чехлов, достал из образовавшейся кучи ранчик поменьше. – Вот эта вот штука пристёгивается спереди, как кираса. В ней пищевые концентраты – слона прокормить неделю можно! – и целый набор интереснейшей фармакологии... Всё подключается к скафандру. – Откинув клапан ранчика, Сергей вскрыл контейнер с препаратами, стал доставать из гнёзд толстые длинные гильзы и читать надписи на них: – Метапервитин, Икс-Бетапродин, Бензилморфин, Ацеторфин, Диэтиламид-тартрат д-ли-

зергиновой кислоты – тьфу ты! хрен выговоришь!

– О как! ЛСД! – Отметил Андрей Ильич знакомое название.

– Оно самое, товарищ следователь. Оно самое. А что такое Метапервитин знаешь?

Сергей снова взял толстый как сигнальный патрон цилиндр и повертел его в руке, осматривая.

– Хм, дай угадаю. Боевая химия?

– Именно, Ильич. Метамфетамин это.

В двадцатом веке, во Вторую мировую, которая для нас – Великая отечественная, Первитин в виде таблеток всюю жрали фашисты, а японские камикадзе им вообще кололись. Пиндосы активно кушали Первитин в Корее и Вьетнаме... В начале двадцать первого века ИГИЛовцы²³, а чуть позже и укронацисты глотали так называемые «таблетки джихада» – Каптагон – это уже похлеще Первитина... А вот это ширево, – Сергей покачал в руке гильзу с Метапервитином, – на порядок мощнее и Первитина и Каптагона. Это натуральный Озверин!

– Что, интересно девки пляшут, если снизу посмотреть, да, Пинкертон? – Стоявший рядом Майор легко толкнул локтем призадумавшегося Андрея Ильича и кивнул в сторону саркофага со страшной негритяжкой.

---

²³ ИГИЛ (Исламское государство или ДАИШ) – международная террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Андрей Ильич автоматически проследил взгляд товарища и сдержанно улыбнулся:

– Ну нет, не хочу я видеть, что у неё там внизу...

А потом он повернул ставшее серьёзным лицо к Сергею и холодно произнёс:

– Значит, выходит, к нам, на *нашу*, – мёртвый опер выговорил это слово с нажимом, – планету, на *наш* Марс прилетели обдолбанные Озверином живые янкесы... У кого-нибудь есть сомнения относительно их намерений?

– Не просто живые, – сказал Сергей. Его лицо показалось мертвецам более мёртвым, чем было всегда. Никаких обычных ухмылок, никакой весёлости. – Не просто обдолбанные ЛСД и чёрт знает какими ещё галлюциногенами... Часть названий я просто не смог выговорить. Не просто под боевой химией, Ильич... Под очень-очень-очень сильной химией! И ещё они – камикадзе.

– То есть, назад они не полетят?

– Нет, Ильич, не полетят. Это путешествие в один конец. В коридоре, через который мы вошли, за одной из панелей есть монитор автопилота. На нём показания состояния корабельных систем. В баках нет горючего. Оно ушло на корректировки курса сюда, и на посадку. Корабль, как видишь, не приспособлен для жизни нормальных людей... Эти гробы, – Сергей кивнул на саркофаг с продолжавшей дебильно тарашиться на них через окошко негритяжкой, – это что-то вроде камер для анабиоза, в которых экипаж спал всю дорогу сю-

да. Сомневаюсь, что пиндосы залезут в них обратно, чтобы дождаться, когда за ними прилетят с Земли... В скафандрах своих они вряд ли долго проживут. Никакая химия не поможет им научиться дышать местным углекислым дерьмом, когда в их ранцах закончатся реактивы или сядут батареи... Пищевые концентраты – тоже ограничены... Они здесь для того, чтобы сделать дело, на которое их страна не пожалела средств, а сами они – своих жизней. И что-то мне подсказывает, это их дело имеет самое прямое отношение к нашему с вами делу. К нашей Москве-на-Марсе. Это диверсанты.

– А как эти диверсанты собираются добираться до Москвы? Пешком? – спросил Лёха, молча до этого слушавший разговор товарищей. – Мы на машинах за три дня три сотни намотали...

– У них мотоциклы, – сказал ему Майор. – Три штуки.

– М-мать... – Андрей Ильич сжал кулаки. – Чего же тогда мы тут яйца чешем!

– Спокойно, товарищи марсиане. Спокойно. – Лицо Сергея было как у настоящего покойника, без тени волнения, и лишь мутные глаза за жёлтыми стёклами очков казались живыми и даже немного весёлыми. – Пойдёмте, я вам ещё кое-что покажу...

Сергей повёл товарищей мимо пустых саркофагов в соседний коридор.

– Вот тут, смотрите... – Он указал на закреплённую под потолком двутавровую балку, на которой имелаась передвиж-

ная лебёдка. – Это, как видите, кран-балка. Она выдвигается наружу... – Подойдя к закрытой двери, Сергей толкнул её, и дверь открылась. – Когда мы с Майором приехали, эта дверь была открыта и балка выдвинута, мы её назад задвинули... Вот тут пульт есть. – Он показал на пульт у двери. – Так пиндосы спустили вниз свои мотоциклы. Они по одному в каждом коридоре стояли. Вот тут, на стенах и в полу ремни для крепления есть... – Сергей потянул за торчавший в углублении в стене карабин, и за карабином потянулась лента, как на ремнях безопасности. – Видите? – Он отпустил карабин, и тот втянулся обратно. – Спустили, в общем, они мотоциклы, загрузились всем нужным... тут в стенах все ниши пустые, кроме Анжелкиной... и, значит, поехали к Каньону... Со стороны, где машины стоят, следов этих не видно... Мы с Майором прошли по тем следам с километр.

– К Каньону?

– Да, Ильич, к нему самому.

– Но зачем?

– Может, сам догадаешься?

Старый мертвец задумался.

– Ну, Андрей Ильич... – снова заговорил Лёха. – Ну, что ты, в самом деле, как маленький! Не по компасу же им Москву искать...

– Хм, а почему бы и нет?

– А ты не замечал, что у нас в машинах нет компасов? Вот совсем нигде ни у кого.

– Лёха, – сказал Сергей. Лицо его вдруг перестало быть лицом настоящего покойника, и стало лицом хорошо знакомого мертвецам непокойника. Он даже улыбнулся. – Шерлок Холмс не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, а наш оперуполномоченный из МУРа не знает, что на Марсе нет магнитного поля, и не работает компас... Ничего страшного.

Ильич! – Сергей перевёл взгляд на стоявшего рядом с Лёхой мёртвого опера. – Каньон – это прекрасный ориентир для наших незваных гостей. Двигаясь вдоль него, можно выйти к Ржавым холмам, а там и до Москвы рукой подать... Но! – Он поднял вверх мосластый палец, не давая уже открывшему было рот Андрею Ильичу заговорить. – Мы сюда сколько ехали? Лёха сказал – три сотни... У нас на счётчике двести восемьдесят два километра. Полдня мы потеряли ещё... Но у нас машины приспособлены. А ты видел пиндосовские марсоходы, какие мы с Майором тут ломали? Это же хлам, барахло, немошь техническая... Они до того десятилетиями весь мир дурили, выдавая фотки канадского острова Девона за «марсианские»²⁴! Сомневаюсь, что эти их мо-

---

²⁴ Сергей говорит об известной в наши дни серии казусов. Среди опубликованных НАСА фотографий якобы «Марса» разные любопытные граждане стали вдруг находить подозрительные сходства с земными ландшафтами, и всякие интересные предметы, как то: различный мусор, кости животных, отпечатки ракушек, лишайники, кирпичи, куски целлофана и даже живых и пьющих воду сусликов. Быстро нашлись энтузиасты, разбирающиеся в цветокоррекции и умеющие пользоваться графическими редакторами, вернувшие «марсианским» снимкам первоначальный и – вот же удивительно-то, а! – вполне себе земной вид. Часть этих снимков, по мнению недоверчивых граждан (записанных сразу же в «уфо-

тоциклы вообще далеко уехали... Но даже если ничего у них там не отвалилось, впереди у пиндосов Южный хребет, который так просто не объехать. Или по горам, или через Каньон. За пару дней, может за три, переберутся, конечно, на ту сторону, если не помрут от Озверина и наркоты... Но им ещё до Хребта минимум двое суток было. Каньон-то он не напрямую к Москве ведёт, хорошо так загибает к востоку... За Хребтом будет тоже примерно столько же... Итого выходит неделя. Ну, может шесть или даже пять дней... Это если накинуть пиндосам форы.

Три дня у нас ушли на дорогу сюда. Не без приключений, конечно, но и переход через Хребет сильно сэкономил время. Теперь, когда искать корабли не надо, когда дорога известна, вернуться в лагерь можно и за сутки, если ехать без остановок. Ну, или часов за тридцать... Значит, минимум за день до появления пиндосов, вы двое, – Сергей обратился к Андрею Ильичу и Лёхе, – будете в лагере...

На этих словах командира и начальника Андрей Ильич переглянулся с Лёхой и перебил того:

– То есть, как это «мы двое»? А как же вы с Майором? Вы, стало быть, в герои намылились, а мы, значит – посыльными? Может, ты забыл, Сергей, но я не просто ментовской майор, я и «за ленточкой» бывал. И этот гаврик, – он кивнул

логи» и «конспирологи»), была сделана на канадском острове Девон, что в Арктике, где популярная «кинокомпания НАСА» регулярно проводит свои «исследования» и «испытания». Вот его-то, этот самый остров и упоминает наш герой.

на Лёху, – тоже не дурак, хоть и бандит бывший...

Сергей слушал, глядя на мёртвого опера с приязнью, потом, когда тот замолчал, сказал:

– Андрей Ильич, дорогой ты мой бывший «сосед»²⁵, боевой ты ментяра, ну сам посуди! Машин у нас всего две. Посылать в лагерь гонца – обязательно надо. О-бя-за-тель-но! Понимаешь? Но и возможностью перебить пиндосов по дороге, так, чтобы вообще не доехали до Москвы, мы манкировать не имеем права. Посылать одного кого-то гонцом – тоже нельзя. Сам видел, как мы в ту дырку угодили...

Тут вступился Лёха:

– Сергей! Товарищ командир! Гражданин начальник! Позволь слово молвить!

– Ну, молви.

– Если бы вы с Майором в то отверстие поганое нырнули, когда сами на приключения ездили, то сидели бы вы в нём до сих пор... – Лёха отчего-то довольно ухмыльнулся. – И если мы с Андреем Ильичом в такое отверстие занырнём, то будем куковать там на пару, пока вы нас не отыщете... А

---

²⁵ Профессиональный жаргон. Так во времена СССР сотрудники МВД прозвали сотрудников КГБ. Есть мнение, что по причине того, что отделы КГБ часто располагались в общих с советской милицией зданиях. В новейшей истории России прозвище это осталось, и превратившиеся в полицейских вчерашние милиционеры всё ещё порой именуют им теперь уже фээсбэшников. О том, называют ли сотрудники ФСБ сотрудников МВД «соседями» я лично не знаю. Герой повести мёртвый подполковник ФСБ Сергей Никитин, полагаю, знакомый с профессиональным жаргоном сотрудников МВД, называет мёртвого майора полиции Андрея Черкасова «соседом» явно в знак уважения.

теперь скажи мне, Сергей Петрович, изменится ли что-то от того, если в дыре той окажусь я один, без Ильича?

– Ты это к чему клонишь, Алексей Геннадьевич?

– Да к тому, товарищ подполковник, что давай-ка я сам в лагерь поеду и всех там напугаю, а Андрей Ильич пускай с вами остаётся с пиндоснёй воевать!

– Дело говорит молодой! – заметил Майор, посмотрев на Сергея.

Они пробыли внутри американского корабля ещё час. Заглянули во все люки и ниши за сдвижными панелями, посмотрели на монитор автопилота, – корабль действительно управлялся автоматикой, нигде не было видно никаких пультов управления, – осмотрели всё, что было доступно пытливому взору. Нашли даже оружейную пирамиду на шесть стволов, в которой стояла одна единственная штурмовая винтовка – сиречь, по-русски автомат – какой-то неизвестной мертвецам модели. Боекомплекта к винтовке не было. По-видимому, то была винтовка оставшейся в саркофаге некрасивой «афроамериканки»²⁶. Её соотечественники по-

---

²⁶ На случай если кого-то из читателей вдруг смущают кавычки на слове «афроамериканка», объясняю. Слово это я считаю дебильным новоязом, и употребляю его не иначе как с иронией. Насколько мне известно, далеко не все негры в США – потомки выходцев из африканского континента, и, в виду этого обстоятельства, многим американским неграм слово это вообще неприятно, как и слово «ниггер», считающееся у них там, в Америке, унижительным, в отличие от простого и нейтрального «чёрный» (black). В русском же языке, – а я человек русский; говорю, пишу и читаю по-русски; и плевать мне на американский английский новояз, который в мой родной русский язык протаскивают всякие культур-

просту не стали брать лишнее оружие – лишний груз.

Проходя мимо саркофагов, Лёха тихо напевал себе под нос на плохом английском, по-русски твёрдо выделяя букву «R»:

– Oh Well, wherever,
Wherever you are,
Iron Maiden's gonna get you.
No matter how far...²⁷

Оказываясь рядом с саркофагом «Анжелки», он несколько раз подмигивал ей, видимо, надеялся таким образом вызвать на дебильном лице хоть какой-то мимический отклик, но то было бесполезно, и ему это занятие быстро наскучило.

Когда спустились к машинам, до рассвета оставалось ещё три часа.

Мертвецы перегрузили из второго багги в первый часть взрывчатки, все гранаты и оба автомата Калашникова сто тридцатой модели. «Мне он без надобности, – сказал Лёха, отдавая футляр с оружием и боекомплект. – Не с Шараповым же мне из него воевать. А вам может и пригодится... А если в какую дырку свалюсь, у меня дрон есть, по нему найдёте...» В багажник Лёхе закинули американский автомат, скафандр, шлем и всё остальное барахло, что не потребовалось обитательнице нераспечатанного саркофага, ещё Сер-

---

ные манкурты и пятоколонники, – слово «негр» не является оскорбительным. Именно поэтому я слово это употребляю и употреблять буду без всяких кавычек, а слово «афроамериканец» и производные – исключительно с ними.

²⁷ Одноимённая песня британской группы Iron Maiden, слова Стива Харриса.

гей извлёк из портативной камеры карту памяти и отдал Лёхе с наказом передать Надежде. Лёха не стал дожидаться рассвета. Простившись с товарищами, он бодро запрыгнул в машину, развернулся и укатил в ночную темень. Фары его багги, несмотря на высокую мощность, не давали видимых издала лучей, какие дают фары машин на Земле, а только высвечивали дорогу впереди. Поэтому, оставшиеся возле американского корабля Сергей, Майор и Андрей Ильич очень скоро потеряли Лёхин багги из виду.

***

Выехали на рассвете. Сразу подняли в небо дрон, – не сильно высоко, метров на пятьдесят, – и послали его на три километра вперёд, чтобы заранее видеть направление следов от трёх мотоциклов.

Как и предполагал Сергей, следы тянулись вдоль обрыва каньона, в полукилометре от пропасти.

Дорога здесь была ровная, без резких перепадов высот, и Майор гнал багги на скорости в двадцать километров в час, местами выжимая все двадцать пять.

Андрея Ильича поначалу хотели поместить в багажник, зафиксировать его там ремнями и закрыть крышкой, чтобы по дороге не потерялся. Мест-то в машине всего два... А чего ему там будет, мёртвому? Лежи себе, жди, когда откроют. А поговорить – радиогарнитура есть. Но мёртвый опер тому

воспротивился: «Толку от меня в том сундуке!.. Я вот лучше здесь, за вами, – он указал на широкую площадку за креслами, на которой крепились футляры и ящики, – пешком постою. А чтобы не потерялся, пристегну с двух сторон к поясу ремни из этого самого сундука!» И в самом деле, получилось неплохо. Часть ящиков убрали в багажник, забрали из него ремни и прикрепили их по бокам площадки. Андрей Ильич, закинув за спину АК-132М, встал на эту площадку, широко расставив ноги так, чтобы ботинки упирались в специально для того оставленные с двух сторон ящики, пристегнулся, крепко ухватился за верхнюю перекладину рамы. «Я готов!» – сказал он с видом заправского терминатора, и они поехали...

...За десять часов они прошли сто восемьдесят километров. Всё время пути справа тянулся каньон, от которого поначалу во многих местах отходили глубокие расщелины, которые ещё и ветвились. Мотоциклисты, судя по их следам, о расщелинах тех узнавали в последний момент, и сворачивали вдоль них, объезжая препятствия. Расщелины те были довольно длинные, – некоторые до десяти и более километров. Сергей с высоты дрона полёта видел эти ущелья издали, и Майор заблаговременно забирал к западу, объезжая их стороной и так экономя время. Американцы же, похоже, потеряли в этих лабиринтах пару дней...

...Солнце уже клонилось к горизонту, от светового дня оставалось часа полтора, когда мертвецы нашли первого

американца.

То был здоровенный детина в скафандре, как у оставшейся в своём саркофаге «Анжелы Дэвис», и тоже негр. Он лежал посреди едва заметённых хилым марсианским ветром следов и слабо шевелил руками и ногами. Рядом на песке лежало его оружие – точно такая же штурмовая винтовка, как и найденная на корабле, и, как позже оказалось, тоже без боекомплекта. Издали живой труп – а то был явно он – не выказывал признаков сколь бы то ни было осмысленного поведения, но едва мертвецы подъехали близко, подскочил на четвереньки и как бешеный орангутанг скачками понёсся на них, не издавая ни единого звука.

Андрей Ильич отреагировал адекватно и быстрее остальных. Перекинул автомат из-за спины, сноровисто упёр приклад в плечо, щёлкнул предохранителем, – патрон он, оказывается, дослал заранее, ещё у корабля, – прицелился и выстрелил. ПАХ-ПАХ, ПАХ-ПАХ-ПАХ – глухо поплевал Калашников пять раз, и в шлеме орангутанга, в самой макушке, появились две дырки. Ещё одна пуля продырявила ретивому субъекту лопатку, две ушли в песчаную землю рядом. Орангутанг завалился набок, продолжив подёргивать руками и ногами.

– Ты посмотри, какой прыткий! – сказал Майор, подойдя к мёртвому, но живому «афроамериканцу». Он попинал негра ногой, следя за реакцией. Реакции не было. Какая там реакция, когда черепушка астронавта лопнула внутри шле-

ма как спелый арбуз...

– Чего-то он больно шустрый для дауна... – заметил Андрей Ильич, посмотрев на Сергея. – Ты, кажется, говорил, что они вообще, того, лежат и ни гу-гу...

– Я ещё говорил, что некоторые ползают, – ответил Сергей, тоже с интересом разглядывая ненормального мертвеца.

– Ну ничего себе ползатель!

– Так он под химией... под какой не всякий наркоман выживет.

– Второй уже, кто не вывез дозу, – произнёс задумчиво Майор, пнув негра последний раз. – Сначала Анжелка, теперь вот этот... Патрис Лумумба... Хоть бы бирки им с именами пришили, что ли... Так они все по дороге до Москвы передохнут...

– Хорошо бы... – Сергей присел на корточки, перевернул подёргивающееся тело набок, поднял непослушную руку, бросил. Рука не упала до конца, согнулась, зашевелила пальцами, но как-то дёргано, медленно. Он посмотрел на побитый пулями шлем: из шлема шёл пар. – Похоже, в скафандре всё это время продолжала работать система жизнеобеспечения...

– Ну, да. Иначе он не был бы таким резвым... Был бы как деревяшка. – Майор снова пнул начавшего затихать негра.

– Четверо осталось, – сказал стоявший немного поодаль Андрей Ильич. Приложив ладонь козырьком ко лбу, он посмотрел вдаль на запад.

– А ты молодец, Пинкертон! – Майор подошёл сзади и хлопнул его по плечу. – Прямо как настоящий десантник! Как ты его снял красиво!

– Я не десантник, Сергей, я – мент, и тоже, между прочим, майор. Я в своё время заешь, сколько пшек покосил?.. О-о...

– Ладно, поехали дальше, мужики! – сказал им Сергей, вставая с корточек. – Хорошо бы нам по светлу до Хребта добраться.

– А эта его пукалка? – спросил Майор, кивая в сторону валявшегося американского автомата.

– Да нахрена она нам! – сказал Сергей. – Лёха уже одну в лагерь увёз. Есть что Земле показать...

– Ну не-ет, – решительно сказал мёртвый десантник, направляясь к бесхозному оружию. – Я его тогда у себя в палатке повешу, как сувенир.

Сергей только рукой махнул.

***

До Хребта они добрались.

Солнце упало за резко поглубевший горизонт, как любил выражаться ехавший в это самое время перевалами недалеко от пещеры Шарапова Лёха, «стремительным домкратом», но верхушки гор впереди оно всё ещё освещало. Примерно минуту. Мертвецы, не сговариваясь, стояли и наблюдали за тем,

как чёрная непроглядная темень напознала снизу вверх на ржаво-красно-серые пики, самый высокий из которых был не ниже двух километров.

– Ну, что, поедём?.. – предложил Майор, глянув на Сергея.

Только что они поднялись из каньона к оставленному на равнине багги. Спускались они затем, чтобы тщательно проверить дорогу – проедет ли машина там, где проехали мотоциклы. Следы уводили вдаль к горным отрогам, но петлёй возвращались обратно сюда, к этому крутому спуску в очередную расщелину в плите, что была, по-видимому, когда-то очень давно континентальной. Каньон был, по сути, гигантской трещиной в этой плите, возникшей в результате чудовищной силы удара крупного небесного тела – должно быть, астероида – в месте падения которого далеко на юге образовался огромных размеров кратер. Каньон здесь имел ширину около двенадцати километров – то есть, дальнюю его стену скрывал горизонт – и глубину примерно восемьсот метров. Расщелина, по которой в каньон спустились мотоциклисты, и которую теперь исследовали мертвецы, отходила от края обрыва на четыре с половиной километра и имела в окончании довольно крутой гравийный склон, по которому машина могла спуститься, но едва ли могла бы подняться обратно. Вот поэтому им и пришлось потратить полчаса драгоценного времени перед закатом на осмотр спуска.

– Поехали! – сказал Сергей. – Ильич! – Он перевёл взгляд

на мёртвого опера. – Ты давай за нами пешком до низу. Если что, будешь нас спасать.

– Да ну тебя, Серёга... – Андрей Ильич махнул крепкой ладонью. – Не каркай!

– Давай-ка Пинкертону стволы и бэ-ка²⁸ отдадим, Серый, – сказал Майор. – А-то мало ли чего...

– Дело говоришь, тёзка. Ильич, назначаю тебя – Складом РАВ²⁹! Принимай стволы!

Через несколько минут багги стал потихоньку-помаленьку спускаться вниз в каньон, а увешанный тремя автоматами, подсумками с магазинами и ручными гранатами, с набитой взрывчаткой и взрывателями увесистой сумкой в одной руке и футляром с Лёхиным автоматом и боекомплект в другой Андрей Ильич, как ходячий арсенал, грузно пошагал следом...

...На дне каньона было темно. Очень темно. Темнее чем наверху. Потому, что наверху неба больше, и звёзд больше, и света от звёзд – какого-никакого – но тоже больше. Но в свете мощных фар следы от колёс мотоциклов видны были

---

²⁸ Армейский жаргон. БК (бэ-ка) – боекомплект, комплект боеприпасов.

²⁹ Здесь Майор шутит, называя увешанного автоматами, боеприпасами и взрывчаткой Андрея Ильича – ходячим складом ракетно-артиллерийского вооружения. Служба РАВ – одна из важнейших служб в структуре Вооружённых Сил Российской Федерации. Служба обеспечивает части и соединения вооружением, начиная от стрелкового оружия и заканчивая артиллерией и ракетами. Также служба занимается техобслуживанием, ремонтом и восстановлением всего, что стреляет и задействуется в процессе. Склады РАВ имеются во всех подразделениях ВС РФ.

отчётливо. И было видно, что ехали американцы медленно, часто оставляя смазанные следы от обуви по обе стороны колеи. Это потому, что ровной дороги на дне каньона не было. Повсюду из присыпанных песком и пылью куч гравия торчали обломки скальной породы. Сильно не разгонишься на двух колёсах. А вот багги чувствовал себя на такой дороге уверенно. Вряд ли машина ехала быстрее мотоциклов, но езда не занимала столько внимания, как должна была занимать у мотоциклистов, – это мертвецам стало сразу понятно, ведь у них и свои мотоциклы имелись, и, надо полагать, получше американских.

Дождавшись Андрея Ильича, Сергей с Майором в свете фар разобрали оружие и вернули магазины и гранаты на положенные места на разгрузочных жилетах. Потом Сергей достал из кармана фонарик и принялся с ним ходить окрест машины, что-то высматривая. Мертвецы не стали ничего у него спрашивать, – мертвецы вообще народ нелюбопытный, – а разбрелись кто куда. Андрей Ильич отошёл в сторону в тень и высветил там себе фонариком удобный для сидения валун, а Майор принялся копаться в машине возле водительского кресла.

Побродив вокруг машины, Сергей наконец объявил:

– Значит так, товарищи военные и менты, – сказал он, поскребя подбородок. – Я тут вижу, вокруг лежит много самых разных замечательных камней на любой вкус и цвет...

– И чего? Ты собрался камни собирать, Екклесиаст?...³⁰ – буркнул в гарнитуру Майор, подёргав что-то под креслом.

– Именно, тёзка! Именно! У нас вон багажник пустой, Ильич же не захотел в него лезть...

– Конечно, не захотел, – с деланным недовольством проворчал мёртвый опер со своего валуна. – Что я, Дракула тебе в гробу сидеть!

– Ну, раз не хочешь сидеть в гробу, тогда собирай камни, старина! – Сергей говорил всё это весело, с приязнью. – Короче, отцы-мертвецы! Слушай боевую задачу!

Тёзка! – Сергей посветил фонариком в сторону багги, и нашёл лучом Майора. – Сейчас берёшь сумку с «пластилинком», и лепишь по четыре брикета в кучу, а в серёдку втыкаешь взрыватель... Потом берёшь четыре хороших увесистых камня, – он повернулся к камню, где сидел мёртвый опер, – какие тебе вот Ильич принесёт, и приматываешь по сторонам универсальной лентой... Делаешь по две такие бомбы на брата. Остальной «пластилин» лепишь по схеме бутерброда:

---

³⁰ Здесь Майор делает отсылку к ветхозаветной Книге Екклесиаста, или Проповедника, где написано следующее: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время родиться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру». (Екклесиаст, глава 3, стихи 1-8)

две плоские каменюки, меж ними – приплющенный брикет со взрывателем... Затем, когда всё сделаешь, возьмёшь подрывную машинку и настроишь каждую большую «бомбёшку» на свою отдельную кнопку, а «бутерброды» – все на одну.

А камни, Ильич, – Сергей снова посмотрел на мёртвого опера, – я, так и быть, тебе помогу собирать. Давай, старый, поднимайся! Нечего сидеть! Всё равно, не отдохнёшь ведь...

...На изготовление полезных в хозяйстве СВУ – сиречь самодельных взрывных устройств мертвецы потратили минут сорок. У Майора получились отличные самодельные бомбы – шесть штук «бомбёшек», как их назвал Сергей, и шестнадцать «бутербродов» – хорошие, качественные. Мёртвый десантник был большим специалистом в минно-подрывном деле.

Втроём уложили изделия в багажник, затем Сергей с Майором пристегнули мёртвого опера на его место позади кресел, уселись и пристегнулись сами, и осторожно двинулись по следам на север. Этой ночью привалов не планировалось.

– Интересно, как там наш Лёха?.. – через некоторое время сказал Майор, сосредоточенно глядя вперёд и крутя баранку. – Скучно ему, наверное. Анекдоты некому травить.

– Да он песни наверно поёт, – ответил ему Сергей. – Он их много знает.

– На корабле на амерском вон по-английски даже пел чего-то...

– Это он на гробы те анабиозные посмотрел и вспомнил, –

сказал сзади сверху Андрей Ильич.

– Чего вспомнил-то?

– Да про железную деву... Был вроде в древности такой пыточный агрегат – шкаф в виде бабы, внутри пики и колья, а на месте бабьего лица – окошко... Посадили, значит, туда злодея какого окаянного, дверь закрыли, и он там помирает в муках и корчах... Вот про этот самый агрегат и песня. Называется: «Железная дева». Была раньше рок-группа английская, что песню эту исполняла, так и звалась тоже – Железной Девой, то бишь Айрон Мэйден, если по-ихнему... Может, слышали?

– Вроде слышал что-то... – ответил Сергей.

Майор промолчал.

– Вот, значит, Лёха наш, видать, как бабу ту чёрную страшную в окошке увидел, так песню сразу и вспомнил.

– А ты и сам, я смотрю, знаток музыки, Пинкертон, а!

– Ну, а чего ж нет. В студенческие годы на басу в группе поигрывал... Я песен много всяких знаю. Лёха как чего замурычет, так слушаю, вспоминаю... Хороший он парень, Лёха наш. Судьба у него только хреново сложилась, не на ту дорожку повела...

– Зато как пулю словил, так считай человеком стал.

– Он им к тому времени *уже* был, тёзка, – сказал Сергей. – Сам же знаешь, все мы – какие были, такие и есть... Был бы Лёха говном, не стали бы его оживлять, да сюда посылать...

Майор немного помолчал, цыкнул зубом и произнёс:

– Прав ты, Серый. Прав полностью. Не то я сказал.

***

А в то самое время непокойный мертвец Лёха, он же Алексей Геннадьевич Шувалов, катил на своём багги вниз по хорошо знакомому отрогу на северной стороне Южного хребта, негромко напевая очередную в его ночном репертуаре старую песню:

– Как-то ехал я, перед Рождеством,
Погонял коня гужевым хлыстом,
На моём пути тёмный лес стоит,
Кто-то в том лесу воет и кричит...³¹

***

С наступлением утра в каньоне мало что изменилось. Только верхушки возвышавшихся слева над каньоном чёрных скал, заслонявших часть тоже чёрного, но звёздного неба и потому не видимых, а скорее угадываемых, окрасились серым и местами рыжеватым. В остальном же, как лежала в каньоне густая антрацитовая темень, так и оставалась лежать. Только ближе к полудню, когда солнце наконец за-

---

³¹ Группа Сектор Газа, «Ночь перед Рождеством», автор – Юрий Клиских, он же Хой.

глянет в эту тянущуюся на многие сотни километров трещину в коре планеты, темнота отступит, а пока же никакой разницы между ночным небом и небом дневным мертвецы не замечали.

Нет, конечно, в тонкой марсианской атмосфере свет несколько рассеивается, и цвет небесной черноты днём немного меняется, но рассеяние это столь ничтожно, что заметить изменения могут только точные приборы, к коим человеческий глаз – мёртвый ли, живой ли – относится мало.

За ночь они проехали бóльшую часть Хребта. Подсвеченные солнцем пики становились заметно ниже. Да и счётчик на панели показывал, что от спуска в каньон они сделали по его непролазным каменным дебрям полсотни километров. В среднем четыре-пять километров за час.

Следы были чёткими, мертвецы их ни разу не теряли. Американцы всё время петляли меж камней, часто падали. «Хорошо бы кто копыта поломал...» – сказал под утро Майор, видя очередное место падения с множеством следов вокруг. «Или шею, – добавил сверху Андрей Ильич. – Лучше шею». Всем было очевидно, что багги продвигался по каньону сноровистее и, следовательно, быстрее мотоциклистов. Ведь, как мертвецы ни петляли вслед за преследуемыми американцами, но ни разу не заваливались набок и не толкали машину. Факт.

– Как полагаешь, Серый, – спросил сквозь зубы Майор, продолжая смотреть на дорогу, – далеко амеры от лагеря?

Пятый день считай пошёл... А ты, помнится мне, давал им с форой пять дней на дорогу...

– Не знаю, тёзка, не знаю... – Сергей покачал головой. – Надеюсь, эта дорога их вымотала... Живым нужен отдых. Никакие препараты тут им не помогут. Их четверо осталось. Должны же понимать, что с перегрузом помрут они, не доехав... Сомневаюсь я, что они день и ночь ехали.

– Всего четверо... Что они могут вообще?

– А ты сам-то как думаешь? – Сергей повернул лицо к водителю. – Из автоматов по нам пострелять прилетели?..

– Хм...

– А вы обратили внимание на то, как эти янкесы относятся к лишнему грузу? – спросил стоявший позади на своём месте Андрей Ильич. – Автоматов запасных им не надо, хотя на войне, сами знаете, ствол лишним не бывает... Тем более на колёсах они... В обоих случаях только боекомплект забрали. Вопрос: чего автоматы не взяли? Они тут, как и бэ-кá, весят мало. А вдруг утыкание патрона, или ствол песком забьётся?..

– Да заметили, заметили, Пинкертон! Говори уже, чего хотел сказать!

– А чего тут говорить, десантура? – ответил сверху старый мёртвый опер. – Воевать с нами янкесы не собираются. Пославшие этих камикадзе сюда злые буржуины не могли не понимать, что пуля против нас – средство малоэффективное. Цель их *миссии* – обычно янкесы любят именовать па-

фосными словечками чинимый ими повсюду, где только запахнет нефтью или другими ресурсами, беспредел – прекратить строительство русского города на Марсе. Город – важный фактор в первоначальном освоении Российской Федерацией этой планеты.

Как, по-твоему, десантура, можно эффективно решить вопрос неумиряемых строителей города, чтобы наверняка и с гарантией?

– Ну, если бы дело было на Земле, точный ракетный удар... Но тут...

– Тут ракеты не летают, – сказал Андрей Ильич. – А дроны малоподъемны. Ничего серьёзного с дрона нам на голову не уронишь...

– Дрон на колёсах?

– Очень даже возможно, десантура, очень даже возможно...

– По местным ухабам не всякая полноценная машина проедет, – заметил Сергей.

– Верно, – согласился с ним Андрей Ильич. – Не всякая. Но мы ведь не знаем, что они там везут такое, что даже лишний ствол им не нужен, бросают... Там, на корабле у янкесов, много пустых камер осталось после отъезда диверсантов этих. Что там в них было – мы не знаем. Ясно одно – ничего для нас хорошего!

– Уж это точно, – буркнул Майор. – Это как пить дать.

– Тормози, – сказал ему Сергей. – Пора «птичку» подни-

Лёха был возле лагеря на рассвете.

Всю ночь он ехал по пустыне. Где-то полз черепахой, а где-то и втапливал под десять километров в час. Пару раз даже перевернулся, но без травм. Поставить опрокинутый багги обратно на колёса сильному мёртвому Лёхе не составило труда. Раздолбал одну фару, так то – потеря приемлемая. Когда заехал в знакомый длинный «коридор» между барханами, выжал из машины все тридцать. Местами летел в самом буквальном смысле.

Но в лагерь заезжать не стал, остановился в двух километрах.

– Лагерь! Подъём! Это Лёха! – объявил он в рацию, окидывая внимательным взглядом палаточный городок, склады, энергостанцию.

В лагере было тихо, никого не было видно.

– Товарищи мертвецы! – снова нажал тангенту Лёха.

– Тахир в канале, – кашлянула в ответ рация. – Ты один?

Где остальные?

– Остальные в порядке. Все живы. У вас как?

– Нормально.

– Лёха! – в рации прозвучал голос Надежды. – Ты почему один?!

– Не волнуйся, дорогая Надежда, не волнуйся. Все живы и здоровы! Я сейчас подъеду и всё вам расскажу. А вы пока играйте общий сбор и, Тахир Наильевич, скорее выдавай всем автоматы! Всем! К нам едут пиндосы...

***

Через три часа пути Южный хребет остался позади. Солнце к тому времени осветило полностью левую стену каньона и полосу земли в сотню метров подле неё. Тем не менее, мертвецы продолжали ехать в тени по следам американцев.

Лежавший на боку мотоцикл ярко-оранжевого цвета мертвецы увидели, только когда фары машины высветили его среди относительно ровного песчаного места. Барражировавший впереди над каньоном дрон не видел ничего на дне, где всё ещё была тень. После беглого предварительного осмотра выяснилось, что мотоцикл бросили по причине самой тривиальной: сдох один из двух электродвигателей. Свалившись где-то в очередной раз, мотоциклист приложился крышкой расположенного внутри заднего колеса двигателя о камень и та самую малость погнулась, что нарушило герметичность; в движок натянуло пыли и он сгорел к чёртовой матери и, конечно же, заклинил. Тащить мотоцикл вперёд, даже если бы мотоциклист шёл рядом, а не сидел верхом, двигатель переднего колеса попросту не мог, и технику бросили. Технику, кстати, вполне добротную. Но всё это ма-

ло заинтересовало мертвецов. Ну, сломался мотоцикл у американцев – и хорошо, и хрен бы с ним! Минус два негра и один мотоцикл. Заинтересовало мертвецов совсем другое. А именно – начинка этого весьма необычного транспортного средства. Сначала заинтересовало, а потом, когда они поняли *что* перед ними, и ужаснуло...

Взглянув на содержимое мотоциклова чрева, Сергей с Майором на пару с минуту непрерывно матерились, повторяя все известные слова и выражения как какие-то заковыристые языческие мантры, а Андрей Ильич просто стоял рядом и молча смотрел.

Наконец, когда товарищи выговорились, мёртвый опер резюмировал осмотр вражеской техники:

– Вот теперь всё поня-ятно. Теперь всё встало на свои места-а... Конечно, с таким-то грузом, ничего лишнего не увезёшь. Только то, что на тебе... Ну, разве что, пару лишних магазинов для автомата... Тут всё заранее посчитано и лишнего не предусмотрено...

Мотоцикл представлял собой довольно массивный байк-внедорожник с широкими колёсами и крепкой рамой, обшитой в месте, где у обычных мотоциклов бывают двигатель, бензобак, аккумуляторы и прочее, дутым и прочным на вид обтекателем с глубокими нишами для ног мотоциклиста, защищавшими его от ударов при падении. Руль с фарой и приборной панелью, внутри которой имелся довольно большой экран, на который, по-видимому, выводились показате-

ли скорости, заряда батарей и состояния машины, закрывал отдельный обтекатель с прозрачным щитком сверху. Внутри обтекателя рамы внизу были элементы питания, а выше всё пространство между покатыми стальными боками занимал покоившийся на ложе из плотной резины бочкообразный предмет цвета хаки, в верхней части которого имелся убранный под защитную крышку из прозрачного поликарбоната кнопочный пульт с экраном поменьше того, что в приборной панели. Бочонок располагался не горизонтально, а под углом, так, что пульт находился в месте, где у обычного байка обретаётся крышка бензобака, а нижняя его часть опускалась под сиденье, которое накрывало бочонок примерно до середины. По бокам у бочонка имелись удобные откидные ручки, рядом с которыми были простые защёлки-фиксаторы типа «лягушка», после отщёлкивания которых бочонок легко извлекался из ложа в обтекателе.

Сомнений относительно природы и назначения этого предмета ни у кого из мертвецов не возникло. Трафаретные надписи на бочонке: «U.S. Army property» и «Mk-111 mod.» говорили о его сути предельно ясно и понятно. В самом деле, не бочки же с пивом американцы прислали на Марс русским мертвецам!

– Вот скажите честно, ребята, – медленно произнёс Андрей Ильич через некоторое время, – вы ведь догадывались, что янкесы привезли сюда именно это самое? Ну неужели только я один сразу про это подумал?

Сергей, закончивший к тому времени снимать брошенный байк и его начинку на видео и теперь делавший фотографии в высоком разрешении, опустил портативную камеру, поднял на мёртвого опера мутные глаза и коротко кивнул.

– А ты, десантура?

– Аналогично, – буркнул Майор.

– Нужно ускориться, – сказал Сергей, убирая камеру в футляр на поясе. – Мы должны догнать их и остановить. Любой ценой.

– Насчёт «остановить любой ценой», тут я с тобой, товарищ подполковник, полностью согласен, но вот насчёт ускорения – не пори горячку. Сломаем машину, – Андрей Ильич выразительно попинал ногой заклинившее колесо мотоцикла, – никого не догоним... Пускай десантура сам смотрит, где прибавить газку, а где притормозить... Тише едешь – дальше будешь...

Ты ведь сам давал янкесам неделю на дорогу. А они живые, не забывай. Им спать-отдыхать требуется, они вон и так уже почти уполовинились, мотоцикл с ядрёной бомбой бросили...

Мы их нагоним. Обязательно нагоним. Да и Лёшка наш скоро в лагере будет – всех там на уши поставит...

***

Тем временем Лёха уже поставил лагерь на уши.

Оружие – автоматы АК-132М в количестве двенадцати единиц – у стройотряда имелось с самого начала. Они с ним прилетели.

Зачем, спросят читатели, мертвецам огнестрельное оружие на безлюдном Марсе, между собой разве воевать? А затем, что положено так. Отправившие мертвецов на Марс земные начальники просто обязаны были предвидеть всякое. Вплоть до нападения инопланетян. И кто знает, окажется тот же «Шарапов» на планете парой-тройкой миллионов лет позже, и встретить он здесь наших мертвецов, не стал бы он палить по ним из своих ковбойских револьверов, или какой там системы его пушки в кобурах?.. В общем, автоматы у мертвецов были, и патронов – по цинку на ствол. Другое дело, что за девять долгих марсианских лет, стрелять приходилось только начальнику отряда и его верному помощнику по специальным операциям, да и то немного и не по живым целям. По насовским марсоходам. Остальные же мертвецы из оружия своего последний раз стреляли ещё на Земле, перед полётом. А до того, ещё будучи живыми, проходили обязательную подготовку на полигоне Роскосмоса (разумеется, те, кто таковой подготовки не имели).

Как так, спросят читатели снова, а как же боевые навыки? Всякий солдат, и тем более офицер, должен время от времени бывать на стрельбах, овладевать умением, совершенствовать и закреплять и так далее... Живой солдат и живой офицер – действительно должны, а мертвецы – нет. Они уже ни-

чему не учатся. Но и ничего не забывают. Они таковы, какими встретили свою смерть. Всё, что умели на тот момент, то умеют и теперь, спустя годы. Мертвецам не нужны тренировки. Мертвецы стабильны и неизменны.

Когда Лёха доехал до лагеря, все его обитатели были вооружены, у всех на поясах были рации дальней связи, все были спокойны и ждали объяснений. И Лёха им всё объяснил. Коротко, чётко, без лишних подробностей. Так, к примеру, о пещере Шарапова и Афедроне он не сказал ни слова, – неважно это было на тот момент; зато передал Надежде карту памяти с фото и видеозаписями, сделанными Сергеем за время поездки, в том числе и на американском корабле; подробно описал на словах этот корабль и всё, что там видел; пересказал предварительные выводы Сергея и товарищей, рассказал об их планах.

– Так, значит, диверсанты к нам едут американские... – Тихо произнёс, будто сам себе, Кац. Но остальные мертвецы его, конечно же, услышали в радиогарнитурах.

Мертвецы собрались у палатки Надежды, и Лёха был в центре внимания.

Мёртвый еврей немного подумал, потом сказал уже громче:

– И вы-таки думаете, что они на нас нападут впятером?

– Нет, Леонид Натаныч, не нападут, – ответил Лёха. – На то они и диверсанты, чтобы диверсии устраивать – подлянки всякие... Заминировать по-тихому и взорвать, технику ис-

портить... Стрелять в нас из своих автоматов они, конечно, тоже будут, если спалются. Но будут стараться напакостить максимально эффективно и без потерь.

– А ты шарышь, Лёха, – пробасил Вован.

– Это не я такой умный. Я просто на мозговом штурме двух майоров и одного подпола поприбывал...

Бывалый мент, порохом пропахший вояка и ушлый фээсбэшник – ходячий аналитический центр.

– Скажи ещё «Змей Горыныч»! – глухо произнёс стоявший в стороне Палыч.

Этот, похожий на медведя, косолапый мертвец и говорил с какими-то медвежьими нотками в голосе, как персонаж одного старого, ещё советского мультфильма.

Мертвецы все синхронно уставились на Палыча. Несколько секунд молчали, а потом сухо по-мертвецки рассмеялись. Все, без исключения, даже всегда серьёзная Надежда.

– Молодца ты, Палыч, завернул! – отметил Лёха с видом завязатого остролова достижение обычно не блиставшего юмором товарища. – Дай пять!

Палыч дал. Лёха выдержал. Лёха тоже ого-го, вон багги в пустыне по ночи один переворачивал...

– Ладно, – произнёс Лёха посерьёзнев. – Слушайте, чего нам Сергей сказал сделать!

Оружие у всех у вас есть, кроме меня... Я свой ствол мужикам оставил. Тахир, выдай мне один из тех, что от Ивана с Алимом остались. И боекомплект, гранат пятёк...

Значит, берём сейчас оба дрона из вездеходов, один поднимаем в небо над Москвой, второй улетает на запад, за барханы, и там садится. В месте том садишься и ты, Надежда наша дорогая. И смотришь оттуда в оба на северо-восток, восток, юго-восток и на юг тоже. Когда надо будет сменить батареи, поднимаешь второго, и только после уводишь к себе на нычку первого. Ага?

– Понятно, – сухо ответила Надежда.

– А мы разбираем всю технику, грузим в неё всё барахло из палаток Сергея и Надежды, и гоним в разные места подальше за барханы. И чтобы никаких скоплений! С собой берём мотоциклы... Поскольку мбцыков у нас всего четыре, распределяем их так: первый мотоцикл отцу нашему байкеру Никифору, пассажиром к нему – Натаныч. На второй мбцык за руль Тахир, пассажир – Палыч. Третий моцык Вовану. Вован! – Лёха серьёзно, не моргая, посмотрел на мёртвого боксёра. – Как закончишь гонять технику, постоянно рядом с Надеждой. Чуть что, сажаешь её себе за хребет и увозишь далеко-далеко, вместе с пультом от того дрона, который в небе. Понял? – Вован кивнул. – Четвёртый моцык у меня. Я за разведку и – извини, Тахир! – за командира. Прораб ты лучший в мире, – Лёха не отказал себе в ухмылке, – но раз уж среди вас нет ни ментов, ни солдафонов, я, как скромный уголовник с некоторым стажем, проканаю.

Вопросы есть? Вопросов нет. Тахир, тащи автомат!

Часть четвёртая. За други своя

Американцев они увидели сверху. Было едва за полночь. Дрон по-прежнему барражировал над каньоном в трёх километрах впереди на высоте аж в девятьсот метров, и видел далеко. Не поднимавшийся обычно над равниной выше установленного конструкторами стометрового предела, гексакоптер сумел взлететь в самый верх этой гигантской трещины в каменной плите древнего континента плюс ещё на полсотни метров выше уровня поверхности. Это стало возможным из-за несколько большей плотности воздуха внутри каньона и наличия поблизости каменной стены, ощупав которую дальномером, контроллер «решил», что дрон оказался в глубокой яме, или в горном ущелье, и дал «добро» на высотный полёт. Окружённый блестящими звёздами бело-голубой шарик в чёрном небе светил как всегда ярко, по местной, разумеется, норме, высвечивая на дне каньона каждый камень. Камера дрона рассмотрела кавалькаду из двух ярко-оранжевых байков за пятнадцать километров.

– А вот теперь можно и прибавить ходу, – заметил стоявший на своём месте на площадке позади кресел Андрей Ильич. – Нужно их догнать и завалить, пока они подъём не нашли... Лови их потом среди Ржавых холмов...

– Можно и прибавить, – согласился Сергей. – Майор, давай смотри дорогу получше, попрямее, и гони! Гони, род-

ной, как только умеешь! Следы эти нам уже по бую. Только держись ближе к стене. Как приблизимся к зоне прямой видимости пиндосов, надо будет в тень спрятаться и догонять уже по тени. Смекаешь?

– А то! – воскликнул Майор, чуть резче, чем требовалось, крутнув руль, чтобы объехать очередной крупный валун. Де-сантник зло улыбнулся: – Нагоним áмеров, старшой, не бойсь! Только давай сразу фары верхние отключим, а нижние чутка вниз подвернём, чтобы они нас раньше времени не заметили...

Они на минуту остановились, проделали названные манипуляции с фарами, и Майор погнал машину, постепенно приближаясь к напользавшей от западной стены каньона чернильной полосе, в которой не разобрать было ничего.

***

С удалением от Южного хребта дно каньона стало заметно ровнее и чище, реже стали попадаться совсем уж большие камни, меньше стало бугров. Дно было в основном песчаным. Песок был плотен, утрамбован временем; слой его местами, по-видимому, доходил до метра или даже нескольких метров, а местами оказывался настолько тонким, что угадывались истинные очертания каменного рельефа под ним. Кое-где из песка торчали настоящие глыбы, вокруг которых ветр́а намели вытянутые пузыри мелкодисперсной рыжей

пыли. Твёрдо стоявший на четырёх больших колёсах с гипертрофированно огромными протекторами багги уверенно держал дорогу на скорости в пятнадцать-семнадцать километров в час. Местами Майор выжимал и двадцать, и даже двадцать пять. Двухколёсные, пусть и тоже полноприводные, байки американцев гнать на таких скоростях по сплошному песку, поверх которого местами лежал ещё и слой пыли, попросту не могли. Десять, максимум двенадцать километров в час – таков был их предел, за которым мотоциклы становились неуправляемыми. Потеря третьего байка и с ним одного из, надо полагать, трёх ядерных боеприпасов, похоже, научила этих ездоков осторожности: ехали они теперь относительно ровно; за всё время наблюдения за ними никто ни разу не упал; едва мотоциклы начинали «плыть», мотоциклисты сбрасывали газ и возвращали «железным коням» управляемость. Но разница в скорости и проходимости между машиной русских мертвецов и байками американских живых наркоманов-камикадзе делала их встречу – долгожданную и желанную для первых, и неожиданную для вторых – неизбежной.

В тень мертвецы спрятались через три часа, когда дистанция между ними и американцами сократилась до трёх с половиной километров. Перед тем сделали остановку, ровно на три минуты, за которые Сергей посадил дрон и они вдвоём с Андреем Ильичом быстро разобрали его и уложили по частям в футляр. В тени скорость пришлось снизить, но не до

скорости преследуемой кавалькады, – иначе они превратились бы в «почётный караул» и ехали бы за американцами следом, пока те не нашли бы наконец подходящую расщелину в сплошной отвесной стене каньона, по какой можно было бы выбраться наверх (таковых попыток американцы предприняли уже пять, и все пока были безуспешны). Ехали, всё же, довольно быстро, постепенно сокращая дистанцию.

Спустя ещё час, когда до мотоциклистов оставалось примерно четверть километра, Сергей с Андреем Ильичом оцетинились автоматами, направив стволы на заранее распределённые цели: Сергей – на ведущий мотоцикл, Андрей Ильич – на замыкающий. Чтобы освободить обе руки, мёртвый опер выдумал хитрость: слева и справа от себя к проушинам для крепления тента в верхней перекладине рамы багги, за которую он до того всю дорогу держался руками, изобретательный мертвец прищёлкнул карабины автоматного ремня, – спасибо Лёхе за оставленный товарищам лишний автомат! – отрегулировал длину так, чтобы ремень не болтался и вместе с тем не стеснял его сверх необходимого, упёрся левым боком в перекладину, встав на площадке за креслами вполоборота и удобно взял автомат двумя руками, превратившись в «живую турель» при машине. Майор целиком сосредоточился на дороге. Тьма слева была непроглядная, солнца над головой видно не было, – оно скрывалось за кромкой каньона, – вверху только чернота и звёзды; дорогу впереди метров на десять освещали наклонённые кни-

зу фары, в свете которых все помехи и препятствия возникали внезапно и стремительно неслись навстречу машине, – Майор реагировал на них с недоступной для живых людей скоростью, – справа до границы тени, за которой резко начинался обычный марсианский день, было около полусотни метров. Мотоциклы двигались вдоль этой границы, метрах в тридцати. Мотоциклисты были все одинаковые: одинаковой комплекции, в одинаковых серых скафандрах с оранжевыми, в цвет мотоциклов, вставками вдоль торсов, рукавов и штанин, и в полностью оранжевых шлемах. Автоматы, которые сами американцы обычно называют автоматическими или же штурмовыми винтовками, были у всех спереди (осматривая застреленного накануне днём орангутанга «Лумумбу», Майор обратил внимание товарищей на наличие у того на скафандре, аккуратно под нагрудным ранчиком с едой и препаратами, асимметрично пришитых ремешков с застёжками-фастексами, и предположил, что ремешки те нужны для удобной фиксации оружия в положении «на груди»; теперь товарищи смогли убедиться в правильности выводов многоопытного десантника, знающего толк в амуниции), на спинах – ранцы дыхательных аппаратов, по бокам – под сумки, по-видимому, с боекомплектом.

– Упакованные, черти... – отметил Майор экипировку незваных гостей, бросив на тех короткий недобрый взгляд.

– Если не заметят, ежай вперёд подальше, чтобы у нас было время приготовиться к огневому контакту, – приказал

Сергей. – Два ствола – хорошо, а три – лучше...

– Понял. А если заметят?

– Тогда по обстановке... Скажу «стой», останавливайся. На ходу всё равно только небо дырявить. Но тогда работаем только мы с Ильичом...

Не заметили.

Интересная штука эта марсианская атмосфера. Любая тень здесь – надёжнейшее укрытие, считай шапка-невидимка. Причём, можно даже не таиться, не замирать, можно даже двигаться, хоть пешком, хоть на машине ехать. Главное, не светить фонарями и фарами в лицо тому, от кого прячешься, и не освещать детали рельефа, которые он, этот ваш неприятель, смог бы рассмотреть, если бы на детали эти в этот момент светило солнце. Ну, и, конечно, не шумите сверх меры – то есть, не стреляйте из пушки ядрами, не взрывайте гранаты и бомбы, не заводите трактор. Электродвигатели же, которых в багги четыре – по одному на каждое колесо, слышать можно, разве что, с расстояния десяти-пятнадцати метров. Звук в жиденькой марсианской атмосфере распространяется на треть медленнее, чем на Земле, и совсем недалеко.

Все эти свойства марсианской атмосферы мертвецам были давно и хорошо известны. А мертвецы – народ внимательный: всё вокруг подмечают, каждую мелочь учитывают, и потому всякое дело делают со тщанием, основательно и качественно. Надо город на Марсе построить – построят такой,

что простоит до второго пришествия; надо незаметно обогнать заявившихся к ним на планету диверсантов и устроить им дальше на дороге засаду – сделают так, что хоть в книжках потом про то пиши, хоть кино увлекательное снимай.

Майор не спешил с обгоном. Багги уверенно пёр вперёд по песку и камням как носорог по саване, и в любой момент мог легко оторваться от более медленных и менее устойчивых мотоциклов. Вместо этого, мертвец стал забирать левее, дальше от кавалькады, пока не поймал низинку. Песок в каньоне лежит волнами, – местами собирается и в крутые барханы, но основная его масса имеет вид пологих волн, которые вытягиваются ветрами вдоль, а вовсе не поперёк этой гигантской трещины. Оказавшись в низинке между таких песчаных волн, Майор спросил:

– Пинкертон, тебе байкеров сверху видно?

Спросил потому, что сам он их перестал видеть. Теперь справа лежала пологая волна песка, которую глаз воспринимал как неопределённую чёрную массу.

– Вижу хорошо.

– Отлично. Будешь говорить – насколько мы их опережаем. – После этих слов, Майор придавил педаль газа, и машина стала набирать скорость.

Навстречу то и дело выскакивали валуны и острые обломки скал, но Майор их объезжал с изящностью лавирующей меж деревьев лесной птицы. Он смотрел только вперёд, не моргая. Мёртвые, сухие, словно сделанные из пластмассы

глаза его были неестественно подвижны и оттого казались принадлежавшими сумасшедшему. Сидевший рядом Сергей молча наблюдал за дорогой и не лез под руку; Андрей Ильич наблюдал и информировал товарищей короткими чёткими фразами.

***

Без малого час продолжалась эта гонка на опережение. Они оторвались от американцев на добрых два километра, и уже вполне могли останавливаться и готовить засаду, – благо все условия для того были, – но произошло то, чего никто не ожидал, и ничего с этим внимательные наши мертвецы поделать не могли. Укрывавшая их чернота внезапно оборвалась...

...Это в сплошном антраците полукилометровой стены каньона вдруг открылся неширокий – всего-то метров пятьдесят-шестьдесят – пролом, из которого наискось через всю теньевую полосу бил яркий солнечный свет – свет, о котором здесь, на Марсе, из-за отсутствия эффекта рассеяния, вы можете не догадываться до момента, пока не увидите освещённый этим на самом деле ярким-преярким светом кусок местности. А мертвецы его увидели – этот самый кусок местности, эту почти белую «дорогу» в полсотни метров шириной, перечёркивавшую их, мертвецов, чёрный путь – в последний момент, когда до полосы света оставалось всего два или три

метра. Багги с мертвецами попросту влетел в этот кусок белого дня из своей непроглядной низины, перемахнул на скорости через тянущуюся от пролома в каньон пологую бровку, из-за которой они «дорогу» эту и не увидели, и оказался как на ладони у кативших в двух верстах позади справа мотоциклистов. Разреженная атмосфера планеты вкупе со специфическим рельефом местности, игравшие до того на руку мертвецам, теперь сыграли с ними злую шутку.

Американцы этот светлый путь наверх наверняка уже заметили и собирались поискать на нём блудную девку Удачу, что любит дразниться, но отдаётся не всякому, а тут вдруг, откуда ни возьмись – неожиданный сюрприз...

Мертвецы – народ, в общем-то, спокойный, но от такого неожиданного поворота судьбы, какой мёртвый не опешит? Майор даже на секунду растерялся: немного сбросил скорость, багги зарыскал. «Куда ехать?!» – неуверенно как бы завопрошали в эту секунду его граблистые пропитанные консервирующей химией руки. Сергей в сердцах вслух помянул известную мать и, повернувшись к Майору, зарычал на него замогильным голосом:

– Хо-о-оду! Ходу-у!!! Прямо гони!!!

И Майор, молча скрипя зубами погнал машину вперёд. А Андрей Ильич сзади и сверху спокойно сообщил:

– Сворачивают в тень, ухари...

– Заметили, с-с-с-ка-на!.. – процедил тогда сквозь зубы Майор.

Секунд десять они находились на освещённой солнцем полосе, потом багги резко заскочил в тень и там исчез. Это было опрометчиво. Окажись в тени яма, или крупный валун, могли бы лишиться машины. Но повезло: ничего такого в тени не было. Просто влетели в темноту, Майор осмотрелся, немного проехал вперёд и остановил машину. Фары выключать не стал, – ещё не хватало машину в темноте потерять... – американцам свет всё равно невиден, в сторону от них светят.

Тишина. Только тихо-тихо потрескивают движки в колёсах.

– Ну, что, мужики! – буднично спокойно произнёс в темноте Сергей. – Это есть наш последний, и решительный... Противник о нас знает. Прорываться может в двух направлениях: прямо по Каньону, или налево в ущелье... Но там – лотерея: могут выскочить наверх, а могут и... короче, понятно. Назад не они поедут, передохнут с голоду, или от передоза, или кислород закончится... В общем, не вариант.

Нас трое, их – четверо. Мы мёртвые, они – живые. Одна хорошая дырка в скафандре – и всё, в минус... Но совсем уж за баранов их считать не надо. Абы кого Тётя Саманта сюда бы не отправила. Так что, считаем, что перед нами неубиваемые терминаторы, и ждём от противника любых фокусов...

Ставлю боевую задачу!

Ильич! – Он обернулся и посмотрел в темноту, где мёртвый опер возился с автоматным ремнём и ремнями на поясе,

которыми был пристёгнут. – Тебе как там, помощь требуется?

– Нет, – коротко ответил тот. – Говори, чего делать.

– Берёшь две «бомбёшки» и бежишь на угол тени. Только смотри, ноги не переломай! Осторожно бежишь. Если будут прорываться дальше по Каньону, сначала кидаешь гранаты, потом стреляешь, если не попадают, кидай вдогонку «бомбёшки»...

– А ядрён-батоны ихние от «бомбёшек» этих не того... не сработают?

– Не сработают. Это же тебе не мешок с порохом... А если и сработает какая, то мы про то узнать не успеем. Задача ясна, старый?

– Так точно, тащ подполковник!

– Выполняй!

– Есть!

– А ты, тёзка, – Сергей повернул лицо к водителю, – сейчас, вот только Ильич «бомбёшки» свои заберёт, едешь к ущелью... Фарами не свети, наугад потихоньку езжай! Там из тени берёшь и раскидываешь «бутерброды» по местам, где удобно будет проехать... Идея ясна?

– Ясен пень.

– Ну вот. «Бомбёшки» держи при себе. Если что, используй в ручном режиме по прямому назначению. Если надо какую по радиосигналу подорвать, скажешь мне – когда и какую... Только номер не перепутай! – Сергей коротко посме-

ялся. – Задача ясна?

– Задачу понял. Сам-то что делать собрался?

– А я здесь останусь, между вами двоими, на усилении. Где полезут, туда и побегу... Ильич! – окликнул Сергей мёртвого опера, уже возившегося возле багажника.

– Я.

– Выложи мою пару! Я подберу.

– Готово! – послышался в гарнитуре голос Андрея Ильича почти тотчас.

Через пятнадцать минут все мертвецы были на своих местах. Мёртвый опер засел в месте, которое Сергей обозначил как «угол тени», имея в виду ту самую тень от стены каньона за расщелиной, в которой они укрывались. Солнце светило точно посередине почти идеально прямой трещины, отходившей в сторону от каньона не перпендикулярно, а под небольшим углом, градусов в семьдесят пять на юго-запад, если брать по часовой стрелке; поскольку время шло к вечеру и солнце уже клонилось на закат, длина тени от полукилометровой западной стены каньона была километра полтора, то есть едва не доходила до середины дна каньона, поскольку ширина его в этом месте была всего около трёх с половиной километров. Андрею Ильичу потребовалось преодолеть метров семьсот до «своего» «угла», но на месте он оказался скорее, чем Майор доехал на багги до ущелья. Когда мёртвый десантник стал раскидывать «бутерброды» по неширокому устью ущелья, мёртвый опер уже был готов дать бой против-

нику, буде тот появится рядом, «бомбёшки» наготове лежали у его ног – одна слева, другая справа. Выглядели они как обычные бесформенные камни: серая универсальная лента, которой были смотаны вместе плоские округлые каменюки с четырьмя земными килограммами пластиковой взрывчатки, почти не выделялась среди других камней и песка; заметны были только удобные для метания этих самодельных боеприпасов округлые петли, которые Майор накрутил из той же ленты. Сергей оставался в том самом месте, где они пересекли злополучную полосу света; до Андрея Ильича бежать ему было метров на сто ближе, но он решил остаться в месте, которое успел немного осмотреть в свете машинных фар, всё равно бежать на усиление он решил по этой самой светлой полосе.

Время шло, а враги всё не показывались. Сергей не заметил в черноте за светлой полосой ни единого огонька, – американцы действовали тактически грамотно, и он это скоро оценил.

***

Прошёл час. Место, в котором сидел в засаде Андрей Ильич, давно перестало быть «углом». С каждой минутой солнце всё стремительнее опускалось к горизонту, который мертвецы в каньоне, конечно же, не видели. Зато они видели как угол тени, в котором час назад засел мёртвый опер, пере-

полз через каньон и стал взбираться вверх по его восточной стене. Вместе с тем, в ущелье, устье которого заминировал Майор, уже была видна тень, которая подползала к устью на глазах и очень скоро должна была выползти в каньон, скрыть вход в ущелье непроглядной чернотой. Всем было ясно, что американцы ждали ночи; пока путь через залитый тенью каньон перечёркивает широкая полоса света, они не пойдут на прорыв. Пятьдесят метров под солнцем – это много. На этой дистанции мертвецы их расстреляют как мишени в тире.

Сергей думал. Он ясно понимал: в темноте у врагов будут серьёзные шансы обойти их, не вступая в бой, уйти дальше по каньону и там отыскать другую расщелину. Только эта полоска света шириной в полсотни метров удерживала американских камикадзе с двумя атомными боеприпасами, полоска света, которая скоро исчезнет...

Сергей думал. Думали и остальные. Втроём обсуждали они сложившуюся ситуацию, которая для американцев очень скоро перестанет быть патовой. Два мёртвых майора и один мёртвый подполковник ждали в тени, ведя в радиоэфире то, что находившийся в это время в каких-то полутора сотнях километров к северо-западу мёртвый балагур Лёха давеча утром назвал «мозговым штурмом».

Когда черноте в ущелье оставалось проползти до каньона какой-то десяток метров, Сергей наконец придумал – что можно сделать.

– Тёзка, – сказал он в рацию, – ты один как быстро смо-

жешь собрать «птичку»?..

Мёртвый десантник понял его план тотчас же. Опытному вояке не нужно было ничего дальше объяснять.

– К тому времени, как ты подойдёшь и включишь «птичкин» пульт, всё будет готово, – был ответ.

– Сообразил уже?

– А то! Давай двигай сюда! У тебя лучше получается с этой штукой управляться. А я у тебя на подхвате повоюю... Всё, я на приёме. Пока не вызывай, у меня руки будут заняты. Футляр уже достал...

– Ты там чего задумал, командир? – прозвучал в радиии голос Андрея Ильича.

– Скоро увидишь, старый. Готовься встречать гостей!

Сергей защёлкнул рацию на разгрузке, поднял с земли свою пару «бомбёшек», и пошагал в сторону ущелья...

... Через десять минут на сторону американцев по выползшему из ущелья в каньон чёрному языку тени, не включая светильников, пролетел дрон. Полёт без света не был опасным для аппарата, потому, что удариться о стену каньона, как, впрочем, и о его дно, дрон попросту не мог. Лазерные дальномеры, с помощью которых дрон четыре дня назад ориентировался в ведущей в пещеру Шарапова каменной норе, прекрасно работали и без света, вот только управлять им Сергею приходилось наугад по дальномеру.

Когда счётчик удаления на мониторе пульта показал ровно сотню метров, Сергей щёлкнул двумя тумблерами и в чер-

ноте, лежащей за истаивающей на глазах широкой полосой дневного света, вспыхнул сказочный трёхметровый светлячок, испустивший вниз мощный луч. Сам луч в жидкой атмосфере видно, конечно же, не было, а вот круг света диаметром в добрые тридцать метров, внизу очень даже был виден. Сергей принялся работать кнопками и аналоговыми стиками на пульте, а дрон стал носиться кругами и восьмёрками вдоль полосы света и заполошно обшаривать темноту лучом фонаря-искателя.

Уже на втором пролёте дрон их нашёл!

Оба мотоцикла стояли рядом, метрах в двухстах от устья ущелья, до светлой полосы им было рукой подать – метров может десять, не более. Мотоциклисты были в сёдлах, а и их пассажиры стояли рядом и целились из винтовок в дрон. Похоже, они просто ждали, когда солнце опустится ниже и препятствие в виде быстро укорачивающейся полосы света наконец исчезнет. Ждать им оставалось недолго, – минуты три-четыре и всё, путь свободен. Но тут этот дрон... Они не сразу стали стрелять, – видать, замешкались, потому как дрон летел сильно в стороне от них, гоня округлое пятно белого света по пескам и камням внизу под собой и лишь изредка уводя невидимый луч куда-то в сторону, а потом пятно неожиданно метнулось прямо на них, вытянулось в эллипс и замерло. Судя по всему, между американцами в этот момент состоялся короткий радиообмен, во время которого старший отдал приказ, и только после этого двое стрелков открыли

беглый огонь по зависшему в чёрном звёздном небе в полторасотне метров от них светлячку.

Дрон продержался недолго, американцы почти сразу поразили яркую цель кучным огнём своих автоматических винтовок. Но мертвецы уже начали действовать...

...Едва дрон осветил место, где стояли американцы, туда сразу же полетела пара гранат от Сергея и Майора, – слабая гравитация и нечеловеческая силища превращает на Марсе мертвеца с гранатой в артиллерийскую установку! – а следом мёртвый десантник запустил и одну из своих «бомбёшек», которая упала на светлой полосе с перелётом метров в пятнадцать. Как и где взорвались гранаты – того мертвецы не видели (это же вам не кино, где при взрыве гранаты образуется красивый огненный шар), даже не слышали хлопков, – две-три метра, всё-таки, – а вот взрыв «бомбёшки» вышел знатный. Как только увесистое каменное изделие упало на землю и покатилось, Сергей тотчас нажал на подрывном пульте нужную кнопку, соответствующую начертанной на оном изделии жирным чёрным фломастером цифре. В мгновение превратившиеся в щебень плотные железистые камни разлетелись в стороны от сдетонировавшей пластиковой взрывчатки подобно салюту, образовав в месте подрыва наполовину срезанную чернотой тени полусферу.

– Старый! – позвал Сергей в рацию.

– Здесь.

– Сиди пока тихо! Дальше – по обстановке!

– Принял.

И тут мотоциклы выскочили из тени! Видать, близкий взрыв «бомбёшки» впечатлил американских байкеров. Поехали они в разные стороны: тот, что был ближе к ущелью, к нему и свернул, погнав почти прямо на Сергея с Майором, а второй свернул направо, в сторону, где в километре от него засел Андрей Ильич, о чём накручивавший ручку газа мотоциклист, конечно же, знать не мог.

Похоже, американцы решили сыграть с мертвецами в «двух зайцев» и уйти в тень одновременно.

– Не стреляем! – сказал Сергей Майору. – Пускай едут на мины!

– Да я и не думал, – буркнул из темноты мёртвый десантник. – Самому охота глянуть на плоды рук своих...

– Старый! – снова позвал в рацию Сергей.

– На связи. – Голос мёртвого опера был спокоен, будто ничего не происходило.

– Видишь, к тебе едет один?

– Вижу.

– Подпусти поближе и вали! Не спугни раньше времени!

Попробует уйти в тень – кидай гранаты.

– Разберёмся...

В этот момент мотоцикл с двумя американцами занырнул в выползающую из ущелья тень. Оба мертвеца ожидали, что мотоциклист включит фару, ведь впереди у того было ущелье с далеко не ровным дном, проехать в темноте там бы-

ло попросту нереально, но света не было. И тогда им стало понятно – как американцам удавалось перемещаться в абсолютной темноте без света:

– Инфракрасные фары, – произнёс Сергей.

– Они самые... – медленно ответил Майор, мысленно прикидывая местоположение движущегося в темноте мотоцикла. – Давай! – наконец рывкнул он в гарнитуру, года воображаемый мотоцикл оказался на воображаемом минном поле. – Жми единицу!

И Сергей нажал...

Он помнил, что цифра «1» – это шестнадцать каменных «бутербродов» с килограммом «пластилина» земным весом вместо «масла» в каждом, которые Майор час назад раскидал из темноты по освещённому тогда ещё солнцем устью ущелья. Дорога там была неширокая. Если ширина самой расщелины в стене каньона и составляла около полуста метров, то дно её было не прямым, а полуовальным, проехать там можно было по извилистой полосе шириной метров от силы пятнадцать. Эту самую «проезжую» полосу мёртвый десантник и превратил в минное поле.

...Рвануло в ущелье, как говорили деды, будь здоров! Но достигли ли они при этом успеха – того мертвецы точно знать не могли. Короткие вспышки рвущихся самодельных мин на доли секунды высветили силуэт мотоцикла, и только. В ущелье ничего не горело и не сверкало. Даже пыли не было, – она здесь оседает очень быстро. Чернота абсолютная. Живы

ли американцы, нет ли – совершенно непонятно.

А тем временем на фланге у мёртвого опера что-то изменилось.

Сергей посмотрел налево, где по убывающей на глазах светлой полосе, будто уходя от преследовавшей его черноты, всё ещё ехал второй мотоцикл. Мотоциклист нагнулся вперёд, почти лёг на руль, а пассажир за ним привстал, полусогнувшись, как борец на ковре перед схваткой, в руках его была винтовка и он стрелял. Стрелял вперёд, где в полукилометре навстречу мотоциклу шёл в полный рост Андрей Ильич, широкий, могучий, мёртвый. Он делал несколько шагов вперёд, останавливался и стрелял, снова делал несколько шагов, снова останавливался и снова стрелял, короткими очередями по два-три патрона.

– Да что он делает, старый дурень! – зло проговорил Сергей. – Тёзка! Вот тебе подрывная машинка, – он протянул в темноту руку с пультом, рука сразу же встретилась с рукой товарища, – «бомбёшку» одну оставляю тебе. Закончи с этими чертями и гони на машине к нам!

Отдав пульт, он подхватил вторую «бомбёшку», достал из кармана фонарик и, подсвечивая им себе дорогу, длинными прыжками побежал за вторым мотоциклом. Позади в ущелье ухнуло, – это Майор продолжил дело гарантированного истребления американских камикадзе...

...Когда мотоцикл, что свернул направо – в его сторону – и погнался по светлой полосе, стал забирать по пологой диа-

гонали влево, Андрей Ильич понял, что ехать километр до места, где он сидит с бомбами и гранатами и ждёт в засаде, мотоциклист не собирается, и что, как только свернувший к ущелью второй мотоцикл нырнёт в тень, этот последует его примеру.

Что второму через минуту придёт конец – о том Андрей Ильич точно знал и ни секунды в том не сомневался. Но вот позволить этому ухарю пересечь светлую полосу, и нырнуть в темень – этого допустить было никак нельзя.

Мертвец сразу сообразил – как не дать янкесу свернуть влево: нужно было принудить того двигаться всё время прямо, на него, прикрываться широким обтекателем мотоцикла, который – при такой-то начинке! – просто обязан быть бронированным и защищать не только упрятанную внутрь бомбу, но и наездника. Объяснять Сергею по рации этот свой простой как лопата план мёртвый опер не стал, – чай не дурак, сам догадается; поэтому и ответил ему коротко: «Разберёмся».

Оставив так и не пригодившиеся «бомбёшки» лежать, где лежали, мёртвый опер взял поудобнее автомат и шагнул из тени. Едва вышел, тут же прицелился, выстрелил, прошёл немного вперёд и влево, – чтобы выпрямить намеченную мотоциклистом диагональ, заставить того двигаться прямо вдоль полосы света, – снова прицелился, выстрелил...

...Он бежал и видел, что не успевает выйти на дистанцию уверенного поражения противника огнём из автомата. Вот-

вот, ещё каких-то полминуты, и американцев накроет темнота, а мёртвый опер останется один на виду, и не похоже было, чтобы Ильич собирался прятаться в темень. Он явно провоцировал американцев, связывал боем, не давал свернуть влево и подставить ему бок, а вправо им не надо. Что творилось позади, того американцы не могли не заметить, – а значит понимали, что и сзади может прилететь, и что надо гнать, гнать вперёд, и стрелять, пытаясь свалить мертвеца, и они гнали... Гнали прямо на Ильича, который стрелял в них и стрелял, стрелял и стрелял, а привставший позади мотоциклиста стрелок стрелял в него. И наверняка попадал.

Старый хитрец делал это специально – ждал, когда товарищи ударят американцам в спину. А товарищи не могли. Майор только что закинул в ущелье вторую, последнюю «бомбёшку», – Сергей слышал, как позади второй раз гулко ухнуло, – сейчас пойдёт на зачистку... А сам он не успевал... Не успевал, мать-перемать! Ему бежать ещё как бы ни километр – минуты две бежать...

...А тем временем расстояние между американцами и мёртвым опером сокращалось. Мертвец поначалу точно садил в мотоцикл пулю за пулей, пытаясь достать мотоциклиста, но только высекал искры из обтекателя, да безуспешно бил в прозрачный лобовой щиток, который – вот же неудивительно! – оказался тоже пуленепробиваемым. Американский гад надёжно укрылся в своём водительском гнезде, лёг грудью на ядерную бомбу и выглядывал вперёд сквозь щи-

ток, накручивая газ. Когда дистанция стала меньше полутора метров, Андрей Ильич сосредоточил огонь исключительно на стрелке, который стал попадать в него всё чаще, – издырявил ему уже весь комбинезон, подлец. Мёртвый опер бил точно. Не раз уже он поразил поганца, но тот, казалось, вообще не реагировал на попадания, будто тоже был мертвецом...

...Пробежав ещё метров триста, Сергей остановился. Времени больше нет! До мотоцикла оставалось метров двести пятьдесят – вполне достаточное расстояние для броска. Полоса тени вот-вот должна была догнать и укрыть проклятых американцев, и Ильичу будет невидно – куда стрелять.

А тем временем мотоциклист не сворачивает. Ведь может просто сбросить газ и дать тени скорее себя догнать. Да почему же он не сворачивает! Зачем продолжает ехать вперёд, на старого мёртвого опера! Боится, что и в темноте не сумеет уйти влево, что мертвец перестанет стрелять прицельно короткими и примется поливать длинными во весь магазин очередями?

Он нащупал в «бомбёшке» торчавший из пластита цилиндр взрывателя и крутанул его по часовой стрелке, отсчитывая восемь щелчков. Восемь секунд – столько времени оставалось теперь до взрыва. Прикинул траекторию на глаз, размахнулся и изо всех своих мертвецких сил зашвырнул в черноту туго перемотанный серой лентой ком из четырёх брикетов взрывчатки и четырёх тяжёлых железистых

камней...

Видела бы этот бросок Надежда – точно бы не одобрила. Так ведь и без руки можно остаться!

...Попал он, или нет, того Сергей не понял. За долгие семь секунд, что боеприпас был в полёте, темнота наконец нагнала и накрыла мотоцикл. Он видел только короткую тусклую вспышку метрах в десяти от стремительно убегавшей границы яркого дневного света. И ещё он увидел, как за секунду до взрыва шагавший навстречу американцам Ильич вдруг опустил автомат и упал ничком на песок.

***

– А кто такая Анжела Дэвис? – поинтересовался Вован, выслушав подробный рассказ Лёхи о посещении американского корабля. Рассказ был для Надежды. Кандидат медицинских наук Надежда Михайловна Скворцова очень заинтересовалась упрятанной в анабиозную камеру «афроамериканкой».

Они втроём – Надежда, Лёха и Вован – сидели по-турецки, прямо на песке, в тени меж невысоких барханов в двух километрах от строившегося города. Рядом стояли два мотоцикла и готовый к полёту дрон. Второй дрон в это время висел над городом и наблюдал очередной «стремительный домкрат» – сиречь закат, по меткому выражению Лёхи: окружённое голубым маревом белое солнце на экране пульта

управления дроном ныряло за горизонт так лихо, что было бы сложно подобрать этому зрелищу более точную и выразительную метафору.

– Анжела Дэвис, – сказал Лёха, – это такая кучерявая как одуванчик американская негритоска, ярая феминистка и лесбиянка. В своё время, баба эта была в большом авторитете у всяких леваков и элгэбэтэшных дегенератов. Померла в начале века³².

– Тьфу ты мерзость какая... – покривился муж, отец и посмертно дед Вован. – А чего у той, что на корабле, волосы тоже как одуванчик?

---

³² То, что имя этой особы не Анжела, а Андже́ла, с ударением на «а» и через «дэ», от том Лёха, как и другие мертвецы, возможно, просто не знает. А может быть, ему просто пофиг на такие мелочи. Много чести. Вряд ли Лёха в курсе, но авторитет Андже́ла в своё время действительно имела немалый, и не только в среде упомянутых дегенератов. После того, как в октябре 1970 года Андже́ла была арестована как соучастница в захвате заложников и убийстве, что учинили негры-уголовники из партии «Чёрных пантер» (это, если кто не знает, были в США такие негры-расисты, задолго до БЛМ), в СССР стал популярным лозунг «Свободу Андже́ле Дэвис!». Давление на суд было мощнейшим, несмотря на то, что посадили «несчастную» борзунью за права типа «угнетённых» негров, а на деле участницу банды «Чёрных пантер», вполне заслуженно. По закону штата Калифорния, хозяин оружия, из которого совершено убийство, считался соучастником преступления, даже если стрелял не он, а Андже́ла то оружие – пистолет – купила и передала одному из террористов. В итоге, отсидев в тюрьме 18 месяцев, ставшая «звездой» и приобретшая немалый вес в мировом коммунистическом движении Андже́ла таки вышла на свободу. Впоследствии лично встречалась с Брежневым, Хонекером и Кастро, награждалась советскими орденами, медалями и даже Международной Ленинской премией, а после уничтожения СССР открестилась от коммунистов, объявила публично о том, что является лесбиянкой и стала бороться за права всяких выроdkов, о чём и припомнил наш Лёха.

– Не! – Лёха усмехнулся и сощурил глаза. – Такая же страшная.

О «Шарапове» к тому времени Лёха Надежде уже рассказал, премного её тем удивив. Надежда было затребовала карту памяти дрона с материалами из пещеры, но Лёха осадил её научное рвение, сказав, что все карты остались у Сергея, кроме одной – той, что лежала теперь в кармане её комбеза. Да и ту, к слову, Надежда просмотреть пока не могла, так как вся аппаратура из её и Сергея палаток уехала на одном из вездеходов далеко в пустыню.

Ещё Лёха рассказал об их приключениях в месте, названном Сергеем «Афедроном», но эта история мёртвую женщину мало впечатлила, – только повеселило название самого места. Лёха справился у неё насчёт непонятого слова, и когда та ему объяснила, высоко оценил юмор начальника.

Стемнело.

– Что будем делать с дроном, командир ополчения? – спросила Надежда, посмотрев на Лёху с привычной иронией. В свете звёзд и слабо подсвеченных кнопок пульта лицо мёртвой женщины едва угадывались в густой темноте.

– А что не так, дорогая?

– Так не видно ведь ничего.

– Можно прожектор включить и водить им по сторонам...

– И много ты так увидишь?

– Не надо прожектор включать, Надежда, – сказал Вован. Лёха с Надеждой повернулись к мёртвому боксёру.

– А ну-ка поясни, товарищ «Валуев», почему это не надо включать прожектор?

– А самому подумать, трубадур ты наш доморощенный? – гоготнул в ответ Вован.

– Всё правильно Володя говорит, – сказала тогда Надежда. – С фонарём этим всё равно ничего толком не увидишь, а вот сам фонарь будет виден издалека. Как маяк для этих... Понял?

– Понял... – Лёха зачем-то почесал за шеей.

– Так, что, возвращать дрон?

– Нет, – мертвец покачал головой, – пусть висит. Только разверни его камерой на восток, и повыше подними, на предельную высоту.

– Да зачем же?!

– Затем, Надежда, – снова заговорил Вован, – что, если со стороны Каньона кто-то будет ехать по ночи, ехать он будет, вероятно, с включёнными фарами... Всё как с твоим «маяком», только наоборот: мы их «маяк» увидим.

– Совершенно верно! – подтвердил Лёха слова товарища. – Ты ведь спать этой ночью не собираешься, а, Надежда Михайловна?

– Обормот ты, Лёшка, – улыбнувшись, ответила ему мёртвая женщина.

***

Сергей не нашёл мотоцикла на месте взрыва «бомбёшки». Только изломанного каменной шрапнелью бессмысленно подёргивающегося недалеко от воронки стрелка, который, по-видимому, закрыл собой последнего выжившего мотоциклиста, приняв в спину добрый килограмм измельчённой скальной породы. Ранец его дыхательного аппарата был разорван в клочья, – его попросту сдуло с широкой спины, – а сама спина была вся красная. Он видел следы круто свернувшего влево мотоцикла. Даже не стал всматриваться в черноту каньона, в надежде заметить там случайно мазнувшее по вставшему на пути у мотоциклиста камню пятнышко света. Зачем? Ему теперь было понятно назначение необычно большого экрана на приборной панели брошенного мотоцикла... Инфракрасная фара плюс видеокамера, изображение с которой выводится на экран. Так эти твари обдолбаные перемещались в кромешной темноте.

Старый мёртвый опер Андрей Ильич Черкасов был мёртв по-настоящему. Мертвее мёртвого. Когда Сергей добежал до него, лежащего в темноте на холодном песке, тот был бездвижен.

Он склонился с фонарём над телом товарища, осмотрел голову и шею, ощупал позвоночник, после чего осторожно перевернул тело на спину. Глаза Андрея Ильича за жёлты-

ми защитными очками были широко открыты, слегка мутные карие глаза смотрели прямо. Грудь мертвеца была сильно побита пулями. Сергей приблизил лицо к груди и потянул ноздрями жидкий воздух. Пахло горелой проводкой. Пошевелил безвольные руки, проверил ноги. Признаков повреждения скелета он не заметил, только множественные пулевые ранения в туловище и несколько в плечи и бёдра.

Андрей Ильич уже остывал, – это термогель, которым у мертвецов заполнены артерии, вены и капилляры, перестал нагревать пропитанную консервантами мёртвую плоть. Значит, повреждена система питания, – отсюда и запах горелой проводки... Скоро конечности Ильича перестанут сгибаться, и тогда он станет неудоботранспортабельным, деревяшкой станет несгибаемой...

Сергей снял с разгрузки товарища чудом уцелевшую рацию, выжал тангенту, отпустил. Работает.

– Тёзка, – позвал он Майора.

– На приёме.

– Что у тебя?

– Два двухсотых. Раскидало их тут хорошо... Лежат, дрыгаются. Одну ногу найти не могу...

– Не ищи, не надо. Давай скорее сюда.

– Что у вас?

– Ильич у нас. Двухсотый. Ну, может ещё двести пятьдесят... Надежда посмотрит, скажет.

– Еду.

Через минуту в темноте возле ущелья вспыхнули фары машины...

...Андрея Ильича они с Майором уложили в багажник – куда старый опер так не хотел. Уложили очень аккуратно и засыпали песком, чтобы не болтался в дороге. Чего ему будет, мёртвому?.. А так целее будет. Может быть, Надежда действительно сможет что-то сделать...

Осмотр достигнутых результатов много времени не занял.

Двое, что пытались прорваться через ущелье, оказались, – вот же неудивительно-то, а! – неграми. Мужского и женского пола. Причём, баба, несмотря на комплекцию подающей надежды пауэрлифтерши, оказалась сильно симпатичнее «Анжелки», – она была за рулём мотоцикла, и, благодаря защите пуленепробиваемого обтекателя, ей оторвало только одну руку, правую. А вот негра-бодибилдера, что сидел позади чёрной красавицы, разобрало буквально на запчасти. Кстати, упомянутую Майором ногу всё же нашли, – лежала за камнем в двадцати метрах от мотоцикла. Все останки шевелились, но слабо, потому как уже начали замерзать. Ядерный боеприпас был на своём месте внутри корпуса мотоцикла, совершенно целый и невредимый, как, впрочем, и мотоцикл, который только слегка поцарапало камнями.

А вот третий, что стрелял в Майора, при внимательном осмотре оказался белым... или белой?.. В общем, существом непонятного пола. Тут мнения товарищей разделились:

– Это гомик, – уверенно сказал Сергей, осветив существо

фонарём, – просто он женских гормонов обожрался и сиськи искусственные себе вставил... Так называемый «трансгендер».

– Да баба это, – возразил ему Майор. – Баба, просто страшная, как атомная война. Англичанка, или немка, или финка, прости господи...

– А чего не американка? – усмехнулся Сергей.

– Так понятно, Серый, что все они – американцы... Не народ, а сборище – потомки понаехавших без роду, без племени. Кроме индейцев, само собой. Поди разберись, откуда предки этой «красавицы» в «цитадель свободы и демократии» приплыли!.. Но крокодил ви-идный... – Мёртвый десантник покачал головой.

Выяснять истинную половую принадлежность побитого каменной шрапнелью дегенерата мертвецы не стали. Если мотоцикл с боеприпасом Сергей перед тем тщательно отснял на видео в нескольких ракурсах и сделал множество фотографий, на которые попали и валявшиеся рядом негры, то это «трансгендерное» недоразумение (а то было именно оно самое, Сергей угадал точно) он только щёлкнул пару раз и убрал камеру в футляр, – для отчётности достаточно.

Сбитый американцами дрон искать в темноте не стали, – куда он денется? Главное, что все отснятые до этого дроном материалы писались не только на карту памяти, что имелась в самом беспилотнике, но и дублировались в память пульта управления, который был цел, невредим и никуда не терялся.

В качестве трофеев взяли только три штурмовые винтовки и магазины с патронами. Ничего более. Всё остальное пускай лежит. Нужно было догонять последнего мерзавца.

***

Часы на приборной панели показывали двадцать минут третьего. Майор гнал машину так быстро, как только было возможно. Один раз они уже перевернулись, и ничего, отстегнулись, вылезли, поставили багги обратно на колёса и поехали дальше... Хорошо, что Андрея Ильича в багажнике песком засыпали... Они подключили обратно верхние фары, а нижние выпрямили, как и положено. Свет от машины бил теперь далеко, и можно было гнать, никого и ничего не опасаясь. Это их Марс, они тут хозяева!..

Они сразу повернули обратно, после той узкой расщелины, куда свернул мотоциклист... Да, конечно, могло выйти и так, что, проехав ещё немного дальше на север, мертвецы нашли бы подходящий для проезда подъём. Но ведь могло и не выйти... А оставшееся позади ущелье, которым порывалась уйти парочка негров, на вид было довольно широким, – вряд ли оно окажется непроходимым... Не дай Бог... Может быть, где-то им придётся использовать лебёдку, но, всё же, как они полагали, то был верный шанс.

Мертвецы двинулись в погоню через полчаса. (Ну не могли они бросить Андрея Ильича, и погрузить тело кое-как,

как вещь кукую-то, тоже не могли! Да и осмотреть место боя тоже было нужно.) Ехали час с четвертью по следу вдоль западной стены каньона, пока след не свернул влево, в совсем узкую щель, где багги не мог протиснуться попросту никак. Щель эта через сотню метров раздавалась в стороны и становилась довольно широким ущельем, по какому не то, что на багги, на вездеходе впору ездить.

Они потратили полчаса времени на подъём, и вышли на самый верх по следам американца. Было видно, что американец спешил и взбирался наверх пешком, ведя полноприводный мотоцикл в поводу. Для живого человека подъём был очень крутой, даже несмотря на малую гравитацию планеты. Но, видать, допинг и наркоты помогли американцу справиться с задачей. Взобрался и уехал точно на северо-запад, к Москве... «Видать по звёздам ориентируется, урод...» – сказал тогда Сергей, зло глядя на широкий след от колёс, он даже попытался сплюнуть, забыв, что ему давно нечем.

Спустившись, товарищи решили не полагаться на удачу и не поехали дальше на север. Ведь, если поторопиться, всего в каком-то часе езды обратно на юг оставалось широкое прямое ущелье, стены которого – это безоговорочно подтверждала ширина задержавшей американцев полосы дневного света – ни в каком месте не сходились ближе, чем на полсотни метров.

...Когда следы, оставленные ими же, по которым они и

возвращались, стали заворачивать влево, к месту, где валялся дохлый трансвестит, Майор свернул направо, тотчас высветив фарами устье ущелья. Объехали пару воронок от взрывов «бомбёшек» и мотоцикл с ядерной начинкой; негры были на месте и уже не шевелились, – должно быть, основательно промёрзли. А дальше начиналась дорога никем и никогда неезженная. В начале извилистое и вогнутое к центру как желоб в аквапарке дно ущелья вскоре выровнялось и превратилось в прямой и пологий гравийный склон посреди широкорасставленных полукилометровой высоты стен. Склон этот местами шёл волной, но всё время поднимался и поднимался вверх, на протяжении двенадцати километров, направляя машину точно на запад-юго-запад – туда, где в эти дни садилось солнце. Каменные стены становились всё ниже, а гравий под колёсами всё чаще пропадал, и его заменял серо-бурый крупный песок, на котором машину заметно вело.

– Ну наконец! – выдохнул Сергей, когда багги выскочил на равнину, что лежала вдоль каньона.

– Не говори!.. – Майор внимательно посмотрел на звёздное небо и немного резко вывернул руль, круто заворачивая вправо, к северо-западу. Багги занесло, но Майор легко справился с управлением и выровнял ход, сохраняя выбранное направление. – Дорога вроде ровная, можно и тридцатник выжать.

– Жми, Серёжа, жми, родной! Мы должны успеть, – сказал Сергей, переводя взгляд с часов на приборной панели впе-

рёд, на освещённую ярким жёлтым светом песчаную дорогу.

На часах было: «3:10»

До Москвы – вёрст сотни полторы, а то и все две. Даже если всё время гнать на полную и не сбиваться с пути, ехать, в лучшем случае, часов пять... Оба товарища понимали, что они *уже опоздали*. Если только проклятый американец не содохнет по дороге от избытка препаратов... Но в такое чудо мертвецы не верили.

– Как думаешь, товарищ гвардии майор, – Сергей посмотрел на едва различимое в свете звёзд лицо мёртвого десантника, – наши справятся?

Майор ответил не сразу. Молчал с минуту.

– Даже не знаю, товарищ подполковник... Честно, не знаю...

Натужно гудя моторами, багги нёсся по ночной марсианской пустыне в направлении Ржавых холмов за которыми, врытый, врезанный, впечатанный в сплошную каменную плиту лежал город – первый на этой мёртвой планете человеческий, русский город, который строили мёртвые, но живые русские люди.

***

– А не хотите ли ещё анекдот, дамы и господа? – предложил после некоторого молчания Лёха собравшимся вокруг пульта управления дроном мертвецам.

Была четверть шестого утра. Рядом с сидевшими по-турецки кружком мертвецами стояли уже не два, а три мотоцикла. На третьем приехали отец Никифор с Кацем. Тахир с Палычем в это время были в патруле – неспешно нарезали круги по МКАДу, повернув фару мотоцикла вниз, как это недавно делали их товарищи на багги в каньоне.

Лёха, как обычно, всю ночь развлекал мертвецов анекдотами и баснями. Чего ещё делать мертвецу ночью, если функция сна в его оживлённом электричеством организме технически не предусмотрена?

– А не пошлый ли то будет анекдот, сударь? – шутливо поинтересовалась Надежда.

– Непременно пошлый, сударыня, – ответил с галантностью Лёха.

– Тогда давайте!

Кац с отцом Никифором весело переглянулись, а Лёха, не меня принятой галантной личины, стал рассказывать:

– Как-то вечером, когда поручик Ржевский пребывал в спальне у Наташи Ростовой, где-то за шкафом послышалась подозрительная возня и скрип. «Что это там?» – спрашивает Ржевский Наташу. «Ах, моншер, – отвечает та, – то видно мышь в углу скребёт». «Хм, – говорит Ржевский, – вот так мышь!» – Поручик некоторое время лежит задумчиво, рассматривает узоры на балдахине, возня и скрип тем временем не стихают, и тогда он поворачивается к лежащей рядом Наташе и снова спрашивает: «А кто такой этот Вуглускр?»

Мёртвая женщина улыбнулась:

– Вуглускр, говоришь... Ну, что же, старый герой в новой постановке – зачёт. Молодец, Лёшка! – Она на минуту замолчала, взглядываясь в экран пульта управления дроном, а потом стала вдруг серьёзной и произнесла: – Ребята, я вижу свет...

Мертвецы стали сдвигаться ближе к Надежде, и круг их быстро стал полукругом.

Действительно, в верхнем углу экрана то загоралась, то гасла белая точка. Мёртвая женщина протянула руку, тронула аналоговый стик на пульте, камера развернулась на юго-восток так, чтобы точка появлялась в центре экрана. Затем она приблизила изображение, насколько то было возможным и, подсчитав в уме показатели высоты и параметры камеры, сказала:

– Двадцать четыре километра, примерно. Двигается к нам. Скорость – около пятнадцати.

– Это не наши, – произнёс Лёха. – У наших фары жёлтые.

– А где же тогда наши? – спросил будто сам себя Кац. Лёха ему ответил:

– Надеюсь, что просто опаздывают... Во всяком случае, радует уже то, что мы видим только один транспорт, а не три... Мбцыков от корабля уехало три.

– Может, два просто приотстали? – предположил Вован.

– Может и так. Или заходят с разных сторон... Надя, – Лёха впервые так её назвал, «Надей», – смотри и по сторонам

тоже! Не появятся ли ещё где белые фары...

...Других фар, конечно же, не появилось. Ведь два других мотоцикла лежали сейчас на дне каньона вместе с большинством ехавших на них американских диверсантов. Но находившиеся в лагере, вернее, теперь недалеко от него мертвецы о том не знали, и потому проявляли разумную бдительность. Надежда регулярно окидывала взором дронной оптики весь горизонт, и видела только один этот мотоцикл, вернее, источник света, что двигался среди Ржавых холмов в сторону строящегося города целенаправленно, время от времени поднимаясь на вершины и там ненадолго останавливаясь.

Около часа они наблюдали за приближавшимся к городу белым огоньком. Когда расстояние между дроном и объектом наблюдения сократилось до десяти километров, в том, что то был именно мотоцикл, сомнений ни у кого не осталось. Хоть сам мотоцикл по-прежнему и не было видно, зато яркую белую фару его и бегущее впереди длинное пятно освещаемой фарой земли камера видела очень даже хорошо. Иногда объект этот исчезал в темноте, скрываясь за очередным холмом, потом где-нибудь в стороне появлялось пятно света на земле, а потом объект появлялся снова, и так до следующего раза... Когда же до города ему оставалось ехать меньше пяти километров, наблюдаемый объект исчез, – мотоциклист выключил фару.

– Неужели собирается ждать дня в Ржавых холмах? – с сомнением произнёс Кац.

– Это вряд ли... – сказал Вован. – Скорее всего, перешёл на прибор ночного видения или что-нибудь типа того, чтобы мы его не заметили...

– Я думаю, Владимир прав, – поддержал Вована отец Никифор. – Ждать рассвета гости незваные не станут, а наоборот, постараются пробраться к нам по темноте... До рассвета сорок минут – пять километров проехать всяко успеют... Да, – подумав немного, мёртвый монах утвердительно качнул головой в накинutom сверху капюшоне, – успеют, если им в приборах ихних дорогу хорошо видно. Газку накрутят и аккурат до восхода будут у нас...

– Короче, – Сказал Лёха, и лица всех собравшихся мертвецов повернулись к нему, – пока мы тут базлаем, пиндосня на своём мощыке едет к нашему лагерю, где склады и электростанция, и к нашему городу, который мы тут семнадцать лет строим... Где там наши чекисты с ментами-десантниками – того мы не знаем... Надеюсь, живы-здоровы. Но пиндосню за нас Пушкин не загасит. Харэ сидеть и мять яйца, господи-товарищи... Миль пардон, мадам... – Он картинно поклонился Надежде. – Подъём и погнали! – С этими словами Лёха встал, взял автомат, до того лежавший у него на скрещённых ногах, и пошёл к мотоциклу. – Вован! – Лёха обернулся, и посмотрел в темноте на тоже поднявшегося на ноги мёртвого боксёра. – Задачу помнишь?

– За Надежду отвечаю головой, – серьёзно сказал Вован.

– Именно! А мы поедем. По коням, отцы-мертвецы!

***

Тарас не спал без малого сутки. Препараты, что ежечасно впрыскивал ему в вены искусственный интеллект скафандра, уже мало помогали. Сон очень важен для дышащих синтезированной смесью и питающихся концентратами. Иначе сердце может попросту остановиться, как это произошло с Бараком, после того как он, Тарас, приказал группе продолжить движение ночью, в ущерб положенному для отдыха времени. Они тогда два дня пробирались по образованному множеством каменных пропастей лабиринту. После смерти Барака, он стал в точности следовать предписанному инструкциями распорядку: его группа останавливалась в положенные часы днём, чтобы отдохнуть от утомительной езды, а по ночам они спали, забываясь яркими снами, которые им обеспечивали имевшиеся в скафандрах особые препараты. Без этих особых препаратов вряд ли бы они смогли выживать в этой депрессивной среде. А так, происходящее выделось им реалистичным приключением вроде реалити-шоу или компьютерной ролевой игры.

Накануне вечером, когда русские зомби неожиданно напали на них в каньоне, группа собиралась встать на привал. К тому времени они ехали по каньону уже два дня, давно миновав горную гряду, из-за которой и спустились в каньон на третий день пути. Весь последний день они не оставляли

попыток выбраться наверх по ставшим как назло редкими по эту сторону гор ущельям. У них ничего не получалось: все расщелины оканчивались тупиками, или сужались настолько, что проехать по ним становилось невозможно. Эти попытки отнимали время и изматывали группу физически, хотя и были увлекательны, поскольку представлялись элементами захватывающего приключения.

Если бы не русские зомби, если бы не эти «klyati moskali», как до самой смерти называл русских один из отцов Тараса, бежавший из Украины в Евросоюз во время «Putin's invasion»... группа встала бы на ночлег, и все они хорошенько бы отдохнули. А с утра, полные сил, они бы двинулись в путь и уже следующей ночью три «Толстяка»³³ были бы в этом их русском «Зомбилэнде»...

---

³³ «Толстяк» (англ. Fat Man) – название сброшенной стратегическим бомбардировщиком ВВС США Боинг Б-29 «Суперфортресс» с именем «Бокскар» (Автомобиль Бока; Бок – пилот и командир экипажа самолёта капитан Фредерик Бок) 9 августа 1945 года на японский город Нагасаки. Мощность «Мальша» – 21 килотонна в тротиловом эквиваленте. А ещё так называется портативная пусковая установка, стреляющая тактическими ядерными боеприпасами в серии компьютерных игр «Fallout». Игравшие наверняка заметили внешнее сходство боеприпасов из игры с тем самым «Толстяком», что сбросил американский бомбардировщик. Судя по уровню умственного развития героя повести, который отправился на Марс, чтобы лично доставить к строящемуся русскому городу ядерный боеприпас, и называет этот боеприпас «Толстяком», вряд ли он знает про «Автомобиль Бока» и о том, что, когда и куда тот скинул. Может быть, он играл в игру и узнал это забавное название из неё. Но, на мой взгляд, вероятнее, что слово это он услышал на Земле от тех, кто точно знал и про «Энолу Гэй», и про «Мальша», и про «Бокскар» с «Толстяком».

«Хотя, нет, не три, а два... Ведь Флойд, обезьяна такая, угробил один байк... Нет, нельзя, нельзя так говорить про афроамериканцев, даже думать так про них нельзя! Но ведь, с-сука, с-сука, обезьяна же! Обезьяна тупая, угробил байк!» – Так повторял внутри своего скафандра Тарас, едучи один по ночной пустыне.

...В общем, не три, а два «Толстяка» были бы в «Зомбилэнде»... и разнесли бы там всё к чёртовой матери... Если бы не проклятые русские зомби... А теперь он остался один, без Джесси, без его любимого небинарного квир-партнёра... Малыш Джесси закрыл его своим телом, спас ему жизнь, чтобы он, Тарас Волынский, американец украинского происхождения, доставил последнего «Толстяка» в логово «svinosobak», как называл русских другой его отец, поляк по крови, но всегда считавший себя украинцем. И он поклялся держаться до последнего; приказал искину скафандра перейти в режим «light», заменить наркотики и стимуляторы на лекарственные препараты и витамины, и теперь его одолевала сонливость и слабость в мышцах.

Тарас ехал всю ночь. Ему повезло вырваться из лап русских зомби ценой жизни малыша Джесси. Повезло найти узкую щель в стене каньона, и оторваться от мертвяков. Во время подготовки в форте Беннинг их учили ориентированию по звёздам. Причём, по звёздам в марсианском, а не земном небе. Зачем им земное небо... Тарас легко сориентировался, выбрал верное направление и погнал свой байк через пусты-

ню. Переключившись с инфракрасного фонаря на обычный мощный прожектор, – кто его в пустыне увидит, когда до горизонта всего три с половиной километра? – он смог развить приличную скорость в двадцать пять километров в час; благодаря двум ведущим колёсам, байк был послушен и держал дорогу на этой сумасшедшей по местным меркам скорости. Когда пустыня закончилась и начались покатые твёрдые, а не песчаные сопки, он стал периодически взбираться на них, чтобы на высоте использовать встроенный в обтекатель байка особый «радар»... или как там он называется... настроенный на поиск русской атомной электростанции. Так, с помощью этого устройства, он и нашёл «Зомбилэнд»...

...Взобравшись последний раз на очередной холм, Тарас увидел на экране «радара» яркое жёлтое пятно, до которого оставалось меньше пяти километров. Ехать дальше с включённой фарой было опасно, и он выключил её, перейдя на инфракрасный фонарь. Изображение на экране в приборной панели тут же изменилось: картинка «радара» уменьшилась в несколько раз и сдвинулась влево и вверх, а большую часть экрана заняло изображение с инфракрасной камеры. Глядя на экран, Тарас повёл байк под горку и дальше меж холмов.

Он собирался подорвать «Толстяка» возле электростанции. Если бы бомб было две, то вторую они заложили бы в центре строящегося «Зомбилэнда». А если бы все три байка уцелели, то третий «Толстяк» отправился бы на север, к ледяному озеру, которое в будущем должно будет обеспечи-

вать «moskaley» водой и кислородом. Но, увы, что есть, то есть...

Тарас бросил взгляд на правый нижний угол экрана, где были часы, – до рассвета оставалась четверть часа. Он успевал. На случай, если мертвецы попытаются ему помешать, он заранее ввёл код подрыва на панели «Толстяка», и теперь ему оставалось только нажать «ввод», чтобы запустить последний отсчёт...

Он мог бы настроить «Толстяка» и на мгновенный подрыв, но тогда бы он не успел ничего понять, не успел бы увидеть плод своих усилий и насладиться моментом. Тарас очень хотел увидеть огненный шар, вернее, полусферу... наверное, ведь взрыв будет наземным... Хотел стать свидетелем смены эпох. Увидеть начало крушения надежд «rusn'i», как называли русских оба его отца. Ведь без электростанции проклятые русские зомби жить не смогут, – им нужно электричество, чтобы заряжать свои аккумуляторы. О том точно известно ЦРУ. Других зомби русские прислать на Марс не смогут. Спасибо за это американским учёным-генетикам! А этих – ну, тех, что не отправились охотиться на его группу (ведь не бросили же они свой «Зомбилэнд» без присмотра!) – сожжёт «Толстяк», вместе с их оборудованием, техникой и, пожалуй, частью строящегося города. Те зомби, что остались в каньоне, они просто сдохнут, когда сядут их батарейки. И всё. И не будет никаких русских на Марсе! А он, Тарас Вольтинский, войдёт в историю, как настоящий герой Америки.

И все рассеянные по миру истинные украинцы будут им гордиться; он будет велик, как Степан Бандера. А «rusnya» будет скрежетать зубами в своей холодной гомофобной России от осознания того, что никогда Марс не станет их собственным, а будет принадлежать всему демократическому человечеству – то есть, Америке и её друзьям.

Хорошо, что бомбу можно легко отсоединить от байка и оставить на месте. Поднять её здесь, на Марсе, он сможет, – препараты ему помогут. А иначе пришлось бы выставлять на таймере большее время, бросать байк у электростанции и самому бежать к холмам, чтобы там укрыться.

...Десять минут – этого времени ему будет достаточно, чтобы после нажатия кнопки «ввод» на панели «Толстяка» отъехать подальше за холмы и приготовиться к главному зрелищу в его жизни. Потом, когда дело будет сделано, Тарас прикажет искусственному интеллекту скафандра запустить процесс приятной эвтаназии, и он покинет этот мир счастливым победителем.

Да, он победит! Он отомстит этим «ogcs», как ещё называли русских его отцы, воспитавшие Тараса в любви и толерантности, отомстит за всё! За сталинский «Holodomor» и «atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki», за путинскую «occupation of Ukraine», за многовековую «discrimination against gays and all LGBT people»... Он им покажет!

Тарас сосредоточенно всматривался в экран на укрытой обтекателем панели управления и вёл мотоцикл к цели,

привычно объезжая подсвеченные инфракрасным фонарём крупные камни и ямы на пути. Скорость была меньше, чем при обычном освещении, – около двенадцати километров в час.

Выехав на непонятно откуда взявшийся просёлок, он несколько удивился, но быстро сообразил, что так даже лучше, – меньше вероятность угодить в яму или наскочить на валун, – и прибавил газу. Через несколько минут, просёлок вывел его на более укатанную грунтовку, которую наши мертвецы называли «МКАДом». Инфракрасный фонарь светил недалеко, – метров на пятнадцать, не более, но того было достаточно, чтобы Тарас оценил значение этой местной транспортной артерии.

Он остановил байк на Т-образном перекрёстке, и решил осмотреться, повернул руль вправо, чуть проехал, чтобы посветить вдоль дороги, потом стал разворачиваться, чтобы посветить влево и тут в глаза ему ударил яркий свет. Источник света был где-то совсем рядом, и он двигался, – двигался прямо к нему!

Прежде чем накрутить ручку газа, Тарас сделал главное – протянул руку к пульту на бомбе, откинул защитную поликарбонатовую крышку и нажал кнопку «ввод», затем вслух чётко произнёс команду: «к бою!» Искін отреагировал моментально: в вены Тараса через катетеры хлынула ударная доза коктейля из Метапервитина, Икс-Бетапродина и высокоочищенного кокаина, а дыхательная смесь обогатилась

кислородом и опиоидами попеременно с ЛСД и несколькими производными на основе метилендиоксиметамfetamina. Усталость моментально пропала, тело налилось силой и лёгкостью; рука Тараса перехватила правую ручку руля и плавно провернула её до упора. Колёса синхронно загребли грунт, и мотоцикл рванул вперёд, через обочину и по бездорожью, к месту, что светилось в углу экрана ярким жёлтым светом.

Он не стал включать фару, решив, что до рассвета, который должен был начаться вот-вот, с минуты на минуту, – горизонт сзади справа уже заметно синел, – инфракрасный фонарь и камера станут его преимуществом. Однако вспыхнувшие позади на дороге мощные фары сначала одного, а потом и второго мотоциклов, точно высветили его в крошечной темноте. Через секунду чуть поодаль на северо-востоке мелькнула третья фара и стала быстро приближаться. Тогда Тарас включил свою и погнал байк напрямки к электростанции русских.

Преследуемый тремя мотоциклистами, он не проехал и сотни метров. Одновременно сразу несколько пуль пробили его спину, и воздух в скафандре стал моментально горьким. Тарас почувствовал эти удары, но не боль, – анальгетики её отключили. Но отключить законы физики препараты не могли, и потому Тараса вышибло из седла, как если бы по спине ему ударили несколько раз увесистой кувалдой. Он полетел в сторону через руль, кувыркаясь, а байк проехал

вперёд с десятков метров и завалился набок, колёса его перестали вращаться. Тарас же тем временем быстро вскочил, не чувствуя боли, хотя из рваных дыр в его скафандре шёл пар, – это кровь его испарялась в разреженную атмосферу. Молниеносным движением он отщёлкнул на груди застёжки-фастексы и схватил винтовку, целя повыше ближней из трёх приближающихся фар, но выстрелить не успел...

...Длинная очередь откуда-то из темноты ударила Тараса в грудь. Одна из пуль пробила его сердце, а ещё одна пуля – последняя – попала ему точно в голову, в лоб, чуть повыше левой брови, и вынесла затылок. Приятной эвтаназии не получилось, хотя и страданий перед смертью Тарас не испытывал. Он умер быстро.

***

Первым американца заметил сам Лёха, – увидел движущийся на фоне синего горизонта силуэт, и посветил в его сторону фарой мотоцикла...

Поскольку район, где должен был появиться незванный гость, мертвецам был точно известен, они попросту рассредоточились вдоль МКАДа, оставаясь в зоне прямой радиовидимости «рабочих» гарнитур друг друга, – это значительно облегчало и ускоряло коммуникацию. Периодически они освещали округу фонарями и фарами мотоциклов, сообщая обо всех своих действиях в общий эфир. Американец, сле-

дивший за дорогой посредством передаваемой на экран картинки с инфракрасной камеры, запросто мог бы увидеть, пусть не лучи света, их не видно, но сами эти фонари, или пятна света от них на земле, если бы не был целиком и полностью сосредоточен на экране и управлении мотоциклом. Бессонная ночь и дорога вымотали его, а заданный скафандру режим не предполагал постоянного использования бодрящих препаратов.

...Едва заметив чужака на незнакомом мотоцикле, Лёха тотчас рявкнул в микрофон: «Пиндосня здесь! Всем следить за моей фарой! Погнали!», и накрутил гашетку, срывая мотоцикл с места и подсвечивая погнавшего вперёд американца как зайца в поле.

Дальше была недолгая погоня, все участники которой чётко выполняли Лёхины приказы.

Как только дистанция между американцем и мертвецами сократилась достаточно, Лёха приказал отцу Никифору и Тахиру ссадить Каца и Палыча, и чтобы те сразу же открывали огонь по подсвеченной цели. Сам же он погнал прямо на врага. Это в него, в Лёху, выброшенный из седла американец целился перед тем, как меткий выстрел Палыча вышиб ему мозги.

Лёха первым подъехал к убитому. Достал карманный фонарик, осветил на подёргивающееся в издырявленном пулями скафандре тело, на лежавшую рядом в пыли американскую винтовку. Ничего особо опасного на вид при оператив-

но упокоенном американце он не заметил, – только уже виденные элементы внешнего обвеса скафандра; никаких сумок со взрывчаткой, никаких бомб и переносных ракетных комплексов. Проехал немного вперёд, к лежавшему на боку массивному байку с раздувшимися как у жеребой кобылы боками. А вот там...

...А там Лёха быстро всё понял. Американский мотоцикл был, по сути, придатком к приличных размеров бочонку, в верхней части которого под прозрачной крышкой светилось табло с цифрами. И цифры эти на глазах убывали, показывая, очевидно, время: «00:07:57», потом: «56», через секунду: «55», и так далее...

– Твою же ж ма-ать!.. – протянул Лёха.

Он соскочил со своего мотоцикла, ухватил за руль американский, быстро уселся в кресло. Фара горела, органы управления массивной двухколёсной машиной особой оригинальностью не отличались. Чуть крутнул ручку газа, и колёса заскребли песок и гравий.

Глянул на табло на бочке: «00:07:47»

– Всё, мужики, бывайте! – зло сказал он и...

...Вылетел в сторону из седла. А на его место тут же лихо запрыгнул отец Никифор.

– Молодой ещё, – сказал незлобиво мёртвый монах. – Тебе ещё жить да жить...

Осматривая сначала американца, а потом и его байк, Лёха не заметил, как другие мертвецы оказались рядом и стали

наблюдать за ним из-за спины. Когда же он решился на отчаянный поступок, бывший ближе всех к нему мёртвый монах решил иначе...

– Мир вам, братья, – сказал отец Никифор и, сложив персты особым образом, как священник божий, перекрестил сначала товарищей, а после – лежащий позади город. Быстро взглянул на табло: до конца отсчёта оставалось ровно семь минут. – Берегите друг друга! И постройте этот город! – сказал он и накрутил газ.

Байк круто развернулся и, набирая скорость, помчал на восток, обратно к Ржавым холмам, из-за которых в этот самый момент появился бело-голубой диск солнца, окрасивший пространство позади холмов в лазурь.

Вскочивший на ноги Лёха стоял и, шурясь, смотрел в след уносившемуся вдаль мёртвому монаху. Смотрели и стоявшие рядом мертвецы: молчаливый и строгий Тахир, хронически солидный и важный Кац, медведеподобный увалень Палыч. При жизни никто из них не отличался особой религиозностью, и после смерти они оставались таковы, ведь мертвецы неизменны, стабильны, но в этот момент каждый из них по-своему молился за лихого рокера из Киево-Печёрской лавры отца Никифора, – за то, чтобы он успел захватить холмы. Нет, они не боялись умереть. Они ведь и так уже мёртвые. Они боялись за город, за дело своей... Жизни? Смерти? Посмертной жизни? За дело, что им доверила страна и её народ. За будущий русский Марс. Вот, за что они

сейчас боялись, и за это молились, как кто умел.

А летящий в рассвет мертвец отец Никифор беззвучно шевелил мёртвыми губами, произнося одному только ему и Богу известные слова, и накручивал, накручивал ручку газа, разгоняя вражеский байк до двадцати, тридцати, тридцати пяти километров в час.

Проносясь меж «верблюжьих горбов», он летел уже со скоростью сорок. Скорость такая не была предусмотрена конструкторами. Предел у байка был – тридцать пять. Но непокойный священномонах каким-то чудесным образом сумел заставить вражескую технику нарушить этот предел. Он проехал ещё полтора километра, прежде чем на табло высветилось: «00:00:00».

***

Пустыня заканчивалась. И заканчивалась марсианская ночь. Небо над головой оставалось таким же чёрным и звёздным, но над голубым горизонтом справа уже выскочило как шаровая молния слепящее бело-голубое солнце, и слева от несущейся на полной скорости машины побежала длинная антрацитовая тень. Холмы впереди – те самые, которые мертвецы называли «Ржавыми» – появились на горизонте уже подсвеченные сбоку. Выглядели они так, будто то были не холмы вовсе, а какие-то странные не то «трамплины», не то застывшие гигантские «волны», – справа горка как горка,

а слева чернота.

Сергей молча смотрел вперёд на дорогу. Майор молча крутил баранку. Говорить было не о чем, и мертвецы молчали. Каждый понимал бессмысленность разговоров, которые никак не могли ни на что повлиять. Нужно было скорее в лагерь, и Майор – гвардии майор Сергей Юрьевич Коваленко – гнал багги по пустыне так, как только мог. Сосредоточенный, он смотрел вперёд, рулил, показывал высший пилотаж. Так управлять четырёхколёсной машиной мог на этой планете только он и, может быть, ещё Лёха. А сидевший рядом его тёзка – Сергей Петрович Никитин, подполковник ФСБ – мог сейчас только не мешать товарищу. И он не мешал. Смотрел себе вперёд, на холмы, на тени, на чёрное звёздное небо над ними. И вдруг звёзды впереди померкли...

...Где-то за холмами, за неровным горизонтом в мгновение ока вырос огненно-белый купол. Точные размеры его определить на глаз было нельзя, однако, учитывая холмистый ландшафт, где высота отдельных холмов достигала полукилометра и даже более, можно было предположить, что не меньше километра... Примерно две или три секунды яркость свечения нарастала, а потом стала постепенно угасать. Если бы не защитные очки, в которых мертвецы могли без ущерба для глаз смотреть на местное солнце, они бы, пожалуй, ослепли, а так, только на несколько секунд мир вокруг исчез и остался один только огненный купол, бóльшую часть которого скрывал неровный из-за холмов горизонт.

– Стой! – приказал Сергей. – Из машины!

Два раза командовать мёртвому десантнику не требовалось. Майор сбросил газ и дал по тормозам. Багги понесло юзом по пескогравии, но мертвец, работая рулём, удержал машину от опасного заноса и опрокидывания. Как только машина остановилась, оба товарища синхронно хлопнули по кнопкам замков ремней безопасности и выскочили из машины.

Отбежав от багги, мертвецы бросились на землю, как учили по команде «Вспышка!» – «лицом вниз, ногами в сторону взрыва», и стали ждать. Свечение за холмами погасло секунд через двадцать, когда они уже лежали на земле, а звука всё не было. Зато нарастающе загудела сама земля, так, что гул этот ощущался всем телом, а потом пришла сейсмическая волна...

...Тряхнуло так, что, если бы они стояли в тот момент на ногах, то, вполне возможно, что стали бы они мертвецами-инвалидами. Починить сломанную кость – это ещё ладно, а вот раздавленные мениски в коленях, или компрессионные переломы позвонков... Таким неисправностям Надежда точно не обрадуется...

Надежда... Где она теперь? Где товарищи, что оставались в лагере? «Живы» ли, или сгорели в том огненном куполе?..

– Майор? – позвал Сергей в микрофон выпавшей из уха гарнитуры. – Тёзка? Слышишь меня?

Тишина. Неужели электромагнитный импульс достал и

вырубил радиогарнитуру? Сергей вскочил на ноги, глянул на машину. Стоит. Быстро пошёл вокруг.

Майор копошится в тени, что-то там ищет, – это видно по тонким лучикам света, что пронзают машину во многих местах. Сергей достал и включил фонарик, направил луч света на товарища.

– О, спасибо, братка! – послышался тихий, как обычно бывает, если говорить без гарнитуры, голос. – Ща... – Майор наконец нашёл, что искал, сунул это себе в ухо. – Во, нормально! – произнёс он уже громко в гарнитуре у Сергея.

– Ну, что, поехали, посмотрим... – мрачно произнёс Сергей.

– Поехали, Серый, посмотрим... – сказал мёртвый десантник. – Как говорит наш Пинкертон, – он с досадой посмотрел в сторону машины, где в багажнике лежал уже давно задеревеневший Андрей Ильич, – двум смертям не бывать, а одну мы уже пережили...

Эпилог. Третья жизнь после второй смерти

– Андрей Ильич, как ты, дорогой? – Мёртвая женщина внимательно смотрела в постепенно обретающие подвижность глаза старого мёртвого опера.

– Да как тебе сказать, Надежда... – хрипло произнёс мертвец. – Вроде как только что меня этот янкес подстрелил... Много времени-то прошло? Чего там, с этими?.. Переловили их?

Мертвец лежал на операционном столе в палатке у Надежды. В глаза ему бил яркий свет от светильника. Вся грудь его была изрезана; виднелись рёбра, соединённые хомутами с кусками арматуры и залитые эпоксидной смолой; крышка аккумулятора отсека в груди снята, за ней видны элементы питания, обмотанные изоляцией провода.

– Переловили, переловили, Андрей Ильич. Ты пока не шевелись. Тело ещё недостаточно прогрелось. А-то мышцу какую ещё порвёшь... И без того дырок в тебе много. Отогреешься, начну тебя латать, да клеить.

– А как так вышло, что ты меня снова оживила, Наденька? – спросил мертвец мёртвую женщину, назвав её так, как до того называл один только отец Никифор. – Я-то в курсе насчёт элементов питательных.

– Питания, – поправила его Надежда. – Элементов питания... Они-то как раз, заменяются без проблем. Тебе эта сволочь американская центральный процессор пробила и батарейный отсек тоже разнесла...

– Так и как же ты меня починить смогла, Надюша?

– Да заменила процессор, и отсек заодно... Лёха идею подкинул, неожиданно. «А давайте, – говорит, – Алима раскопаем, и всё, что надо, у него снимем!» Нет, ну ты представляешь, Ильич! Обормот обормотом, а вот додумался же! Алим он же целый и невредимый, практически... ну, кроме головы. Камнем по голове ему тогда сильно прилетело, что он ею соображать совсем перестал... прям как эти, что на Земле теперь после смерти получают... Вот. Я у него тогда только элементы питания извлекла, и так похоронили его... А он ведь законсервированный. Лежит себе под метром песка, и всё у него рабочее...

– Вот так дела-а... – протянул Андрей Ильич.

– Ага, – Надежда кивнула.

В этот момент со стороны тамбура послышалась тихая возня, кто-то откинул наружный полог, потом внутренний. Андрей Ильич хотел было повернуть голову, чтобы посмотреть, кто пришёл, но Надежда сделала такое лицо, что он сразу передумал:

– Нельзя тебе шевелиться, запомни! Пока не разрешу.

– О! Андрей Ильич проснулся! – Это пришёл Лёха.

– Лёгок на помине, – сказала Надежда.

– Дорогая, я не сомневался, что ты обо мне помнишь и никогда не забываешь.

Лёха подошёл к операционному столу и посмотрел на мёртвого опера. А тот чуть было не подскочил, да Надежда его придержала.

– Лёшка! Да что же это с тобой! – воскликнул мертвец.

Лицо у Лёхи было такое... как у героя обложек той самой британской рок-группы, чью песню Лёха напевал на американском корабле; потемневшее, постаревшее, какое-то будто оплавленное; кожа местами треснута и явно заклеена. Волос на голове нет совсем. Зато глаза с телячьими ресницами за жёлтыми стёклами очков, веки и кожа вокруг глаз – такие же, как и прежде были.

– А... Это... – Лёха усмехнулся непослушными от клея обожжёнными губами. – Так это же от ядерного взрыва...

– Какого взрыва?! Где взрыва?!

– Да спокойно ты, споко-ойно, старый! Всё нормально... Ну, почти... Приехал тут к нам один на блатном таком мб-цыке...

– А в мотоцикле бомба...

– Именно! Она самая! – Лёха покивал головой. – В общем, мы его завалили, но он на бомбе таймер успел запустить, гад... Отец Никифор на мб-цык тот, значит, запрыгнул и погнал напрямки к Серёгиному «верблюду»... Как заехал туда, в холмы, так и жахнуло... И вот... видишь, какой я красивый теперь?.. – Лёха картинно подбоченился, выпя-

тив грудь колесом и выставив вперёд немалый свой подбородок. – Тахир, Кац и Палыч тоже такие... Мы вчетвером теперь можем в фильмах ужасов про зомбей без грима сниматься! Хотя... Что-то мне подсказывает, что после фокусов пиндосни кино про зомбей на Земле не очень котируется... – На последних словах он весело рассмеялся, заразив смехом и лежавшего на столе Андрея Ильича и стоявшую рядом с ним Надежду.

Лёха был, как всегда, брав и весел. Ничем этого мертвеца было не пронять.

– Да уж... – отсмеявшись и посерьёзнев, тихо с хрипотцой в голосе сказал Андрей Ильич. – Жалко монаха нашего...

– Ну, так... – Лёха на миг тоже стал серьёзным. – Все мы там будем... А он красиво ушёл. И город он спас. И нас всех.

Мертвецы помолчали.

– Ладно, пойду я... – сказал Лёха. – Ты, это, старый, давай, выздоравливай! – Он широко улыбнулся. – Скоро нам в поход...

– Не понял. В какой такой поход?

– Ну как же! В пещеру к Шарпову Надю вот отвезём... Потом ей корабль американский с Анжелкой тоже посмотреть надо... Ну, и Афедрон заодно ей покажем. – Лёха подмигнул мёртвой женщине. – А потом, ребята говорят, что пара атомных боб у нас тут в Каньоне лежат... Надо их куданить подальше деть... А ещё мне понравился пиндосский моцк. В Каньоне, говорят, два штуки таких лежат... Так

я один себе заберу, починю, и ездить буду. Во. Так что, ты давай, приходи в чувства! – С этими словами, Лёха развернулся и пошёл из палатки, на ходу тихо, едва различимо напевая:

– Но он исчез, и никто не знал,

Куда теперь мчит его байк.

Один бродяга нам сказал,

Что он отправился в рай...³⁴

Механически откинув полог, мертвец наклонился и шагнул в тамбур, – там голос его стал глух и неразборчив, а когда он оказался снаружи, тогда и вовсе стих. Хотя, конечно же, то не Лёха замолчал, а просто воздух на Марсе слишком жидкий, – молекул в нём мало, и потому слышно в нём недалеко. Но оставшиеся внутри красивая мёртвая женщина и старый мёртвый опер знали слова затихшей песни. За годы, проведённые вместе, они слышали её много раз.

---

³⁴ Группа Ария, «Беспечный ангел», слова Маргариты Пушкиной.